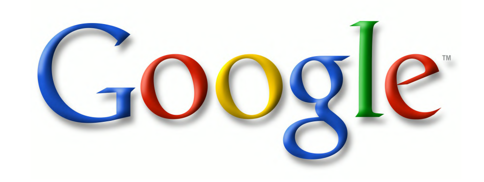

OF THE
IVERSITY
OF
LIFORNIA

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА

КОНДРАТІЯ ѲЕДОРОВИЧА

RYLEEV

РЫЛѢЕВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ЕГО ДОЧЕРИ,

ПОДЪ РЕД. П. А. ЕФРЕМОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. И. Глазунова, Казанская ул., 8.
1874.

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINOKOUROFF

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поэмы.

Оды и посланія.

Мелкія стихотворенія.

Отрывки и наброски.

Прозаическія статьи.

Переписка.

Приложенія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изданіе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева напечатано безъ измѣненій съ перваго изданія, появившагося въ 1872 г. Добавлено только одно письмо (Зубковскаго), исключительно для характеристики имущественныхъ отношеній Рылѣева, да сдѣланы исправленія недосмотровъ, допущенныхъ нами при первомъ печатаніи и указанныхъ потомъ нѣкоторыми рецензіями. Наше коротенькое «предисловіе» къ первому изданію мы перепечатываемъ и теперь безъ измѣненій.

Вотъ что было нами тогда написано:

Въ послѣднее десятилѣтіе неоднократно было заявляемо нашей печатью о необходимости изданія сочиненій Рылѣева, которое бы пополнило собою пробѣлъ, остающійся въ ряду изданныхъ сборниковъ произведеній русскихъ поэтовъ. При этомъ замѣчено было что сочиненія Рылѣева, не имѣя ничего общаго съ его политической дѣятельностью, принадлежатъ къ чисто-литературнымъ и притомъ замѣчательнымъ по таланту произведеніямъ; что хотя Рылѣевъ былъ признанъ судомъ государственнымъ преступникомъ и понесъ наказаніе, но въ стихотвореніяхъ его нѣтъ ничего преступнаго, что, напротивъ, они проникнуты глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, были напечатаны подъ надзоромъ очень строгой тогдашней цензуры и въ настоящее время не могутъ считаться ни опасными, ни вредными. Къ этому, еще недавно, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ русскихъ журналовъ прибавилъ, что, по

его мнѣнію, многія стихотворенія Рылѣева могли бы имѣть благотворное воспитательное значеніе для юношества, возбуждая въ немъ патріотическія чувства, любовь къ родинѣ и къ славнымъ дѣяніямъ предковъ, такъ-какъ всѣ лучшіе люди нашего прошлаго, возвеличенные исторіей, нашли въ Рылѣевѣ своего пѣвца, всегда благороднаго и крѣпкаго любовью къ своей родинѣ.

Эти заявленія русской печати побудили дочь покойнаго поэта, Анастасію Кондратьевну Пущину, приступить къ изданію сочиненій ея отца. По просьбѣ ея, мы собрали почти все напечатанное до сихъ поръ съ именемъ Рылѣева, устранивъ только часть первоначальныхъ, весьма слабыхъ его опытовъ въ стихахъ и въ прозѣ; провѣрили все съ сохранившимися подлинными рукописями и взяли изъ послѣднихъ нѣсколько произведеній, еще не бывшихъ въ печати. Къ этому мы присоединили переписку поэта, какъ матеріалъ для будущей его біографіи, которой, къ сожалѣнію, въ настоящее время дать не могли, равно какъ и не рѣшились перепечатать появившіяся уже біографическія свѣдѣнія, ибо на перепечатку однихъ не получили права, а другія воспроизводить въ нашемъ изданіи отказались сами, по неполнотѣ и искаженію напечатаннаго ихъ текста, и сочли возможнымъ ограничиться только указаніемъ немногихъ данныхъ, необходимыхъ для уясненія напечатанной нами переписки поэта.

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ, по собственному его указанію, напечатанному въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 г., родился 18 сентября 1795 г., по указаніямъ же родныхъ—въ 1797 г., а по словамъ г. Кропотова въ 1789 г., что кажется не совсѣмъ вѣрно, хотя и основано на спискахъ кадетскаго корпуса, ибо Рылѣевъ не могъ бы въ такомъ случаѣ называть себя молодымъ въ 1823 году (письмо къ Булгарину). Отецъ его, отставной подполковникъ Ѳедоръ Андреевичъ (ум. въ 1814 г.) былъ нрава суроваго и дурно обращался съ семьей, такъ

что жену свою, Анастасію Матвѣевну (рожденная Эссенъ, ум. 2-го іюня 1824 г.), нерѣдко запиралъ даже въ погребѣ, и она, чтобъ избавить сына отъ строгостей отца, отдала его, если вѣрить указаніямъ г. Кропотова, чуть не ребенкомъ, въ 1-й кадетскій корпусъ, 23-го января 1801 г. (не ошибка ли вм. 1807). Кажется, еще въ корпусѣ онъ основательно изучилъ французскій и польскій языкъ и освоился съ нѣмецкимъ до того, что впослѣдствіи былъ членомъ 1-й степени въ масонской ложѣ № 9 Пламенѣющей Звѣзды (списки ея 1820 — 21 г.), гдѣ всѣ пренія происходили только на нѣмецкомъ языкѣ. По успѣхамъ въ прочихъ наукахъ Рылѣевъ принадлежалъ къ числу воспитанниковъ 1-го разряда и былъ выпущенъ 10-го февраля 1814 г. прапорщикомъ въ 1-ю резервную артиллерійскую бригаду, съ которою и былъ въ походѣ за границей; а по возвращеніи оттуда состоялъ въ конно-артиллерійской № 11 ротѣ, съ которою квартировалъ сначала въ Минской, а потомъ въ Воронежской губ. (съ 1817 г.). Здѣсь въ Острогожскомъ уѣздѣ, въ с. Подгорномъ, онъ полюбилъ дочь тамошняго помѣщика Мих. Григ. Тевяшова, Наталью Михайловну, вышелъ по требованію отца невѣсты въ отставку (26-го декабря 1818 г.) и, кажется, противъ желанія матери, женился на Н. Михайловнѣ (22-го января 1820 г.), отъ которой и имѣлъ сына Александра (ум. 1824 г.) и дочь Анастасію (род. 23-го мая 1823 г.; въ замужствѣ за И. А. Пущинымъ съ 31-го авг. 1842 г.). Впослѣдствіи Наталья Михайловна вступила во второй бракъ съ Григ. Ив. Куколевскимъ (22-го октября 1833 г.) и скончалась 31-го августа 1853 года.

Послѣ женитьбы К. Ѳ. переселился въ Петербургъ, гдѣ и служилъ по выборамъ дворянства засѣдателемъ въ уголовной палатѣ, обращая на себя вниманіе безукоризненно-честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Незадолго до 1825 г. онъ поступилъ правителемъ дѣлъ въ правленіе россійско-американской компаніи,

которой, по отзыву директора Ив. Вас. Прокофьева, оказалъ большія услуги ревностными своими занятіями и честнымъ отношеніемъ къ дѣламъ ея; по нимъ, между прочимъ, онъ вошелъ въ сношенія съ Н. С. Мордвиновымъ и М. М. Сперанскимъ. Въ домѣ компаніи (на Мойкѣ) и жилъ Рылѣевъ въ 1824—25 гг., вмѣстѣ съ незаконною дочерью своего отца, Анной Ѳедоровною (ум. 1856 г.), благодаря легкомысленному характеру которой долженъ былъ стрѣляться съ кн. Шаховскимъ, при чемъ былъ раненъ въ ногу. Замѣтимъ еще, что К. Ѳ. былъ секундантомъ родственника своего Чернова въ извѣстной его дуэли съ Новосильцовымъ.

Сочиненія свои Рылѣевъ началъ печатать въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г., потомъ помѣщалъ ихъ въ «Благонамѣренномъ» Измайлова, «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Р. Инвалиду» Воейкова, «Сынѣ Отечества» Греча, «Литературныхъ Листкахъ» и «Сѣв. Пчелѣ» Булгарина и въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», издававшемся С.-Петербургскимъ вольнымъ обществомъ любителей русской словесности, гдѣ состоялъ сначала членомъ-корреспондентомъ (дипломъ 25-го апр. 1821 г.), а потомъ дѣйствительнымъ членомъ (дипломъ 5-го апр. 1823 г.). Вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ онъ издалъ три книжки альманаха «Полярная Звѣзда» на 1823, 1824 и 1825 г. и приготовилъ на 1826 г. альманахъ «Звѣздочку», оставшійся недопечатаннымъ. Отдѣльно издалъ въ началѣ 1825 г. свою поэму «Войнаровскій» и собраніе «Думъ».

День его смерти—13 іюля 1826 г.

П. Е.

ДУМЫ.

[Его высокопревосходительству Николаю Семеновичу Мордвинову съ глубочайшимъ уваженіемъ посвящаетъ сочинитель].

«Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.»

Такъ говоритъ Нѣмцевичъ * о священной цѣли своихъ «Историческихъ пѣсенъ» (Spiewy Historyczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя «думы». Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе «думы».

Дума — старинное наслѣдіе отъ южныхъ братьевъ нашихъ, наше русское, родное изобрѣтеніе. Поляки заняли ее отъ насъ. Еще до сихъ поръ украинцы

* Spiewy Historyczne Niemcewicza. См. Предисловіе.

поютъ думы о герояхъ своихъ: Дорошенкѣ, Нечаѣ, Сагайдачномъ, Палѣѣ, — и самому Мазепѣ приписывается сочиненіе одной изъ нихъ. Сарницкій * свидѣтельствуетъ, что на Руси пѣлись элегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Струсовъ, павшихъ въ 1506 году въ битвѣ съ валахами. «Элегіи сіи, говоритъ онъ, у русскихъ думами называются. Соглашая заунывный голосъ и тѣлодвиженія со словами, народъ русскій иногда сопровождаетъ пѣніе оныхъ печальными звуками свирѣли.»

Въ числѣ предлагаемыхъ «думъ» читатели найдутъ двѣ піесы, которыя не должны бы войти въ сіе собраніе: это «Рогнѣда» и «Олегъ Вѣщій». Первая по составу своему болѣе повѣсть, нежели дума; вторая есть историческая пѣсня (Spiew Hystoryczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я рѣшился помѣстить ее въ числѣ «думъ», чтобы показать составъ историческихъ пѣсенъ Нѣмцевича, одного изъ лучшихъ поэтовъ Польши.

Примѣчанія, припечатанныя при «думахъ», кромѣ нѣкоторыхъ, сдѣланы П. М. Строевымъ.

---

* Annales Regni Pol. t. II к. 1198. Слово въ слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, jak swiadczy Niesiecki, Herb. IV. 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae quas Dumas Russi vocant, canuntur voce lugubri et gestu canenium se in utramque partem motantium, id quod canitu exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim meduvis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit.»

I. ВАДИМЪ.

Надъ кипящею пучиною,
Подпершись, сидитъ Вадимъ,
И на Новгородъ съ кручиною
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ.

Громъ гремитъ; змѣей огнистою
Сумракъ молнія сѣчетъ;
Волховъ пѣной серебристою
Въ берегъ хлещетъ — и реветъ.

Вотъ ужъ небо въ звѣзды рядится,
Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто въ саванѣ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
Какъ полночи вѣчный ледъ
Хладенъ, крѣпокъ витязь—пламенный
Въ грозныхъ битвахъ за народъ.

Не смотря на хладъ убійственной
Сограждан къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.

«До какого насъ безславія
«Довели вражды гражданъ!
«Насылаетъ Скандинавія
«Властелиновъ для славянъ!...

. . . .

II. ОЛЕГЪ ВѢЩІЙ.

Наскучивъ мирной тишиною,
Собралъ полки Олегъ
И съ ними полетѣлъ грозою
На цареградскій брегъ.

Покрылся быстрый Днѣпръ ладьями,
Въ брегахъ крутыхъ взревѣлъ,
И подъ отважными рулями
Напѣнясь закипѣлъ.

Дружина храбрая героевъ
На славныя дѣла,
Сгарая пылкой жаждой боевъ,
Съ веселіемъ текла.

Въ пути ей не были преграды
Кремнистыхъ горъ скалы,
Днѣпра подводныя громады,
Ни ярыхъ водъ валы.

Сѣдой Олегъ, шумящей птицей,
Въ Эвксинъ черезъ лиманъ —
И предъ Леоновой столицей
Раскинулъ грозный станъ.

Мгновенно вѡйсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась;
Вездѣ кипитъ война.

Горятъ деревни, селы пышутъ,
Прахъ вьется средь долинъ;
Въ сердцахъ убійствомъ хладнымъ дышутъ
Варягъ и славянинъ.

Потомки Брута и Камилла
Сокрылися въ стѣнахъ;
Уже ихъ нѣга развратила,
Нѣтъ мужества въ сердцахъ.

Ихъ императоръ самовластный
Въ чертогахъ трепеталъ,
И въ астрологіи, несчастный,
Спасенія искалъ.

Межъ тѣмъ замысливъ приступъ смѣлый,
Ладьи свои Олегъ,
Развивъ на каждой парусъ бѣлый,
Вдругъ выдвинулъ на брегъ.

«Идемъ, друзья!» — рекъ князь Россіи
Геройскимъ племенамъ —
И шелъ по сушѣ къ Византіи,
Какъ въ морѣ по волнамъ.

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая тронъ,
Пословъ и дань — за миръ позорный —
Къ Олегу шлетъ Леонъ.

Объятый праведнымъ презрѣньемъ,
Беретъ князь русскій дань;
Даритъ Леона примиреньемъ —
И прекращаетъ брань.

Но въ трепетъ гордой Византіи
И въ память всѣмъ вѣкамъ,
Прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи
Къ царьградскимъ воротамъ.

Успѣхомъ подвиговъ довольный
И славой въ тѣхъ краяхъ,
Олегъ помчался въ градъ престольный
На быстрыхъ парусахъ.

Народъ, узрѣвъ съ крутаго брега
Возвратъ своихъ полковъ,
Прославилъ подвиги Олега
И восхвалилъ боговъ.

Весь Кіевъ въ пышномъ пированьѣ
Восторгъ свой изъявлялъ
И князю «Вѣщаго» прозванье
Единогласно далъ.

III. ОЛЬГА ПРИ МОГИЛѢ ИГОРЯ.

Осенній вѣтеръ бушевалъ,
Крутя деревъ листами,
И сосны древнія качалъ
Надъ мрачными холмами.
Съ поляны всталъ сѣдой туманъ
И все сокрылъ отъ взгляда;
Лишь Игоревъ синѣлъ курганъ,
Какъ грозная громада.

Слетала быстро ночь съ небесъ;
Луна межъ тучъ всплывала,
И изрѣдка въ дремучій лѣсъ.
Иль въ долъ лучемъ сверкала.
Настала полночь... Вдругъ вдали —
Какъ шелестъ по полянѣ...
То Ольга съ Святославомъ шли
И стали при курганѣ.

И долго мудрая въ тиши
Стояла предъ могилой,
Съ волненьемъ горестной души
И съ думою унылой.
О прошломъ, плавая въ мечтахъ,
Она, томясь, вздыхала,

Но огнь блеснулъ въ ея очахъ —
И мудрая вѣщала:

«Мой сынъ, здѣсь палъ родитель твой,
Вотъ храбраго могила!
Но слезъ не лей: я местью злой
Древлянамъ заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла
И кровь, пролитая рѣкой,
Тутъ, мнится, не обсохла...

«Такъ, сынъ мой, Игорь отомщенъ;
Моя спокойна совѣсть;
Но самъ виновенъ въ смерти онъ —
Внемли объ оной повѣсть:
Уже надменный грекъ, смиренъ
Кровопролитной бранью,
Покой отъ сѣверныхъ племенъ
Купилъ позорной данью.

«И Игорь, бросивъ мечъ и щитъ
Къ подножію кумира,
Молилъ перуна, да хранитъ
Ненарушимость мира.
Изъ града въ градъ вездѣ текла
Его дѣяній слава,
И счастьемъ мирнымъ процвѣла
Обширная держава.

«Вдругъ князя гордая душа
Покой пренебрегаетъ
И, къ золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляетъ.
Дружины собралися въ станъ
Въ доспѣхахъ ярой брани —
И полетѣли въ край древлянъ
Сбирать покорства дани.

«Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Сталъ вновь налоги брать съ земли
Съ дружиной своевольной.
«О, князь!» народъ ему вѣщалъ,
«Чего еще желаешь?...
«Отъ насъ послѣднее ты взялъ
«И насъ же угнетаешь!»

«Но князь не внялъ моленьямъ симъ —
И угнетенныхъ племя
Рѣшилося сразиться съ нимъ
И сбросить ига бремя.
«Погибель хищнику, друзья!
«Пускай падетъ онъ мертвой!
«Его сразитъ стрѣла моя,
«Иль всѣ мы будемъ жертвой!» —

«Древлянскій князь твердилъ въ лѣсахъ...
Отважные возстали,
И съ дикой яростью въ сердцахъ
На Игоря напали.
Дружина хищниковъ легла
Безъ славы и безъ чести,
А твой отецъ, виновникъ зла,
Палъ жертвой лютой мести.

«Отецъ будь подданнымъ своимъ
И болѣ князь, чѣмъ воинъ;
Будь другъ своихъ, гроза чужимъ —
И жить въ вѣкахъ достоинъ!»
Такъ князю-отроку рекла,
И поклонясь кургану,
Мать съ сыномъ тихо потекла
Ко дремлющему стану.

IV. СВЯТОСЛАВЪ.

И одинока, и блѣдна,
Въ туманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурогая луна
Надъ брегомъ быстраго Дуная.
Ея перловые лучи
Станъ усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратниковъ ряды дремали.

Съ отвагой въ сердцѣ и въ очахъ,
Младой гусаръ вдали отъ стана,
Закутанъ буркой, на часахъ
Стоялъ на высотѣ кургана.
Предъ нимъ на острову рѣки
Шатры турецкіе бѣлѣли;
Какъ лѣсъ вздымались бунчуки
И съ вѣтромъ въ воздухѣ шумѣли.

Въ давно минувшихъ временахъ
Крылатой думою летая,
О прошлыхъ онъ мечталъ бояхъ,
Гремѣвшихъ на брегахъ Дуная.
«На сихъ степяхъ, такъ воинъ пѣлъ,
Съ Цимисхіемъ въ борьбѣ кровавой,
Неразъ подъ тучей грозныхъ стрѣлъ
Нашъ Святославъ увѣнчанъ славой.

«По манію его руки
Безстрашный россъ, пылая местью,
На грозные враговъ полки
Леталъ — и возвращался съ честью.
Онъ на равнинахъ дальнихъ сихъ,
Для славы на бѣды готовой,
Дивилъ и чуждыхъ и своихъ
Своею жизнію суровой.

«Ему сводъ неба былъ шатромъ
И въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ,
Земля подъ войлокомъ — одромъ,
А пищею — конина въ голодъ.
«Друзья, насъ бѣгство не спасетъ!»
Гремѣлъ герой на бранномъ полѣ:
«Позоръ на мертвыхъ не падетъ;
«Намъ биться волей, иль неволей...

«Сразимся жъ, храбрые, смѣлѣй;
«Не посрамимъ отчизны милой —
«И груды вражескихъ костей
«Набросимъ надъ своей могилой!»
И горсть славянъ на тьмы враговъ
Текла, вождя послышавъ голосъ, —
И у врага хладѣла кровь,
И дыбомъ становился волосъ...

«Съ утра до вечера кипѣлъ
На ближнемъ полѣ бой кровавой;
Двѣнадцать разъ герой хотѣлъ
Вѣнчать побѣду звучной славой.
Валились грудами тѣла,
И грекъ неразъ бѣжалъ изъ боя;
Но рать враговъ превозмогла
Надъ чудной доблестью героя.

«Закинувъ нà-спину щиты,
Славяне шли, какъ львы съ ловитвы,
Грозя съ нагорной высоты
Кровопролитьемъ новой битвы.
Столь дивной изумленъ борьбой,
Владыка гордой Византіи
Свиданіе и миръ съ собой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.

«И къ славѣ сѣверныхъ племенъ
И цареградскаго престола

Желанный миръ былъ заключенъ
Не вдалекѣ отъ Доростола.—
О, князь! давно истлѣлъ твой прахъ,
Но живъ еще твой духъ геройскій!
Питая къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окрыляетъ наши войски!

«Онъ тамъ, гдѣ пылъ войны кипитъ,
Орломъ ширяясь передъ строемъ,
Чудесной силою творитъ
Вождя и ратника героемъ!
Но что?... Ужъ вспыхнула заря!...
Взгремѣла пушка вѣстовая —
И войски бѣлаго царя
Покрыли берега Дуная.

«Трубы призывной слышенъ звукъ!
Меня зовутъ на пиръ кровавой...
Туда, мой конь, гдѣ саблей стукъ,
Гдѣ можно пасть, вѣнчавшись славой!...»
Гусаръ умчался... Громъ взревѣлъ...
Свистя, сшибалися картечи,
И смѣло строй на строй летѣлъ,
Ища съ врагами ярой сѣчи...

Вдругъ крови хлынула рѣка...
Отважный Вейсманъ палъ, но съ честью;
И рой наѣздниковъ полка
На мусульманъ ударилъ местью.
Враги смѣшались, дали тылъ,
И поле трупами покрыли —
И русскій знамя водрузилъ,
Гдѣ грековъ праотцы громили.

V. СВЯТОПОЛКЪ.

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,

Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проникалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепрёмъ встрѣчался.—
Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался...

Ему былъ страшенъ взоръ людей:—
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укоры;
Страдальцу мнилось: «ты злодѣй!»
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы.
«Злодѣй!» казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ —
И кончилъ дни свои, страдая...
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца-братъ святаго Глѣба.

И обитатель той земли
Завидѣвъ, трепетомъ объятый,
Его могилу издали,
Бѣжа, крестилъ себя трикраты.
Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ «Окаяннаго» прозванье.

И въ страшной повѣсти объ немъ,
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ отецъ семейства:

«Ужасно быть рабомъ страстей!
Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днемъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью.»

VI. РОГНѢДА.

Потухъ послѣдній солнца лучъ;
Луна обычный путь свершала;
То пряталась, то изъ-за тучъ,
Какъ стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблиставъ порой
Надъ берегомъ Лыбѣди скромной,
Свѣтъ блѣдный проливала свой
На теремъ пышный и огромной.

Все было тихо... лишь потокъ,
Журча, роптадъ между кустами,
И перелетный вѣтерокъ
Въ дубравѣ шелестилъ вѣтвями.
Какъ мѣсяцъ утренній блѣдна,
Рогнѣда въ горести глубокой
Сидѣла съ сыномъ у окна,
Въ свѣтлицѣ ясной и высокой.

Отъ вздоховъ подъ фатой у ней
Младыя перси трепетали,
И изъ потупленныхъ очей,
Какъ жемчугъ, слезы упадали.
Глядѣлъ невинный Изяславъ
На мать умильными очами,
И къ персямъ матери припавъ,
Онъ обвивалъ ее руками.

— Родимая! твердилъ онъ ей,
Ты все печальна, ты все вянешь;

Когда же будешь веселѣй?
Когда грустить ты перестанешь?
О, полно плакать и вздыхать!
Твои мнѣ слезы видѣть больно;
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдругъ и я невольно.

— Ты бъ лучше разсказала мнѣ
Дѣянья дѣда Рогволода:
Какъ онъ сражался на войнѣ,
И о любви къ нему народа. —
«О комъ, мой сынъ, напомнилъ ты?
Что отъ меня узнать желаешь?
Какія страшныя мечты
Ты симъ въ Рогнѣдѣ пробуждаешь!...

«Но, такъ и быть, исполню я,
Мой сынъ, души твоей желанье:
Пусть Рогволдовъ духъ въ тебя
Вдохнетъ мое повѣствованье;
Пускай оно въ груди младой
Зажжетъ къ дѣламъ великимъ рвенье,
Любовь къ странѣ твоей родной
И къ притѣснителямъ презрѣнье!...

«Родитель мой, твой славный дѣдъ,
Отъ тѣхъ варяговъ происходитъ,
Которыхъ дивный рядъ побѣдъ
Міръ въ изумленіе приводитъ.
Покинувъ въ юности своей
Дремучей Сканіи дубравы,
Вступилъ онъ въ землю кривичей
Искать владычества и славы.

«Народы мирной сей страны
На гордыхъ пришлецовъ возстали,
И смѣло грозныхъ чадъ войны
Въ рукахъ съ оружіемъ встрѣчали...

Но тщетно! роковой удѣлъ
Обрекъ въ подданство ихъ герою —
И скоро дѣдъ твой завладѣлъ
Обширной Сѣвера страною.

«Воздвигся Полоцкъ. Рогволодъ
Привѣтливо и кротко правилъ,
И привязавъ къ себѣ народъ,
Власть князя полюбить заставилъ...
При Рогволодѣ кривичи
Томились жаждой дѣлъ великихъ;
Сверкали въ дебряхъ ихъ мечи,
Литовцевъ поражая дикихъ.

«Иноплеменные цари
Союза съ Полоцкомъ искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вмѣняли...»
Но шумъ раздался у крыльца...
Рогнѣда повѣсть прерываетъ —
И видитъ: пыль и потъ съ лица
Гонецъ усталый отираетъ.

— Княгиня! онъ вѣщалъ, войдя:
Гоня звѣрей въ дубравѣ смежной,
Владиміръ посѣтить тебя
Прибудетъ въ теремъ сей прибрежной. —
«Итакъ, онъ вспомнилъ объ женѣ...
Но не желаніе свиданья...
О, нѣтъ! влечетъ его ко мнѣ —
Одна лишь близость разстоянья!»

Вѣщала — и сверкнулъ въ очахъ
Негодованья пламень дикій.
Межъ тѣмъ ужъ пронеслись въ поляхъ
Совы полуночныя крики...
Сгустился мракъ. Луна чуть-чуть
Лучемъ трепещущимъ свѣтила;

Холодный вѣтеръ началъ дуть —
И буря страшная завыла.

Лыбѣдь вскипѣла межъ бреговъ;
Съ деревьевъ листья полетѣли;
Дождь проливной изъ облаковъ,
И градъ и вихорь зашумѣли;
Скопились тучи... и съ небесъ
Вилася молнія змѣею;
Громъ грохоталъ; отъ молній лѣсъ
То здѣсь, то тамъ пылалъ порою...

Внезапно съ бурей звукъ роговъ
Въ долинѣ глухо раздается:
То вдругъ замолкнетъ средь громовъ
То снова съ вѣтромъ пронесется...
Вотъ звуки ближе и громчѣй...
Замолкли... снова загремѣли...
Вотъ топотъ скачущихъ коней —
И всадники на дворъ влетѣли.

То былъ Владиміръ. На крыльцѣ
Его Рогнѣда ожидала;
На сумрачномъ ея лицѣ
Невѣдомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписавъ,
Герой супругу лобызаетъ,
И сына милаго обнявъ,
Его привѣтливо ласкаетъ.

Отводятъ отроки коней...
Съ Рогнѣдой князь идетъ въ палаты,
И вотъ, въ кругу богатырей,
Садится онъ за пиръ богатый.
Подъ тучнымъ вепремъ столъ трещитъ
Покрытый скатертію бранной;
Отъ яствъ прозрачный паръ летитъ
И вьется по избѣ брусяной.

Звѣздясь, янтарный медъ шипитъ,
И ходитъ чаша круговая.
Всѣ веселятся... но грустить
Одна Рогнѣда молодая.
«Воспой дѣянья предковъ намъ!»
Бояну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ —
И вѣщія зарокотали.

Онъ славилъ Рюрика судьбу,
Пѣлъ Святославовы походы,
Его съ Цимисхіемъ борьбу
И покоренные народы;
Пѣлъ удивленіе враговъ,
Его нетрепетность средь боя,
И къ славѣ пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламеннымъ словамъ
Герои съ жадностью внимали,
И праотцевъ чудясь дѣламъ,
Въ восторгѣ пылкомъ трепетали...
Пѣвецъ умолкнулъ... но опять
Онъ пробудилъ живыя струны —
И началъ князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждыя громя,
Давно ль наполнилъ славой бранной
Ты дальной Нейстріи поля
И Альбіона край туманной?
Давно ли отъ твоихъ мечей
Упали Полоцка твердыни,
И нивы храбрыхъ кривичей
Преобратилися въ пустыни?

«Самъ Рогволодъ...» Вдругъ тяжкій стонъ
И вопль отчаянья Рогнѣды

Перерываютъ гуслей звонъ
И радость шумную бесѣды...
«О, успокойся, другъ младой!»
Вѣщалъ ей князь: «не слезъ достоинъ,
Но славы, кто въ странѣ родной
И жилъ, и кончилъ дни, какъ воинъ.

«Воскреснетъ храбрый Рогволодъ
Въ дѣлахъ и въ чадахъ Изяслава,
И пролетитъ изъ рода въ родъ
Объ немъ, какъ громъ гремящій, слава.»
Рогнѣды видъ покойнѣй сталъ;
Въ очахъ остановились слезы:
Но въ нихъ какой-то огнь сверкалъ,
И на щекахъ пылали розы...

При стукахъ чашъ Боянъ поетъ,
Вновь тѣшитъ князя и дружину...
Но конченъ пиръ — и князь идетъ
Въ великолѣпную одрину.
Снявъ мечъ, висѣвшій при бедрѣ,
И вороненыя кольчуги,
Онъ засыпаетъ на одрѣ.
Въ объятьяхъ молодой супруги.

Сквозь оконъ скважины порой
Проникнувъ, молнія пылаетъ
И брачный одръ во тьмѣ ночной
Съ четой лежащей освѣщаетъ.
Бушуя, ставнями стучитъ
И свищетъ въ щели вѣтръ порывный,
По кровлѣ градъ и дождь шумитъ,
И громъ гремитъ безперерывный.

Князь спитъ покойно... Тихо вставъ,
Рогнѣда свѣточъ зажигаетъ,
И въ страхѣ, вся затрепетавъ,
Мечъ тяжкій со стѣны снимаетъ...

Идетъ... стоитъ.... ступила вновь...
Едва дыханье переводитъ...
Въ ней то кипитъ, то стынетъ кровь...
Но вотъ... къ одру она подходитъ...

Ужъ поднятъ мечъ!.. вдругъ грянулъ громъ,
Потрясся теремъ озаренный —
И князь, объятый крѣпкимъ сномъ,
Воспрянулъ трескомъ пробужденный —
И предъ собой Рогнѣду зритъ...
Ея глаза огнемъ пылаютъ...
Поднятый мечъ и грозный видъ.
Преступницу изобличаютъ...

Мечъ выхвативъ, ей князь вскричалъ:
— На что дерзнула въ изступленьи?...
«На то, что мнѣ повелѣвалъ
Ужасный Чернобогъ — на мщенье!»
— Но долгъ супруги? но любовь?...
«Любовь! къ кому?... къ тебѣ, губитель?...
Забылъ, во мнѣ чья льется кровь,
Забылъ ты, кѣмъ убитъ родитель?...

«Ты, ты, тиранъ, его сразилъ!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишилъ
И братнею облился кровью!
Испепеливъ мой край родной,
Рѣкой ты кровь въ немъ пролилъ всюду,
И Полоцкъ, дивный красотой,
Преобратилъ развалинъ въ груду.

«Но, недовольный — местью злой
Къ безсильной плѣнницѣ пылая,
Ты бракъ свой совершилъ со мной
При заревѣ роднаго края!
Повлекъ меня въ престольный градъ;
Тебѣ я сына даровала...

И что жъ?... Еще презрѣнья хладъ
Въ очахъ тирана прочитала!...

. . . . .

«Вотъ страшный рядъ ужасныхъ дѣлъ,
Владиміра покрывшихъ славой!
Не черезъ нихъ ли пріобрѣлъ
Ты на любовь Рогнѣды право?...
Страдала, мучилась, стеня;
Вся жизнь моя текла въ кручинѣ;
Но, боги, не роптала я
На васъ въ злосчастіяхъ донынѣ!

«Впервые днесь ропщу... увы!
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы,
И совершить достойной тризны!
Съ какою бъ жадностію я
На брызжущую кровь глядѣла,
Съ какимъ восторгомъ бы тебя,
Тиранъ, угасшаго узрѣла!...»

. . . . .

Супругъ, слова прервавъ ея,
Въ одрину стражу призываетъ.
— Ждетъ смерть, преступница, тебя! —
Пылая гнѣвомъ восклицаетъ.
— Съ зарей готова къ казни будь!
Сей брачный одръ пусть будетъ плаха!
На немъ пронжу твою я грудь,
Безъ сожалѣнія и страха!

. . . . .

Сказалъ — и вышелъ. Вдругъ о томъ
Мгновенно слухъ распространился —
И теремъ, весь объятый сномъ,
Отъ вопля женщинъ пробудился...
Бѣгутъ къ княгинѣ, слезы льютъ;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя въ младыя перси бьютъ
И бѣлыя ломаютъ руки...

Въ тревогѣ все... лишь Изяславъ
Въ объятьяхъ сна, съ улыбкой нѣжной,
Лежитъ, покровы разметавъ,
Покой вкушая безмятежной.
Объ участи Рогнѣды онъ
Въ мечтахъ невинности не знаетъ;
Ни бури ревъ, ни плачъ, ни стонъ
Отъ сна его не пробуждаетъ.

Но пересталъ гремѣть ужъ громъ,
Замолкли вѣтры въ чащѣ лѣса,
И на востокѣ голубомъ
Рѣдѣла мрачная завѣса.
Вся въ перлахъ, златѣ и сребрѣ,
Ждала Рогнѣда, безъ боязни,
На изукрашенномъ одрѣ,
Назначенной супругомъ казни.

И вотъ денница занялась;
Сверкнулъ сквозь окна лучъ багровый—
И входитъ съ витязями князь
Въ одрину, гнѣвный и суровый.
«Подайте мечъ!» воскликнулъ онъ—
И раздалось вездѣ рыданье...
«Пусть каждаго страшитъ законъ!
Злодѣйство приметъ воздаянье!»

И быстро въ храмину вбѣжавъ:
«Вотъ мечъ! Коль не отецъ ты нынѣ,
Убей!» вѣщаетъ Изяславъ:
«Убей, жестокій, мать при сынѣ!»
Какъ громомъ неба пораженъ,
Стоитъ Владиміръ и трепещетъ,
То въ ужасѣ на сына онъ,
То на Рогнѣду взоры мещетъ...

Рѣчь замираетъ на устахъ,
Сперлось дыханье, сердце бьется;

Трепещетъ онъ; въ его костяхъ
И лютый хладъ, и пламень льется,
Въ душѣ кипитъ борьба страстей:
И милосердіе, и мщенье...
Но вдругъ, съ слезами изъ очей—
Изъ сердца вырвалось: прощенье!

VII. БОЯНЪ.

На брегъ Днѣпра, разбивъ болгаръ,
Владиміръ-солнце возвратился,
И въ свѣтлой гридницѣ, въ кругу князей, бояръ,
На шумномъ пиршествѣ съ друзьями веселился...

Медъ, въ старикахъ воспламенивши кровь,
Протекшую напомнилъ младость,
Побѣды славныя, волшебницу-любовь
И лѣтъ утраченныхъ былую радость.

Безпечнѣе веселый кругъ шумѣлъ,
Звучнѣе гусли раздавались.
Одинъ задумчиво Боянъ сидѣлъ:
Въ немъ думы думами смѣнялись...

«Какое зрѣлище мой видитъ взоръ!—
Мечталъ пѣвецъ унылый:
«Бояръ, князей и витязей соборъ,
И государь народу милый!

«Дивятся ихъ безчислію побѣдъ
Иноплеменныя державы,
И служитъ, трепеща, завистливый сосѣдъ
Для нихъ невольнымъ отголоскомъ славы.

«Ихъ именами всѣ мѣста
Исполнены на Сѣверѣ угрюмомъ,
И каждый день изъ устъ въ уста
Перелетаютъ съ шумомъ...

«И я, дивяся ихъ дѣламъ,
Пѣлъ витязей — и сонмы умолкали,
И персты вѣщіе, по золотымъ струнамъ
Летая, славу рокотали!

«Но, можетъ быть, временъ губительныхъ полетъ
Всесокрушающею силой
Дѣянья славныя погубитъ въ безднѣ лѣтъ,
И будетъ Русь пространною могилой!...

«И пѣсни звучныя Бояна-соловья
На пиршествахъ не станутъ раздаваться;
Забудутъ витязей, которыхъ славилъ я,
И память ихъ хвалой не будетъ оживляться.

«Ахъ, такъ! — предчуствую: Бояна вѣщій гласъ
Вѣковъ въ пучинѣ необъятной,
Какъ эхо дальное въ безмолвной ночи часъ
Межъ горъ, умолкнетъ невозвратно...

«По чувствамъ пламеннымъ не оцѣнитъ
Пѣвца потомокъ юный:
Въ мракъ неизвѣстности всѣ пѣсни рокъ умчитъ,
И звучныя порвутся струны!

«Но отлети скорѣй
Моей души угрюмое мечтанье:
Не погашай послѣдней искры въ ней
Надежды — жить хоть именемъ въ преданьѣ!»

VIII. ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ.

Ни громъ побѣдъ, ни звуки славы,
Ничто Владиміра утѣшить не могло;
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело...

Братоубійствомъ отягченный—
На свѣтлыхъ пиршествахъ сидѣлъ онъ одинокъ
И, тайной мыслію смущенный,
Дичился радостей, какъ узнанный порокъ.

Напрасно пѣніе Бояна
И рокотъ струнъ живыхъ ласкали княжій слухъ;
Души не исцѣлялась рана,
И все тревожился и тосковалъ въ немъ духъ.

Однажды онъ съ привычной думой,
На длань склоненъ главой, уединясь, сидѣлъ,
И съ дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый Перуновъ ликъ глядѣлъ.

Вокругъ зеленаго кургана
Толпами шумными на теремномъ дворѣ
Народъ кипѣлъ у истукана,
Сіявшаго, какъ лучъ, и въ златѣ и въ сребрѣ...

«Перунъ! твой ликъ я здѣсь поставилъ,»
Вѣщалъ страдалецъ-князь, — «Міроправитель-Богъ!
Тебя я всѣхъ признать заставилъ,
И дубъ, священный дубъ передъ тобой воэжегъ!

«Почто жъ не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньемъ души.
Увы! ужасныя мученья
Меня преслѣдуютъ и въ шумѣ и въ тиши.

«Молю у твоего кумира:
Предѣлъ страданіямъ душевнымъ положи—
Пересели меня изъ міра
Или попрежнему съ веселіемъ сдружи!»

Вдругъ видитъ старца предъ собою...
Почтенный, важный видъ, спокойствіе въ чертахъ,
Брада до чреслъ сѣдой волною,
Кудрями волосы сѣдые на плечахъ.

На посохъ страннічій склоненный,
Въ десной распятіе златое онъ держалъ,
И въ князя взоръ его вперенный
На душу грѣшника смятенье проливалъ...

«Кто ты?» Владиміръ съ изумленьемъ
И гласомъ трепетнымъ пришельца вопросилъ,
«Посолъ Творца!» Онъ рекъ съ смиреньемъ:
«Ты Бога вышняго дѣлами прогнѣвилъ...

«Не въ Чернобогѣ, не въ Перунѣ,
Не въ славѣ, не въ пирахъ Владиміровъ покой;
Его ты, грѣшникъ, жаждешь втунѣ;
Какъ за добычей вранъ, такъ совѣсть за тобой!...

«Но что, о князь, сіи терзанья?
Тебя, отверженецъ, ужаснѣйшія ждутъ!
Наступитъ часъ—цѣнить дѣянья!
Воскреснутъ мертвые! настанетъ страшный судъ!

«И судъ сей будетъ непреложенъ;
Твое могущество тебя не защититъ:
Тамъ рабъ и царь равно ничтоженъ;
Всевышній судія на лица не глядитъ.

«Предъ нимъ угаснетъ блескъ короны!
И князю-грѣшнику одинъ и тотъ-же адъ,

Гдѣ вѣчный скрежетъ, плачъ и стоны
Съ рабами низкими властителя сравнятъ.»

Такъ говорилъ пришлецъ священный
И пылкій, яркій огнь въ очахъ его блисталъ,
И князь трепещущій, смятенный,
Лія потоки слезъ, словамъ его внималъ...

«О, чѣмъ же я избѣгну ада?...
Наставь, наставь меня!...» Владиміръ старцу рекъ:
«Изъ твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный, спасти меня притекъ!...»

— «Крести себя, крести народы!»
Въ отвѣтъ вѣщалъ святой: «и ты себя спасешь!
И славу дѣлъ изъ рода въ роды,
Съ благословеніемъ потомства перельешь!

«Тогда не адъ, блаженство рая
И вѣчность дивная тебя, Владиміръ, ждутъ,
Гдѣ сонмы ангеловъ, порхая
Предъ трономъ Вышняго, твой подвигъ воспоютъ!»

— «Крести жъ, крести меня, о дивный!»
Въ восторгѣ пламенномъ воскликнулъ мудрый князь..
Наутро звукъ трубы призывный—
И рать Владиміра къ Херсону понеслась...

На новый подвигъ съ новымъ жаромъ
Летятъ дружинами съ вождемъ богатыри;
Зардѣлись небеса пожаромъ;
Трепещетъ Грецiя и гордые цари!...

Такъ въ князѣ огнь души надменной,
Остатокъ мрачнаго язычества, горѣлъ:
Съ рукой царевны несравненной
Онъ вѣру самую завоевать летѣлъ.

IX. МСТИСЛАВЪ УДАЛЫЙ.

Какъ тучи съ горъ текли косоги;
На встрѣчу имъ Мстиславъ летѣлъ.
Стеналъ поморья брегъ пологій,
И въ полѣ гулъ глухой гремѣлъ.
Ужъ звукъ трубы на полѣ брани
Сзывалъ храбрѣйшихъ изъ полковъ;
Ужъ храбрый князь Тмутаракани
Кипѣлъ ударить на враговъ.

Вдругъ, кожею покрытъ медвѣдя,
Отъ вражьихъ отдѣлясь дружинъ,
Явился съ палицей Редѐдя,
Племенъ косожскихъ властелинъ.
Онъ къ войску шелъ, какъ въ океанѣ
Валится въ бурю черный валъ,
И сталъ, какъ сосна, на курганѣ,
И громогласно провѣщалъ:

«Почто кровавыхъ битвъ упорствомъ
Губить и войско, и народъ?
Рѣшимъ войну единоборствомъ:
Пускай за всѣхъ одинъ падетъ!
Иди, Мстиславъ, сразись со мною:
И кто въ сей битвѣ побѣдитъ,
Тому владѣть врага страною,
Или отдать ее на щитъ!»

«Готовъ!» князь русскій восклицаетъ—
И грозный сталъ передъ бойцомъ;
Съ коня—и на курганъ взлетаетъ
Удалый яснымъ соколомъ;
Сошлись, схватились, въ бой вступили...
Могучъ и князь и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили;
Трещатъ... колеблется курганъ...

Стоятъ—и мигъ счастливый ловятъ;
Какъ вихрь крутятся... прахъ летитъ...
Погибель, падая, готовятъ,
И каждый яростью кипитъ...
Хранятъ молчаніе два строя,
Но души воиновъ въ очахъ:
Смотря по перемѣнамъ боя,
Въ нихъ блещетъ радость или страхъ.

То русскій хочетъ славить Бога,
Простерши длани къ небесамъ;
То вдругъ слышна мольба косога:
«О, помоги, Всевышній, намъ!»
И вотъ князья, напрягши силы,
Другъ друга ломятъ, льется потъ...
На нихъ, какъ верви, вздулись жилы;
Колеблется и сей, и тотъ...

Глаза, налившись кровью, блещутъ,
Колѣна крѣпкія дрожатъ,
И мышцы сильныя трепещутъ,
И искры сыплются отъ латъ...
Но вотъ—Мстиславъ изнемогаетъ...
Онъ падаетъ... Конецъ борьбѣ...
«Святая Дѣва!» — восклицаетъ:
«Я храмъ сооружу тебѣ!»

И сила дивная мгновенно
Влилася въ князя... Онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной —
И новый Голіаѳъ упалъ!
Упалъ—и сталъ курганъ горою...
Мстиславъ широкій мечъ извлекъ,
И придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

X. МИХАИЛЪ ТВЕРСКОЙ.

За Узбекомъ вслѣдъ влекомый
Кавгадыемъ, Михаилъ
Въ край чужой и незнакомый
Съ сыномъ юношей вступилъ.
Мчался Терекъ быстрымъ бѣгомъ
Межъ нависшихъ береговъ;
Зрѣлись горъ хребты подъ снѣгомъ
Изъ за синихъ облаковъ.

Станъ Узбековъ за рѣкою,
На степи, въ глуши пестрѣлъ;
Всюду воины толпою;
Всюду гулъ глухой шумѣлъ.
Ветхимъ рубищемъ покрытый,
Съ мрачной грустію въ груди,
Князь-страдалецъ знаменитый
Сѣлъ въ цѣпяхъ на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой;
«Это князь былъ!» говорили,
И качали головой:
«Онъ обширными странами,
Какъ Узбекъ нашъ, обладалъ;
Онъ съ отважными полками
Кавгадыя поражалъ!»

Въ рѣчи вслушавшись чужія,
Загрустилъ сильнѣе князь;
Вспомнилъ славу—и впервые
Слезы брызнули изъ глазъ.
«До какого униженья,»
Онъ мечталъ, потупя взоръ:
«Довели насъ заблужденья
И погибельный раздоръ!

«Тѣ, которыхъ трепетали
Хитрый грекъ и храбрый ляхъ,
Нынѣ вдругъ рабами стали
И предъ ханомъ пали въ прахъ!...
Я любилъ страну родную
И пылалъ разрушить въ ней
Нашихъ бѣдъ вину прямую—
Распри злобныя князей.

«О, Георгій! ты виною,
Ты одинъ тому виной,
Если кровь согражданъ мною
Пролита въ странѣ родной!
Ты на дядю поднялъ длани;
Ты въ душѣ былъ столь жестокъ,
Что на Русь всю лютость брани
И татаръ толпы навлекъ!

«Смерть свою давно предвижу;
Для побѣга други есть —
Но побѣгомъ не унижу
Незапятнанную честь!
Такъ! правъ чести не нарушу!
Пусть мой врагъ, гонитель мой,
Насыщаетъ въ злобѣ душу
Лютымъ мщеньемъ надо мной!

«Пусть вымаливаетъ казни!
Твердъ и правъ въ душѣ своей,
Смерть я встрѣчу безъ боязни,
Какъ въ бояхъ слетался съ ней.
Не хочу своимъ спасеньемъ
На родимый край привлечь
Кавгадыя съ лютымъ мщеньемъ,
И Узбека грозный мечъ!»

Подкрѣпленный сею думой,
Приподнялся Михаилъ,

И спокойный, но угрюмый,
Тихо въ свой шатеръ вступилъ.
Кавгадыемъ обольщенный,
Между тѣмъ младой Узбекъ,
Въ сердцѣ трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрекъ...

Ужъ Георгій съ палачами
И коварный другъ царя
Шли поспѣшными шагами
Къ жертвѣ, злобою горя...
Предъ иконою святою
Михаилъ псаломъ читалъ;
Вдругъ съ той вѣстью роковою
Отрокъ княжескій вбѣжалъ...

Вслѣдъ за нимъ убійцы съ крикомъ
Ворвались въ густыхъ толпахъ:
Блещетъ гнѣвъ во взорѣ дикомъ,
Злоба алчная въ чертахъ...
Ворвалися — и напали....
Какъ гроза въ глухой ночи
Надъ упавшимъ засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь изъ язвъ лилась струею....
И пробилъ его конецъ:
Сердце хладною рукою
Вырвалъ дикій Романецъ.
Князь скончался жертвой мщенья!
Съ той поры онъ всюду чтимъ:
Михаила за мученья
Церковь празднуетъ святымъ.

XI. ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ.

«Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,

И за одно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!

«Летимъ — и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда — за Донъ!... Настало время!
Надежда наша — Богъ и мечъ!
Сразимъ монголовъ и какъ бремя
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечъ!»

Такъ Дмитрій, рать обозрѣвая,
Красуясь на конѣ, гремѣлъ,
И въ помощь Бога призывая,
Перуномъ грознымъ полетѣлъ...
«Къ врагамъ! за Донъ!» вскричали войски:
«За вольность, правду и законъ!»
И повторяя кликъ геройскій,
За княземъ кинулися въ Донъ.

Несутся полные отваги,
Волнъ упреждаютъ быстрый бѣгъ;
Летятъ какъ соколы — и стяги
Противный осѣнили брегъ.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега рѣки,
И взору вдалекѣ открыло
Татаръ несметные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипятъ;
Всѣхъ силъ объять не могутъ взоры...
Повсюду бердыши блестятъ.

Идутъ какъ мрачныя дубравы—
И вторятъ степи гулъ глухой.
Идутъ.... тамъ ханъ, здѣсь чада славы—
И закипѣлъ кровавый бой.

«Богъ намъ прибѣжище и сила!»
Рекъ Дмитрій на челѣ полковъ:
«Умремъ, когда судьба судила!»
И первый грянулъ на враговъ.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихремъ къ небесамъ,
Свѣтило дня отъ глазъ сокрыли—
И мракъ простерся по полямъ.

Повсюду хлещетъ кровь ручьями;
Зеленый побагровѣлъ долъ:
Тамъ русскій пораженъ врагами,
Здѣсь палъ растоптанный монголъ,
Тутъ слышенъ копій трескъ и звуки,
Тамъ сокрушился мечъ о мечъ;
Летятъ отсѣченныя руки,
И гòловы катятся съ плечъ.

А тамъ, подъ тѣнію кургана,
Презрѣвшій славу, санъ и свѣтъ,
Лежитъ, низвергнувъ великана,
Отважный инокъ Пересвѣтъ;
Тамъ Бѣлозерскій князь и чада,
Достойныя его любви,
И òкрестъ ихъ татаръ громада,
Въ своей потопшая крови.

Ужъ многіе изъ храбрыхъ пали,
Великодушный сонмъ рѣдѣлъ;
Уже враги одолѣвали,
Татаринъ дикій свирѣпѣлъ;
Къ концу клонился бой кровавый,
И черный стягъ былъ пасть готовъ;

Какъ вдругъ орломъ изъ-за дубравы
Волынскій грянулъ на враговъ.

Враги смѣшались — отъ кургана
Промчалось: «Силенъ русскій Богъ!»
И побѣжала рать тирана,
И сокрушенъ гордыни рогъ!...
Помчался ханъ въ глухія степи,
За нимъ шумящимъ враномъ страхъ;
Расторгнулъ русскій рабства цѣпи
И сталъ на вражескихъ костяхъ.

Но кто тамъ блѣденъ, близъ дубравы,
Обрызганъ кровію лежитъ?
Что зрю?... «Первоначальникъ славы» *
Димитрій раненъ.... страшный видъ!...
Уже-ль изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вотъ къ стенящему герою
Притекъ сонмъ воевъ и князей.

Вотъ, преклонивъ трофеи брани,
Гласятъ: «Ты побѣдилъ! возстань!»
И князь, воздѣвши къ небу длани:
«Великъ насъ ополчившій въ брань!
Великъ!» речетъ: «къ нему молитвы!
Онъ Сергія услышалъ гласъ!
Ему вся слава грозной битвы!
Онъ, онъ одинъ прославилъ насъ!»

XII. МАРѲА ПОСАДНИЦА.

Была ужъ полночь. Бранный шумъ
Затихъ на стогнахъ Новограда,
И Марѳы безпокойный умъ —

* Выраженіе лѣтописца.

Свободы тщетная ограда —
Вкушалъ покой отъ мрачныхъ думъ.

Въ поляхъ сверкали огоньки;
Расположась обширнымъ станомъ
Близъ озера и вдоль рѣки,
Вдали чернѣли за туманомъ
Царя отважные полки.

Все было въ непробудномъ снѣ;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стѣнѣ,
И Волховъ въ берега крутые
Плескалъ волною въ тишинѣ...

Покой и мракъ среди домовъ...
Вдругъ съ Ярославова Дворища
Звонъ вѣчевыхъ колоколовъ —
И грянулъ, бросивъ пепелища,
Народъ со всѣхъ пяти Концовъ.

. . . .

XIII. ГЛИНСКІЙ.

Подъ сводомъ обширнымъ темницы подземной,
Куда лучъ привѣтный отрадныхъ свѣтилъ
Страшился проникнуть; гдѣ въ области темной
Лишь блѣдный свѣтъ лампы, мерцая, бродилъ, —
Гремѣвшій въ Варшавѣ, Литвѣ и Россіи
Безславьемъ и славой свершенныхъ имъ дѣлъ,
Въ тяжелой цѣпи по рукамъ и по выи,
Князь Глинскій задумчивъ сидѣлъ.

Волосъ уцѣлѣвшихъ сѣдые остатки
На сморщенно вѣкомъ и грустью чело

Спадали кудрями, віясь въ безпорядкѣ:
Страданье на Глинскомъ бразды провело....
Сидѣлъ онъ склоненный на длань головою,
Угрюмою думой въ минувшемъ леталъ;
Звучалъ средь безмолвья цѣпями порою
И тяжко, стоная, вздыхалъ.

При немъ неотступно въ темницѣ сидѣла
Прелестная дѣва — отрада слѣпца;
Свободой, и счастьемъ, и свѣтомъ презрѣла,
И блага всѣ въ жертву она для отца.
Блескъ пышный чертога для ней замѣнила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здѣсь дѣвичью прелесть дочь нѣжная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная, лить слёзы?»
Рекла она нѣжно: «печали забудь!
Быть можетъ расторгнешь сіи ты желѣзы:
Надежда лелѣетъ и узниковъ грудь!
Быть можетъ, остатокъ несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Какъ гражданинъ вѣрный, на лонѣ отчизны
Ты счастливо кончишь въ тиши.»

«На лонѣ отчизны!» воскликнулъ измѣнникъ:
«Не мнѣ утѣшаться надеждою сей;
Страшась угрызеній, стенающій плѣнникъ,
Несчастный, и вспомнить трепещетъ о ней.
Могу ль быть покоенъ хотя на мгновенье?
Червь совѣсти тайно терзаетъ меня;
Къ себѣ самому я питаю презрѣнье
И мучусь, измѣну кляня.

«Природа дала мнѣ возможныя блага,
Чтобъ славнымъ быть въ мирѣ, иль грознымъ въ войнѣ;
Богатство, познанья, порода, отвага —
Все съ щедростью было ниспослано мнѣ.

Желалъ еще славы и лавровъ побѣды;
Душа трепетала, духъ юный кипѣлъ...
Вдругъ поднялись тучей на Польшу сосѣды —
И лавръ мнѣ достался въ удѣлъ.

«Монгольскія орды влетѣли бѣдою:
Литва задымилась въ пылу боевомъ—
И старцы, и жены, и дѣти толпою
Влеклися въ неволю свирѣпымъ врагомъ;
И въ пепелъ деревни и пышные грады;
И буйный татаринъ въ крови утопалъ;
Ни вѣку, ни полу не зрѣли пощады:
Мечъ жадный надъ всѣми сверкалъ.

«Встревоженъ невзгодой, я къ хищнымъ на встрѣчу
Съ дружиною храбрыхъ помчался грозой,
Достигъ — и отважно въ кровавую сѣчу,
И кровь полилася, напѣнясь, рѣкой.
Покрылись тѣлами поля и равнины:
Литвинъ и татаринъ упорно стоялъ;
Но съ яростью новой за мною дружины—
И гордый монголъ побѣжалъ.

«Боролся съ кончиной властитель державной;
Тревогой и плачемъ наполненъ дворецъ —
И вдругъ о побѣдѣ и громкой, и славной,
Отъ Глинскаго съ вѣстью примчался гонецъ.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествуетъ родная страна,»
Онъ рекъ предстоящимъ: «тогда и могила,
Повѣрьте, друзья, не страшна!»

Симъ подвигомъ славнымъ чрезмѣру надменный,
Не могъ укротить я волненья страстей —
И родъ Забржезенскихъ, давно мнѣ враждебный,
Внезапно средь ночи палъ жертвой мечей.
Погибъ онъ—и други мнѣ стали врагами,
И преданъ душею лишь мести одной,

Дерзнулъ я внестися съ чужими полками
Въ отчизну свирѣпой войной.

«О мука! о совѣсть—тиранъ неотступной!...
Ни зрѣлище стяговъ родимой земли,
Ни тайный гласъ сердца — изъ длани преступной
Въ часъ битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженныхъ, пылающихъ мщеньемъ,
И ярыхъ, и грозныхъ душей москвитянъ,
Увы, къ преступленью влекомъ преступленьемъ,
Разилъ я своихъ согражданъ!...

«Бой конченъ — и Глинскій узрѣлъ на равнинѣ
Растерзанныхъ трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручинѣ
И брызнули слезы на грудь изъ очей.
Не въ пору позналъ я тоску преступленья!
Вся гнусность измѣны представилась мнѣ;
Молилъ Сигизмунда проступкамъ забвенья;
Мечталъ о родной сторонѣ!

«Но геній враждебный о тайнѣ душевной
Царю въ злое время извѣстіе далъ,
И русскій властитель, смущенный и гнѣвный,
Раскаянье сердца измѣной назвалъ;
Лишилъ меня зрѣнья убійцы руками,
Забывши и славу и старость мою;
И дядю царицы, опутавъ цѣпями,
Забросилъ въ темницу сію.

«Лѣтъ десять живу я въ могилѣ сей хладной;
Ни звѣзды, ни солнце не свѣтятъ ко мнѣ;
Тоскую угрюмый въ тоскѣ безотрадной
И думой стремлюся къ родимой странѣ;
Примѣтно слабѣю въ утраченныхъ силахъ,
Чуть сердце трепещетъ, нѣмѣетъ мой гласъ,
И медленнѣй льется кровь хладная въ жилахъ,
И смерти ужъ близится часъ.

«О дочь моя! скоро, надъ гробомъ рыдая,
Ты бросишь на прахъ мой горсть чуждой земли.
Скорѣе, другъ юный, бѣги сего края:
Отъ милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народъ нашъ, дѣяньями славный,
Издавна извѣстный въ далекихъ краяхъ,
Проступки несчастныхъ отцовъ своенравно
Не будетъ отмщать на дѣтяхъ.

«Край милый увидишь—и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нѣжно
И ласково примутъ отчизны сыны —
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

«Пусть рокъ мой, исполненъ тоской и мученьемъ,
Пребудетъ примѣромъ отчизнѣ моей;
Да каждый, пылая преступнымъ отмщеньемъ,
Идти не посмѣетъ стезею страстей!
Да видятъ во мнѣ моей родины братья,
Что рано иль поздно — измѣнѣ вэгремятъ
Ужасныя сердцу согражданъ проклятья,
И совѣсть отъ сна пробудятъ!»

Несчастный умолкнулъ съ душевной тоскою...
Вдругъ стонъ по темницѣ—и Глинскій упалъ
На дочери лоно сѣдой головою
И холодъ кончины его оковалъ...
Такъ Глинскій—мужъ Думы и пламенный воинъ —
Погибъ на чужбинѣ, какъ гнусный злодѣй;
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когда бы не буря страстей.

XIV. КУРБСКІЙ.

На камнѣ мшистомъ, въ часъ ночной,
Изъ милой родины изгнанникъ,
Сидѣлъ князь Курбскій, вождь младой,
Въ Литвѣ враждебной грустный странникъ;
Позоръ и слава русскихъ странъ,
Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
Надежда скорбныхъ россіянъ,
Гроза ливонцевъ, бичъ Казани...

Сидѣлъ — и въ перекатахъ громъ
На небѣ мрачномъ раздавался,
И темный лѣсъ, шумя, кругомъ
Отъ блеска молній освѣщался.
«Далеко отъ страны родной,
Далеко отъ подруги милой,»
Сказалъ онъ, покачавъ главой:
«Я долженъ вѣкъ вести унылой.

«Ужъ болѣ пылкихъ я дружинъ
Не поведу къ кровавой брани,
И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
Отъ покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь въ тиши безславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гонимъ судьбою своенравной.

«За то, что изнемогъ отъ ранъ,
Что въ битвахъ край родной прославилъ,
Меня неистовый тиранъ
Бѣжать отечества заставилъ,
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мнѣ священно,
И въ чуждую уйти страну
Съ душою, грустью отягченной.

«Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ;
Но, ахъ, ни почести велики
Не веселятъ въ краю чужомъ,
Ни ласки чуждаго владыки!
Я все стенаю и грущу,
И на пирахъ сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь въ думы...

«И въ хижинѣ, и во дворцѣ
Меня гласъ внутренній тревожитъ,
И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ множитъ...
Увы! всего меня лишилъ
Тиранъ отечества драгова!
Сколь жалокъ, рокъ кому судилъ
Искать въ странѣ чужой покрова!»

XV. СМЕРТЬ ЕРМАКА.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.
«О, спите, спите,» мнилъ герой:
«Друзья, подъ бурею ревущей!

Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущій!

«Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силы ратниковъ удвоитъ.
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь святую погибая,

«Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни,
И за побѣды заслуживъ
Благословенія отчизны?...
Намъ смерть не можетъ быть страшна;
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно въ мірѣ жили!»

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во маркѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ:
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала!

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ —
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина....

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И гибель зря, стремится въ волны,
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега чолны!
Иртышъ волнуется сильнѣй....
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ —
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ....

Плыветъ.... ужъ близко челнока —
Но сила року уступила,
И закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.
Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь — даръ царя —
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря.... Вдругъ луной
Иртышъ кипящій осребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ бронѣ мѣдяной озарился.
Носились тучи, дождь шумѣлъ,
И молніи еще сверкали,
И громъ вдали еще гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

XVI. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Москва рѣка дремотною волной
Катилась тихо межъ брегами;
Въ нее, гордясь, глядѣлся Кремль стѣной
И златоверхими главами.
Умолкъ по улицамъ и вдоль бреговъ
Кипящаго народа гулъ шумящій.
Все въ тихомъ снѣ; одинъ лишь Годуновъ
На ложѣ бодрствуетъ стенящій.

Предъ образомъ Спасителя, въ углу,
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещетъ.
Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы! лишь добродѣтели и сна
Великому не доставало!...

Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой —
И, трепету невольно преданъ, онъ
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.

Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда достичь пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
«О заблужденіе!» онъ возопилъ:
«Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ сномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ злодѣйствомъ омраченной!

«Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные и сёла;
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола.

«Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю — но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ.

«Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ — и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій...
— Ахъ, удались! дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья! —

«Взываю я — но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы,
И слышу сердца гласъ угрюмый.
Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую,
И смою черное съ души пятно
И кровь царевича святую!

«Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
Не утомлюся отъ страданья,

И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю,
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.

«О, такъ! хоть станутъ проклинать во мнѣ
Убійцу отрока святова,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова.»
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
И осѣнилъ страдальца вѣжды.

И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
И врагъ лишь одного порока.
Скончался онъ — и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья....
И загремѣли за его дѣла
Благословенья и — проклятья!...

XVII. ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Чьи такъ дико блещутъ очи?
Дыбомъ чорный волосъ всталъ?
Онъ страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнулъ въ рукѣ кинжалъ!...
Вотъ идетъ.... стоитъ.... трепещетъ....
Быстро бросился назадъ,
И какъ злой преступникъ мещетъ
Вдоль чертога робкій взглядъ.

Не убійца ль сокровенной,
За Москву и за народъ,
Надъ стезею потаенной
Самозванца стережетъ?...
Вотъ къ окну оборотился;
Вдругъ луны сребристый лучъ
На чело къ нему скатился
Изъ за мрачныхъ грозныхъ тучъ.

Что я зрю? То хищникъ власти —
Лжедимитрій тамъ стоитъ!
На лицѣ пылаютъ страсти;
Трепеща, онъ говоритъ:
«Тамъ въ чертогахъ кто-то бродитъ —
Шорохъ — заскрипѣла двери!...
И вотъ призракъ чей-то входитъ....
Это ты — Бориса дщерь!...

«О, молю! избавь отъ взгляда!...
Укоризною горя,
Онъ вселяетъ муки ада
Въ грудь преступнаго царя!...
Но — исчезла у порога....
Это кто жъ мелькнулъ и сталъ,
Притаясь въ углу чертога?...
Это Шуйскій!... Я пропалъ!...»

Такъ страдалъ злодѣй коварной
Въ часъ спокойствія въ Кремлѣ:
Проступалъ безпрестанно
Потъ холодный на челѣ.
«Не укроюсь я отъ мщенья!»
Онъ невнятно прошепталъ:
«Для тирана нѣтъ спасенья;
Другъ ему — одинъ кинжалъ!

«На престолѣ, иль на ложѣ,
Иль въ толпѣ на площади,

Рано, поздно ли, но все же
Быть ему въ моей груди!
Прекращу свой вѣкъ постылый;
Мнѣ наскучило страдать
Во дворцѣ, какъ средь могилы,
И убійцу нажидать.»

Сталь занесъ — она сверкнула —
И преступный задрожалъ:
Смерть тирана ужаснула;
Выпалъ поднятый кинжалъ.
«Не настало еще время!»
Простоналъ онъ: «но придетъ —
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадетъ!»

Но какъ будто вдругъ очнувшись:
«Что свершить рѣшился я?»
Онъ воскликнулъ, ужаснувшись:
«Нѣтъ! не погублю себя.
Завтра жъ, завтра все разрушу,
Завтра хлынетъ кровь рѣкой —
И встревоженную душу
Вновь порадуетъ покой!

«Вмѣсто праотцевъ закона
Я введу законъ римлянъ;
Грозной местью гряну съ трона
Въ подозрительныхъ гражданъ.
И твоя падетъ на плахѣ,
Буйный Шуйскій, голова!
И дымясь въ крови и прахѣ,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолкъ.... Преступныя надежды
Удалили страхъ — и онъ
Легъ на пышный одръ — и вѣжды
Оковалъ тревожный сонъ.

Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Бой набата близъ дворца,
И тиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смертной блѣдностью лица...

Побѣжалъ и зритъ у входа:
Изо всѣхъ кремлевскихъ вратъ
Волны шумныя народа
Ко дворцу, стремясь, кипятъ.
Вотъ приблизились, напали,
Храбрый Шуйскій впереди —
И сарматы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

«Все погибло! нѣтъ спасенья!
Смерть — прибѣжище одно!»
Рекъ тиранъ.... Еще мгновенье —
И бросается въ окно.
Палъ на камни, и при стукахъ
Сабель, копій и мечей,
Жизнь окончилъ въ страшныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй.

XVIII. ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

«Куда ты ведешь насъ?... Не видно ни зги!...»
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!

«Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ:
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!...
Веди жъ насъ — такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся — недолго у насъ до бѣды!

Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ метелью....
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?»

«Деревня!» Сарматамъ въ отвѣтъ мужичокъ:
«Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота! Избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!...
Какая же, братцы, чертовская даль!

«Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи...
Жупанъ мой — хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!»
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
«Вина намъ, хозяинъ! мы смокли, иззябли!
Скорѣй!... не заставь насъ приняться за сабли!»

Вотъ скатерть простая на столъ постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ окончины вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.

Давно ужъ за-пóлночь.... Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ, на-сторóжѣ, Сусанинъ сѣдой
Въ полгóлоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.

Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и въ двери тайкомъ....
«Ты-ль это, родимый?... А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За-пóлночь.... а вѣтеръ еще не затихъ....
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!» —

«Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ,
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ.

«Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ.»
«Но, что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи.... Что будетъ со мной?

«И съ юной сестрою и съ матерью хилой?»
«Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дастъ онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о сынъ мой, намъ дорого время!
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ—и помчался свистящей стрѣлой.
Луна, между тѣмъ, совершила полкруга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы — злодѣи царя.

«Сусанинъ!» вскричали, «что молишься Богу?
Теперь ужъ не время — пора намъ въ дорогу!»
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло:

То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.

Стоятъ не шелохнясь и дубъ и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.

Другъ за̀-другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ, —
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели, вѣтвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на-сторо̀жѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьи и мертво, и глухо...
«Куда ты завелъ насъ?» Ляхъ старый вскричалъ.
«Туда, куда нужно!» Сусанинъ сказалъ.

«Убейте! замучьте! — моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь — я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ,
И душу измѣной свою не погубитъ.»

«Злодѣй!» закричали враги, закипѣвъ:
«Умрешь подъ мечами!» — «Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сѐрдцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!»

«Умри же!» Сарматы герою вскричали —
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
«Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!»
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

XIX. БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ,
Въ цѣпяхъ, и грозный и угрюмый,
Лежалъ Хмѣльницкій на землѣ;
Въ немъ мрачныя кипѣли думы
И выражались на челѣ.

Темницы мертвое молчанье
Ни стонъ, ни вздохъ не нарушалъ;
Надежду мести и страданье
Герой въ груди своей питалъ.
«Такъ, такъ!» онъ думалъ: «часъ настанетъ!
Освобожденный отъ оковъ,
Забытый узникъ бурей грянетъ
На притѣснителей-враговъ!

«Отмститъ холодное презрѣнье
Къ священнѣйшимъ правамъ людей;
Отмститъ убійства и хищенье,
Безчестье женъ и дочерей;
Позорныя разрушитъ цѣпи,
И рабства сокруша кумиръ,
Вновь водворитъ въ родныя степи
Съ святой свободой тихій миръ.

«Покроетъ ржа враговъ кольчуги
И прахъ ихъ вѣтеръ разнесетъ,
Застонутъ нѣжныя супруги
И мать дѣтей не обойметъ.
А ты, пришлецъ иноплеменный,
Тиранъ родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкій! трепещи, злодѣй!

«За кровь пролитую, за слёзы
И женъ, и старцевъ, и сиротъ,
За все — и за сіи желёзы
Тебя мое отмщенье ждетъ!
Но гдѣ о вольности мечтаю?
Увы! въ темницѣ дни влача,
Свой вѣкъ, быть можетъ, окончаю
Отъ рукъ презрѣнныхъ палача.

«И долго, можетъ быть, стеная
Подъ тяжкимъ бременемъ оковъ,
Хмѣльницкаго страна родная
Пребудетъ жертвою враговъ!»
Чела страдальца видъ суровый
Мрачнѣе сталъ отъ думы сей,
И на заржавыя оковы
Упали слезы изъ очей.

Вдругъ слышитъ: загремѣли створы,
Со скрипомъ дверь отворена,
И входитъ, потупляя взоры,
Младая робкая жена.
«Кто ты?» Хмѣльницкій изумленный
Представшей незнакомкѣ рекъ:
«Оковы ль снять?... о, часъ блаженный!
О, еслибъ этотъ часъ притекъ!

«Или съ жестокою душою,
Съ презрѣньемъ хладнымъ на очахъ,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня въ цѣпяхъ?»
«О, нѣтъ!» привѣтно произноситъ:
«Въ душѣ любви питая жаръ,
Жена Чаплицкаго приноситъ
Тебѣ съ рукой свободу въ даръ.»

«Жена Чаплицкаго!» — «Мученье
И вмѣстѣ мужество твое

Вдохнули въ душу мнѣ почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Изъ сихъ оковъ тебя извлечь;
Я связь съ тираномъ разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими свой мечъ!»

«Мой мечъ!» Хмѣльницкій восклицаетъ:
«Живъ Богъ! — и ты погибъ, злодѣй!
Заря свободы засіяетъ
Отъ блеска мстительныхъ мечей!»
Сребрила долъ царица ночи,
Въ брега волною Днѣпръ плескалъ;
Опѣнивъ удила, у рощи
Нетерпѣливый конь стоялъ.

Герой вскочилъ, веселья полный,
Летитъ — и зритъ поля отцовъ,
И вкругъ его, какъ моря волны,
Рои толпятся казаковъ.
«Друзья!» онъ къ храбрымъ восклицаетъ:
«За мной, чью грудь волнуетъ месть,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь!

«Самъ Богъ поборникъ угнетеннымъ!
Вожди — рѣшительность и я!
На встрѣчу ко врагамъ презрѣннымъ,
На Воды Желтыя, друзья!» —
И вотъ сошлися два народа:
И съ яростью вступили въ бой
Съ тиранствомъ бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сарматъ, и храбрый и надменный,
Вотще упорствовать хотѣлъ;
Вотще, разбитый, побѣжденный,
Бѣжалъ мечей и мѣткихъ стрѣлъ.

Преслѣдуя, какъ ангелъ мщенья,
Герой вездѣ враговъ сражалъ,
И трупы ихъ безъ погребенья
Волкамъ въ добычу разметалъ.

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ поръ въ украинскихъ степяхъ,
И стала съ счастіемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градàхъ.
И чтя посломъ небесъ желаннымъ,
Въ замѣну всѣхъ наградъ и хвалъ,
Вождя-героя—«Богомъ даннымъ»
Народа общій гласъ назвалъ.

XX. АРТЕМОНЪ МАТВѢЕВЪ.

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ двора,
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья
Сносилъ съ величіемъ души,
Безъ слезъ, безъ скорби и роптанья.

«Когда защитникъ намъ законъ
И совѣсть сердца не тревожитъ,
Тогда ни ссылкà, думалъ онъ,
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Всегда въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

«Для блага сограждàнъ моихъ
Усилія мои не тщетны,

Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный.
Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружитъ,
И ненависть моихъ враговъ
Къ безславію для нихъ послужитъ.

«Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Среди моей позорной ссылки—
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде пылкій.

«Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовыя.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободной.

«Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.

«На страшной трона высотѣ
Необходима прозорливость.
О, государь! внявъ клеветѣ,
Ты оказалъ несправедливость!

Меня ты въ ссылку осудилъ
За то-ль, что я служилъ полвѣка?
Но я давно тебя простилъ,
О царь! простилъ какъ человѣка.

«Близъ трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся лесть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей — потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ.»

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Предъ свѣтомъ оправдало время:
Другъ истины и другъ добра,
Горя къ отечеству любовью,
Палъ мертвъ за юнаго Петра,
Запечатлѣвъ невинность кровью.

XXI. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ.

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки, *
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

---

* «Сердюки — гвардія гетмана.»

«Видѣнъ промысла святова
Надъ тобою дивный щитъ!»
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ:
«Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,
Ты смирилъ, монархъ державной,
Непокорнаго врага.

«Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
Превзошелъ ты всѣхъ владыкъ:
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей великъ.
Чту я славою и честью
Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
И губительною местью
Пролетѣть по ихъ полкамъ.

«Уснѣжился черный волосъ
И булатъ дрожитъ въ рукѣ,
Но зажжетъ еще мой голосъ
Пылъ отваги въ казакѣ.
Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
Не остыла въ зиму дней:
Празднество мнѣ — бой кровавый;
Мнѣ музыка — стукъ мечей!»

Кончилъ и къ стопамъ Петровымъ
Щитъ и саблю положилъ;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то въ сердцѣ затаилъ....
Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной —
Былъ Мазепа, вождь сѣдой;

Можетъ быть, еще невинной,
Можетъ быть, еще герой.
Гдѣ жъ свиданіе съ Мазепой
Дивный свѣту царь имѣлъ?
Гдѣ герою вождь свирѣпой
Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну Тихую влились;
Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись;
Гдѣ съ отвагой молодецкой
Русскій крымцевъ поражалъ;
Гдѣ напрасно Брюховецкой
Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный, легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенной
Острогожскихъ казаковъ.

XXII. ЯКОВЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Корабль летѣлъ, какъ на крылахъ,
Шумя уныло парусами,
И зарываяся въ волнахъ,
Клубилъ ихъ и вздымалъ буграми.
Сѣдая пѣна за кормой,
Рѣкой клубящейся бѣжала,
И шумъ однообразный свой
Съ ревущей бурею сливала.

На шканцахъ шумною толпой
Стояли съ плѣнниками шведы;
Они летѣли въ край родной
Съ отрадной вѣстію побѣды.
Главу склонивъ, съ тоской въ очахъ
И на-крестъ опустивши руки,
На верхней палубѣ въ мечтахъ,
Сидѣлъ отважный Долгорукій.

Онъ говорилъ: «Родной земли
Уже не зрѣть страдальцу болѣ;
Умру, какъ изгнанникъ, вдали,
Умру съ безславіемъ, въ неволѣ.
Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Вотще пылаю славой дѣдовъ;
Увы! не притуплю меча
Объ кости я враждебныхъ шведовъ.

«Ужъ для меня, какъ битвы знакъ,
Не загремятъ въ полкахъ литавры,
И не украсятъ мой шишакъ
Неувядаемые лавры.
Не буду я, служа добру,
Творить вельможамъ укоризны,
И правду говорить Петру,
Для благоденствія отчизны....

«Ахъ, лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ,
Чѣмъ жизнь безъ славы и свободы;
Не русскому стенать въ цѣняхъ
И изживать безъ цѣли годы!»
Такъ рекъ герой. Межъ тѣмъ вдали
Уже сіяли храмовъ шпицы,
Чернѣлись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вотъ видны башни на скалахъ;
То Готенбургъ на брегѣ дикомъ —
И шведы, съ пламенемъ въ очахъ,
Привѣтствуютъ отчизну крикомъ.
Поднявъ благоговѣйный взоръ
И къ небу простирая длани
Въ слезахъ благодаритъ пасторъ
И Бога водъ и Бога брани.

Вокругъ него толпы враговъ,
Молясь, упали на колѣна...
Бушуетъ вѣтръ межъ парусовъ,
Корабль летитъ, клубится пѣна.
Катятся слёзы изъ очей
И груди шведовъ орошаютъ;
Они отцовъ, сестеръ, дѣтей
Уже въ мечтаньяхъ обнимаютъ....

Вдругъ Долгорукій загремѣлъ:
«За мной! Расторгнемъ плѣнъ постыдный!
Пусть слава будетъ нашъ удѣлъ,
Иль смертію умремъ завидной!...»
Мелькнулъ сверкающій булатъ,
Палъ непріятель изумленный
И завоеванный фрегатъ
Помчался въ Ревель покоренный.

XXIII. ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ВЪ РОЖЕСТВЕНѢ.

Страшно воетъ лѣсъ дремучій,
Вѣтръ въ ущеліяхъ свиститъ,
И украдкой изъ-за тучи
Мѣсяцъ въ Оредижъ глядитъ.

Тамъ — разбросаны жилища
Утѣсненной нищеты,
Здѣсь — стоятъ средь красоты
Деревенскаго кладбища
Деревянные кресты.
Между горъ, какъ подъ навѣсомъ,
Волны свѣтлыя бѣгутъ
И во-слѣдъ себѣ ведутъ
Берега, поросши лѣсомъ.

Кто-жъ сидитъ на черномъ пнѣ
И, вокругъ глядя со страхомъ,
Въ полуночной тишинѣ
Тихо шепчется съ монахомъ?

«Я готовъ, отецъ святой!
Но вѣдь онъ — родитель мой...»
— Не лжеумствуй своенравно!
(Слышенъ голосъ старика)
Гибель церкви православной
Вижу я издалека....
Видишь самъ: ужъ все презрѣнно —
Предковъ нравы и права,
И обычай ихъ священный
И родимая Москва.

— Ждетъ спасенья наша вѣра
Отъ тебя, младой герой!
Иль не зришь себѣ примѣра:
Мать твоя передъ тобой.

Все царица въ жертву Богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
Въ рай иль въ адъ тебѣ дорога?...
Сынъ мой! слушай чернеца:
Иль отца забудь для Бога
Или Бога для отца! —

Смолкъ монахъ. Царевичъ юный
Съ пня поднялся, говоря:
«Такъ и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!»

XXIV. ВОЛЫНСКІЙ.

«Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.

«Пусть будетъ онъ, дыша войной,
Врагамъ въ часы кровавой брани
Неотразимою грозой,
Какъ покорители Казани;
Пусть удивляетъ... но когда
Онъ все творитъ то изъ тщеславья:
Бѣда несчастному, бѣда!
Онъ сынъ не славы, а безславья!

«Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства —

И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!

«Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

«Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи —
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...

«И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.

«Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ —
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!»

Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душею чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью, и Бирѳномъ,
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ трономъ:
Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій,
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Недолго, вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы:
Однажды вдругъ запоровъ звонъ —
И входитъ стражъ къ нему суровый.

Проникъ — и, осѣнясь крестомъ,
Сказалъ: «За истину святую
И казнь мнѣ будетъ торжествомъ:
Я мнилъ спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мнѣ враговъ коварныхъ злоба?
Я посвящалъ себя добру,
И вѣренъ правдѣ былъ до гроба!»

Въ его очахъ, при мысли сей,
Сверкнула съ гордостью отвага;
И бодро изъ тюрьмы своей
Шелъ другъ общественнаго блага.
Притекъ... увидѣлъ палача —
И голову склонилъ безъ страха;

Сверкнуло лезвіе меча —
И кровью освятилась плаха.

Сыны отечества! — въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ
Почіетъ прахъ врага Бирона.
Отецъ семейства! приведи
Къ могилѣ мученика сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ —
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ — желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью...

XXV. ВИДѢНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ.

Свершилась казнь — и образецъ
Любви къ отечеству священной,
Пріялъ страдальческій вѣнецъ —
Вѣнецъ прекрасный и нетлѣнный.
Волынскій твердъ былъ до конца;
Не устрашенный мукой казни,
Онъ важность гордаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечъ
Сверкнулъ надъ выей патріота,
Сверкнулъ — глава упала съ плечъ
И покатилась съ эшафота.

И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику —
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой:
Какъ будто камень, залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой.
Съ тѣхъ поръ отъ ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ея очамъ и день и ночь
Какой-то призракъ сталъ являться...

Однажды пиръ шумѣлъ въ дворцѣ,
Гремѣла музыка на хорахъ;
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоеніе во взорахъ.
Въ душѣ своей утомлена,
Блѣдна, печальна и угрюма,
Царица въ тронную одна
Ушла, украдкою, отъ шума.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить, хотя ошибкой.
«О, гдѣ найду душѣ покой?»
Она въ раздумьи возопила,
И оперщись на тронъ рукой,
Уныло голову склонила.

«И въ шумѣ пиршествъ и въ тиши
Меня раскаянье терзаетъ:
Оно изъ глубины души
Волынскаго напоминаетъ!..»
«Онъ здѣсь!» — внезапно зазвучалъ
По сводамъ тронной страшный голосъ...

Въ царицѣ трепетъ пробѣжалъ
И дыбомъ приподнялся волосъ!..:

Она взглянула — передъ ней
Глава Волынскаго лежала,
И на нее изъ-подъ бровей
Съ укоромъ очи устремляла.
Ликъ смертной блѣдностью покрытъ,
Уста раскрытыя трепещутъ;
Какъ огнь болотный въ ночь горитъ,
Такъ очи въ ней неясно блещутъ.

Кругомъ главы во тьмѣ ночной
Какой-то чудный свѣтъ сіяетъ
И каплющая кровь порой
Помостъ чертога обагряетъ...
Рисуетъ каждая черта
Страдальца славнаго отчизны...
Вдругъ посинѣлыя уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?... Давно я жду
Тебя къ Творцу на судъ священный,
Гдѣ каждый воспріиметъ мзду:
Равны тамъ рабъ и царь надменный!...»
Окончивъ грозныя слова,
По-прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ царицу трепетную очи...

Громъ музыки звучалъ еще,
Весельемъ оживлялись лица;
Всѣ ждали Анну — но вотще!
Не возвращалася царица...
Исчезла радость, шумъ затихъ,
Лишь тайный шопотъ всюду бродитъ,
И каждый, глядя на другихъ,
Изъ залы сумрачный выходитъ.

XXVI. НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА.

Настала осени пора:
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей дикій и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребій мой:
Раздастся колоколъ церковной —
И я на вѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной.
О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!

«Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ,
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

«Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
Я отцвѣтала въ заточеньѣ;
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить въ Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность.

«Все съ твердостью перенесла,
И бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукова спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ:
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.

«Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи унылом:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

«Но завтра — завтра я должна
На вѣкъ забыть о страсти нѣжной!
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ —
И холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ —
Мечтать до гроба лишь о гробѣ.

«О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ унылом:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ.
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.»

Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она его поцаловала,

И бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала!
«Сокройся въ шумной глубинѣ,
Ты перстень, перстень обручальной,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не оживляй любви печальной!»

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

Обрядъ свершился роковой....
Прости послѣднее веселье!
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Тамъ дни свои въ постѣ влача,
Снѣдалась грустью безотрадной
И угасала, какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной.

XXVII. ДЕРЖАВИНЪ.

Съ деревьевъ падалъ желтый листъ;
Не слышно птицъ въ лѣсу угрюмомъ,
Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
И плещетъ Волховъ въ берегъ съ шумомъ.
Надъ Хутынскимъ монастыремъ
Примѣтно солнце догарало,
И на главахъ златымъ лучемъ,
Изъ тучъ прокравшись, трепетало...

Какой-то думой омраченъ,
Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ;
Но вдругъ остановился онъ,
И заблисталъ огонь во взглядѣ:
«Что вижу я? — онъ возопилъ —
Предъ мной Державина могила!
Тебя ли рокъ, о бардъ, сразилъ?
Тебя ли смерть не пощадила?»

И засіяли, какъ росой,
Слезами юноши рѣсницы,
И онъ съ удвоенной тоской
Сѣлъ у подножія гробницы.
И долго, молча, онъ сидѣлъ,
И мрачною тревожимъ думой,
Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
На грустный памятникъ угрюмо.

«Но что, — вѣщалъ онъ наконецъ, —
Что я напрасно здѣсь тоскую?
Не умеръ пламенный пѣвецъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ былъ
Общественное благо ставилъ,
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.

«О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно.

«О, такъ! нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:

Святая правда — долгъ его;
Предметъ — полезнымъ быть для свѣта.
Избранникъ и посолъ Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.

«Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
На перекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

«Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ;
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.

«Ему ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.
Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы.

«Поклонникъ пламенный добра —
Ничѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.

Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!

«Таковъ нашъ бардъ Державинъ былъ;
Повсюду чести неизмѣнный,
Царямъ ли правду говорилъ,
Иль поражалъ порокъ надменный!»
Пѣвецъ умолкъ — и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось — и въ волненьи
Вздохнувъ, онъ, отходя, вѣщалъ
Въ какомъ-то дивномъ изступленьи:

«О, пусть не буду въ гимнахъ я
Разнообразенъ, дивенъ, громокъ,
Лишь только бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
«Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
«Сѣдую вызывая древность,
«И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
«Къ общественному благу ревность!»

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «ДУМАМЪ».

Къ II (стр. 4). Рюрикъ, основатель Россійскаго Государства, умирая (въ 879 г.), оставилъ малолѣтняго сына, Игоря, подъ опекою своего родственника, Олега. Опекунъ мало-по-малу сдѣлался самовластнымъ владѣтелемъ. Время его правленія примѣчательно походомъ къ Константинополю, въ 907 году. Лѣтописцы сказываютъ, что Олегъ, приплывъ къ стѣнамъ Византійской столицы, велѣлъ вытащить ладьи на берегъ, поставилъ ихъ на колеса и, развернувъ паруса, подступилъ къ

городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олегъ умеръ въ 912 году. Его прозвали *Вѣщимъ* (мудрымъ).

Къ III (стр. 6). Игорь, сынъ основателя Россійскаго Государства Рюрика, принялъ правленіе въ 912 году. Первымъ его подвигомъ было усмиреніе возмутившихся древлянъ. Сіе народное славянское племя обитало въ лѣсахъ нынѣшней Волынской губерніи. Игорь наложилъ дань, которую древляне платили до 945 года. Въ сіе время ему захотѣлось умножить сборъ. Древляне возмутились снова—и корыстолюбивый Игорь погибъ: они привязали его къ двумъ деревьямъ, нагнули ихъ и такимъ образомъ разорвали надвое. По немъ остался малолѣтній сынъ Святославъ. Супруга его, Ольга, правила государствомъ около десяти лѣтъ; скончалась въ 969 году. Церковь причла ее къ лику святыхъ женъ.

Къ IV (стр. 9). Святославъ, сынъ русскаго князя Игоря Рюриковича, принялъ правленіе около 955 года. Въ исторіи славны походы его въ Болгарію Дунайскую и битвы съ греками. Передъ одною изъ сихъ послѣднихъ Святославъ воспламенилъ мужество своихъ воиновъ слѣдующею рѣчью: «Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ на мѣстѣ битвы: мертвымъ не стыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу голову, дѣлайте, что хотите!» Возвращаясь въ отечество Святославъ (въ 972 г.) зимовалъ у Днѣпровскихъ пороговъ; на него напали печенѣги — и герой погибъ. Враги сдѣлали чашу изъ его черепа.

Къ V (стр. 11). Святополкъ сынъ Ярополка Святославича, усыновленный Владиміромъ Великимъ. Сей властолюбивый князь захватилъ великокняжескій престолъ и умертвилъ своихъ братьевъ: Бориса, Глѣба и Святослава (въ 1015 году). Ярославъ Владиміровичъ, князь новгородскій, послѣ продолжительныхъ междоусобій, разбилъ его на берегахъ рѣки Альты. Святополкъ бѣжалъ изъ предѣловъ россійскихъ, скитался въ пустыняхъ Богеміи, разслабъ душею и тѣломъ, и кончилъ

жизнь въ припадкахъ ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, безпрерывно его преслѣдующіе. Проклятіе современниковъ увѣковѣчило память о Святополкѣ. Лѣтописи называютъ его *Окаяннымъ*.

Къ VI (стр. 13). Около 970 года варягъ Рогволодъ, оставивъ отечество, поселился въ Полоцкѣ, главномъ городѣ тогдашней области Кривской. Онъ имѣлъ прекрасную дочь, по имени Рогнѣду или Гориславу: ее сговорили за великаго князя Ярополка Святославича. Братъ его, Владиміръ Великій, взявъ Полоцкъ (въ 980 г.), умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и насильно понялъ Рогнѣду. Отъ ней родился сынъ, Изяславъ. Въ послѣдствіи Владиміръ разлюбилъ жену, выслалъ ее изъ дворца и заточилъ на берегу Лыбеди, въ окрестностяхъ Кіева. Однажды, гуляя въ сихъ мѣстахъ, князь заснулъ крѣпко; мстительная Рогнѣда, приблизившись, хотѣла нанести ему смертельный ударъ; но Владиміръ проснулся. Въ ярости онъ захотѣлъ казнить несчастную, велѣлъ ей надѣть брачную одежду и, сидя на богатомъ ложѣ, ожидать казни. Входитъ Владиміръ; юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, бросается къ нему и подаетъ мечъ. «Родитель! — говоритъ онъ — ты не одинъ; сынъ твой будетъ свидѣтелемъ твоей ярости». Изумленный Владиміръ простилъ Рогнѣду и вмѣстѣ съ сыномъ отправилъ ее въ новопостроенный городъ, названный имъ Изяславлемъ. Сіе происшествіе описано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ.

Къ VII (стр. 22). Сочинитель извѣстнаго *Слова о полку Игоревѣ* называетъ Бояна: *«соловьемъ стараго времени.»* Неизвѣстно, когда жилъ сей славянскій бардъ. Н. М. Карамзинъ, въ *«Пантеонѣ Росс. Авторовъ»*, говоритъ о немъ такъ: «Можетъ быть, жилъ Боянъ во времена героя Олега; можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего аргонавта къ Царю-граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстію своихъ погибъ среди безчисленныхъ печенѣговъ, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ея

невинность въ сельскомъ уединеніи, ея славу на тронѣ». —Не менѣе правдоподобно, что Боянъ былъ пѣвцомъ подвиговъ Великаго Владиміра и знаменитыхъ его сподвижниковъ: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательномъ дворѣ сѣвернаго Карломана находились и пѣснопѣвцы: ихъ привлекали великолѣпныя пиршества, богатырскія потѣхи и привѣтливость добраго князя, а славныя побѣды надъ греками, ляхами, печенѣгами, ятвягами и болгарами—могли воспламенить духъ піитизма въ сихъ дикихъ сынахъ сѣвера. И грубые норманны услаждали слухъ свой пѣснями скальдовъ.

Къ IX (стр. 27). Мстиславъ, сынъ Владиміра Великаго, былъ удѣльный князь тмутараканскій. Столица сего княжества—Тмутаракань (древняя Таматарха) находилась на островѣ Тамани, который образуютъ рукава рѣки Кубани, при впаденіи ея въ Азовское море. Въ сосѣдствѣ жили косоги, племя горскихъ черкесовъ. Въ 1022 г. Мстиславъ объявилъ имъ войну. Князь косожскій, Редедя, крѣпкотѣлый великанъ, по обычаю богатырскихъ временъ, предложилъ ему рѣшить распрю единоборствомъ. Мстиславъ согласился. Произошелъ бой: тмутараканскій князь повергъ врага и умертвилъ его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Онъ умеръ около 1036 г. Лѣтописи называютъ его *Удалымъ*.

Къ X (стр. 29). Несчастный Михаилъ, сынъ тверскаго князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) долженъ былъ вступить на великокняжескій престолъ; но племянникъ его, Георгій Даниловичъ, князь московскій, началъ оспаривать у него сіе право. Россія находилась тогда подъ владычествомъ монголовъ: оба князя отправились въ Орду, и ханъ (Тохта) утвердилъ Михаила. Болѣе десяти лѣтъ протекло мирно; но злоба не угасла въ сердцѣ Георгія; онъ не пропускалъ случая вредить Михаилу. Между тѣмъ Тохта умеръ (1312 г.); ему наслѣдовалъ сынъ его, Уз-

бекъ. Несогласія князей возобновились, и Георгія призвали въ Орду (1315 г.). Цѣлые три года онъ раболѣпствовалъ передъ Узбекомъ, дарами и происками снискалъ себѣ милостивое расположеніе и, въ довершеніе всего, женился на сестрѣ его Кончакѣ (1318 г.). Ханъ наименовалъ Георгія старѣйшимъ изъ князей русскихъ и далъ ему войско. Михаилъ выступилъ къ нему на встрѣчу, сразился и одержалъ побѣду: татарскій полководецъ Кавгадый и супруга Георгія впали въ плѣнъ; послѣдняя умерла скоропостижно въ Твери. Раздраженный Узбекъ призвалъ Михаила въ Орду, жестоко истязалъ его и наконецъ велѣлъ лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца къ лику св. мучениковъ.

Къ XI (стр. 31). Подвиги великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго извѣстны всякому русскому. Онъ былъ сынъ великаго князя московскаго Іоанна Іоанновича; родился въ 1350 году; великокняжескій престолъ занялъ 1362 года. Владычествовавшая надъ Россіею Золотая или Сарайская Орда въ его время раздиралась междоусобіями. Одинъ изъ князей татарскихъ, Мамай, властвовалъ тамъ, подъ именемъ Мамантъ-Салтана, слабаго и ничтожнаго хана. Недовольный великимъ княземъ, Мамай отправилъ (въ 1378 г.) мурзу Бегича со множествомъ татарскаго войска. Ополченіе Димитрія встрѣтило ихъ на рѣкѣ Вожѣ, сразилось мужественно и одержало побѣду. Раздраженный Мамай, совокупивъ еще большія толпы иноплеменниковъ, двинулся съ ними къ предѣламъ Россіи. Димитрій вооружился; противники сошлись на Куликовомъ полѣ (при рѣчкѣ Непрядвѣ, впадающей въ Донъ). Бой былъ жестокій и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространствѣ двадцати верстъ кровь русскихъ мѣшалась съ татарскою. Наконецъ Мамай предался бѣгству и Димитрій восторжествовалъ. Сія знаменитая побѣда доставила ему великую славу и уваженіе современниковъ. Потомство наименовало его *Донскимъ*. Димитрій умеръ въ 1389 году.

Къ XIII (стр. 35). Князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, нѣкогда знатный и богатый литовскій вельможа. Родъ его происходилъ отъ татарскаго князя, выѣхавшаго изъ Орды во времена в. к. Витовта. Воспитанный въ Германіи, Глинскій принялъ тамошніе обычаи, долго служилъ императору и отличался храбростію и умомъ. Возвратясь въ отечество, онъ снискалъ милость короля Александра и былъ его любимцемъ и другомъ. Когда (въ 1508 г.) Сигизмундъ сдѣлался королемъ, завистники обнесли предъ нимъ Глинскаго. Главный врагъ его былъ панъ Забржезенскій. Князь Глинскій, обще съ двумя братьями, передался вел. князю московскому Василію Іоанновичу, былъ принятъ имъ съ уваженіемъ и сдѣланъ воеводою. Глинскій сражался противъ своихъ соотечественниковъ и оказалъ особенныя услуги при взятіи Смоленска (1514 г.). Вел. князь обѣщалъ его сдѣлать владѣтелемъ сего княжества, но не сдержалъ слова. Глинскій вошелъ въ переписку съ Сигизмундомъ и намѣренъ былъ ему передаться: его схватили, привезли въ Москву и заключили въ темницу. Тамъ онъ просидѣлъ болѣе двѣнадцати лѣтъ. Вел. князь женился на его племянницѣ, княжнѣ Еленѣ, дочери брата его Василія. Черезъ годъ царица выпросила своему дядѣ прощеніе (1527 г.) и кн. Глинскій пришелъ еще въ бо̀льшую силу. По кончинѣ вел. князя, Елена сдѣлалась правительницею государства. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ членовъ Думы. Нескромная слабость племянницы къ любимцу ея, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила въ немъ справедливое негодованіе: онъ сталъ дѣлать ей увѣщанія и подпалъ гнѣву; снова его заключили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ (въ 1534 году).

Къ XIV (стр. 40). Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ казанскомъ походѣ, при отраженіи крымцевъ отъ Тулы (1552 г.) и въ войнѣ ливонской (1560 г.) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воево-

дою въ Дерптѣ. Въ сіе время Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь погибели, Курбскій рѣшился измѣнить отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Сигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему въ помѣстье княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранную и язвительную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мщеніе: забылъ отечество, предводительствовалъ поляками во время ихъ войны съ Россіею и возбуждалъ противъ нея хана крымскаго. Онъ умеръ въ Польшѣ. Предъ смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспомнилъ о Россіи и называлъ ее милымъ отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ, въ Польшѣ, вторично женился на княгинѣ Дубровицкой, съ которою король повелѣлъ ему развестися. Курбскій извѣстенъ также литературными своими трудами: онъ описалъ жестокости царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бесѣды Златоустаго на «Дѣянія Св. Апостолъ». Въ концѣ XVII вѣка правнуки его выѣхали въ Россію.

Къ XV (стр. 41). Подъ словомъ Сибирь разумѣется нынѣ неизмѣримое пространство отъ хребта Уральскаго до береговъ Восточнаго океана. Нѣкогда Сибирскимъ царствомъ называлось небольшое татарское владѣніе, коего столица, Искеръ, находилась на рѣкѣ Иртышѣ, впадающей въ Обь. Въ половинѣ XVI вѣка сіе царство зависѣло отъ Россіи. Въ 1569 году царь Кучумъ былъ *принятъ подъ руку* Іоанна Грознаго и обязался платить дань. Между тѣмъ сибирскіе татары и подвластные имъ остяки и вогуличи вторгались иногда въ Пермскія области. Это заставило россійское правительство обратить вниманіе на обезпеченіе сихъ украйнъ укрѣпленными мѣстами и умноженіемъ въ нихъ народонаселенія. Богатые въ то время купцы Строгоновы получили во владѣніе обширныя пустыни на пре-

дѣлахъ Перміи: имъ дано было право заселить ихъ и обработать. Сзывая вольницу, сіи дѣятельные помѣщики обратились къ казакамъ, кои, не признавая надъ собою никакой верховной власти, грабили на Волгѣ промышленниковъ и купеческіе караваны. Лѣтомъ 1579 года 540 сихъ удальцовъ пришли на берега Камы; предводителей у нихъ было пятеро; главный назывался Ермакъ Тимоѳеевъ. Строгоновы присоединили къ нимъ 300 человѣкъ разныхъ всельниковъ, снабдили ихъ порохомъ, свинцомъ и другими припасами, и отправили за Уральскія горы (въ 1581 г.). Въ теченіе слѣдующаго года казаки разбили татаръ во многихъ сраженіяхъ, взяли Искеръ, плѣнили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трехъ лѣтъ господствовали въ Сибири. Между тѣмъ число ихъ мало по малу уменьшалось: много погибло отъ оплошности. Сверженный Кучумъ бѣжалъ въ Киргизскія степи и замышлялъ способы истребить казаковъ. Въ одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильномъ дождѣ, онъ учинилъ неожиданное нападеніе: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силѣ и внезапности удара. Не имѣя средствъ къ спасенію, кромѣ бѣгства, Ермакъ бросился въ Иртышъ, въ намѣреніи переплыть на другую сторону, и погибъ въ волнахъ. Лѣтописцы представляютъ сего казака-героя крѣпкотѣлымъ, осанистымъ и широкоплечимъ; онъ былъ роста средняго, имѣлъ плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Сибирь была оставлена россіянами; потомъ пришли царскія войска и снова завладѣли ею. Въ теченіе XVII вѣка безпрерывныя завоеванія разныхъ удальцовъ-предводителей отнесли предѣлы Россійскаго государства къ берегамъ Восточнаго океана.

Къ XVI (стр. 44). Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ является въ исторіи съ 1570 года: тогда онъ былъ царскимъ оруженосцемъ. Возвышаясь постепенно, Году-

новъ сдѣлался бояриномъ и конюшимъ: титла важныя при прежнемъ дворѣ россійскомъ. Сынъ Іоанна Грознаго, царь Ѳеодоръ, сочетался бракомъ съ его сестрою, Ириною Ѳеодоровною. Тогда Годуновъ пришелъ въ неограниченную силу; онъ имѣлъ столь великое вліяніе на управленіе государствомъ, что иностранныя державы признавали его соправителемъ сего кроткаго, слабодушнаго монарха. По кончинѣ Ѳеодора Іоанновича (1598 г.), духовенство, государственные чины и повѣренные народа избрали Годунова царемъ. Правленіе его продолжалось около осьми лѣтъ. Въ сіе время Годуновъ старался загладить непріятное впечатлѣніе, какое оставили въ народѣ прежніе честолюбивые и хитрые его виды; между прочимъ ему приписывали отдаленіе отъ двора родственниковъ царской фамиліи (Нагихъ, кн. Сицкихъ и Романовыхъ) и умерщвленіе малолѣтняго царевича Димитрія, брата царя Ѳеодора, въ 1591 году, погибшаго въ Угличѣ. Годуновъ расточалъ награды царедворцамъ, благотворилъ народу и всѣми мѣрами старался пріобрѣсти общественную любовь и довѣренность. Между тѣмъ явился ложный Димитрій; къ нему пристало множество приверженцевъ — и государству угрожала опасность. Въ сіе время (1605 г.) Годуновъ умеръ внезапно; полагаютъ, что онъ отравился. Историки несогласны въ сужденіяхъ о Годуновѣ: одни ставятъ его на ряду государей великихъ, хвалятъ добрыя дѣла и забываютъ о честолюбивыхъ его проискахъ; другіе, многочисленнѣйшіе, называютъ его преступнымъ тираномъ.

Къ XVII (стр. 46). Читавшимъ отечественную исторію извѣстенъ странный Лжедимитрій — Григорій Отрёпьевъ. Повѣствуютъ, что онъ происходилъ изъ сословія дѣтей боярскихъ; нѣсколько лѣтъ находился въ Чудовѣ монастырѣ іеродьякономъ и былъ келейникомъ у патріарха Іова. За безпорядочное поведеніе Отрёпьевъ заслуживалъ наказаніе; онъ желалъ избѣжать сего и предался бѣгству. Долго скитаясь внутри Россіи и переходя

изъ монастыря въ монастырь, наконецъ выѣхалъ въ Польшу. Тамъ онъ замыслилъ выдать себя царевичемъ Димитріемъ, сыномъ Іоанна Грознаго, который умерщвленъ былъ (въ 1591 г.) въ Угличѣ — какъ говорили — по проискамъ властолюбиваго Годунова. Онъ началъ разглашать выдуманныя имъ обстоятельства мнимаго своего спасенія, привлекъ къ себѣ толпу легковѣрныхъ и, съ помощію сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, вторгся въ отечество вооруженною рукою. Странное стеченіе обстоятельствъ благопріятствовало Отрёпьеву: Годуновъ умеръ внезапно, и на престолѣ россійскомъ возсѣлъ самозванецъ (1605 г.). Но торжество Отрёпьева было не долговременно: явная преданность католицизму и терпимость іезуитовъ сдѣлали его ненавистнымъ въ народѣ, а развратное поведеніе и дурное правленіе ускорили его паденіе. Князь Василій Шуйскій (въ 1606 г.) произвелъ заговоръ; возникло народное возмущеніе — и Лжедимитрія не стало. Явленіе сего самозванца, быстрые его успѣхи и странное стеченіе обстоятельствъ того времени составляютъ важную загадку въ нашей исторіи.

Къ XVIII (стр. 49). Въ исходѣ 1612 года, юный Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ, послѣдняя отрасль Рюриковой династіи, скрывался въ Костромской области. Въ то время Москву занимали поляки: сіи пришельцы хотѣли утвердить на россійскомъ престолѣ царевича Владислава, сына короля ихъ Сигизмунда III. Одинъ отрядъ проникнулъ въ костромскіе предѣлы и искалъ захватить Михаила. Вблизи отъ его убѣжища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы онъ тайно провелъ ихъ къ жилищу будущаго вѣнценосца Россіи. Какъ вѣрный сынъ отечества, Сусанинъ захотѣлъ лучше погибнуть, нежели предательствомъ спасти жизнь. Онъ повелъ поляковъ въ противную сторону и извѣстилъ Михаила объ опасности; бывшіе съ нимъ успѣли увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествіи на престолъ Ми-

хаила Ѳеодоровича (въ 1613), потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участокъ земли при селѣ Домнинѣ; ее подтверждали и послѣдующіе государи.

Къ XIX (стр. 53). Зиновій (Богданъ) Хмѣльницкій, сынъ Чигиринскаго сотника, воспитывался въ Кіевѣ и кончилъ ученіе у іезуитовъ въ польскомъ городѣ Ярославцѣ. Въ исторіи онъ становится извѣстенъ съ 1620 г. Въ сраженіи при Цецорѣ турки взяли его въ плѣнъ и держали въ неволѣ два года. По возвращеніи своемъ Хмѣльницкій служилъ въ войскѣ польскомъ; потомъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ селеніи Субботовѣ, въ покоѣ. Чигиринскій подстароста Чаплицкій, захвативъ селеніе, похитилъ у него подругу и высѣкъ плетьми малолѣтняго его сына. Хмѣльницкій поѣхалъ въ Варшаву жаловаться, но не нашелъ управы. Тогда онъ поклялся отомстить всѣмъ полякамъ. Въ 1647 г. въ Малороссіи вспыхнуло возмущеніе. Хмѣльницкій принялъ въ немъ дѣятельное участіе, поощрялъ недовольныхъ и умножалъ толпы ихъ. Дошло до явной войны. Хмѣльницкій выбранъ былъ гетманомъ. Онъ вошелъ въ связи съ крымцами, призвалъ ихъ на помощь и слишкомъ четыре года противостоялъ полякамъ. Примѣчательны сраженія: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ и при Берестечкѣ. Въ 1651 г. прекратились раздоры. Поляки заключили съ малороссіянами и запорожскимъ войскомъ мирный договоръ подъ Бѣлою Церковію, но не смотря на сіе, не упускали случая оскорблять ихъ. Сіи притѣсненія заставили Хмѣльницкаго просить россійскаго государя о принятіи его съ войскомъ въ подданство (1654 года). Онъ умеръ въ Чигиринѣ 15 августа 1657 года. За освобожденіе отчизны его прозвали «Богданомъ», т. е. Богомъ дарованнымъ избавителемъ.

Къ XX (стр. 56). Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ родился въ 1625 г. Въ правленіе царя Алексѣя Михайловича онъ отличился доблестями на поприщѣ военномъ и политическомъ: сражался съ поляками, шведами и тата-

рами, заключилъ договоръ о сдачѣ Смоленска (1656 года), убѣдилъ запорожцевъ къ подданству Россіи и уничтожилъ невыгодный для нея Андрусовскій миръ (1667). Начальствуя надъ посольскимъ приказомъ, Матвѣевъ умѣлъ вселить въ другихъ европейскихъ дворахъ должное уваженіе къ Россіи. Въ его домѣ воспитывалась Наталія Кириловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, отъ которой родился Петръ Великій. Въ послѣдствіи государь возвелъ Матвѣева въ ближніе бояре и оказывалъ ему особенную довѣренность и даже дружбу. Съ кончиною царя Алексѣя Михайловича (въ 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвѣева: враги оклеветали его и удалили отъ двора. Матвѣевъ получилъ назначеніе въ Верхотурье воеводою; на дорогѣ настигъ его гонецъ и отвезъ въ отдаленный Пустозерскій острогъ. Цѣлые семь лѣтъ Матвѣевъ пробылъ въ заточеніи. Наконецъ ему велѣно было ѣхать въ городъ Лухъ (Костромской губерніи). Въ дорогѣ Матвѣевъ узналъ о кончинѣ царя Θеодора Алексѣевича и получилъ приглашеніе ко двору воцарившихся соправителей. Въ столицѣ ожидало его новое бѣдствіе: на четвертый день пріѣзда (15 мая 1682) взбунтовались стрѣльцы, и Матвѣевъ палъ жертвою преданности къ государямъ. Любя добродѣтель, онъ уважалъ просвѣщеніе и науки; сочинилъ «Россійскую Исторію»; имѣлъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ: живописи, музыкѣ и драматическимъ представленіямъ. При немъ впервые стали извѣстны у насъ театральныя зрѣлища.

Къ XXI (стр. 58). Петръ Великій, по взятіи Азова (въ августѣ 1696 г.), прибылъ въ Острогожскъ. Тогда пріѣхалъ въ сей городъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ татаръ. Онъ поднесъ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоцѣнными каменьями, и на золотой цѣпи щитъ съ такими-жъ украшеніями. Въ то время Мазепа былъ еще невиненъ.

Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетманъ умѣлъ вкрасться въ милость Петра. Монархъ почтилъ его посѣщеніемъ, обласкалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честію отпустилъ въ Украйну.

Къ XXII (стр. 60). Взятый въ плѣнъ въ битвѣ подъ Нарвой, кн. Я. Ѳ. Долгорукій десять лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Въ 1711 г., по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены моремъ въ Умео. Въ числѣ 44-хъ русскихъ плѣнниковъ, посаженныхъ на одномачтовое небольшое судно, былъ и Я. Ѳ. Долгорукій. Семидесятилѣтній воинъ составилъ заговоръ и овладѣлъ судномъ, обезоруживъ, послѣ схватки, своихъ стражей-шведовъ. Корабль былъ направленъ къ русскимъ берегамъ и плѣнники спаслись. *

Къ XXIII (стр. 62). Село Рожествено, находящееся на рѣкѣ Оредижи, въ нынѣшнемъ Царскосельскомъ уѣздѣ, принадлежало царевичу Алексѣю Петровичу.

Къ XXIV (стр. 64). Волынскій началъ поприще службы при Петрѣ Великомъ. Получивъ чинъ генералъ-маіора, онъ оставилъ военную службу и сдѣлался дипломатомъ: ѣздилъ въ Персію, въ качествѣ министра, былъ вторымъ посломъ на Немировскомъ конгрессѣ и въ 1737 году пожалованъ въ статсъ-секретари. Манштейнъ изображаетъ его человѣкомъ обширнаго ума, но крайне искательнымъ, гордымъ и сварливымъ. Неосторожность погубила Волынскаго. Однажды, примѣтя холодность императрицы Анны къ герцогу Бирону, онъ рѣшился подать ей меморію, въ которой обвинялъ во многомъ герцога и нѣкоторыхъ сильныхъ при дворѣ особъ: ему хотѣлось отдалить ихъ. Узнавъ о семъ, жестокій Би-

* **Примѣчанія къ XXII, XXIII и XXV «Думамъ», не бывшимъ въ печати въ изданіи 1825 г., составлены для изданія 1872 г. и приводятся здѣсь для полноты.**

ронъ излилъ месть на Волынскаго: его отдали подъ судъ и приговорили къ смертной казни (въ 1740 году).

Къ XXV (стр. 67). Основою этой «Думы» послужило преданіе о томъ, будто бы императрица Анна, изъ угожденія къ Бирону предавъ Волынскаго мучительной казни, страдала угрызеніемъ совѣсти и тѣнь Волынскаго являлась государынѣ. Она умерла съ небольшимъ черезъ три мѣсяца послѣ казни Волынскаго, 17 октября 1740 года.

Къ XXVI (стр. 69). Княгиня Наталія Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ увѣковѣчили ея имя.

Къ XXVII (стр. 72). Державинъ родился 1743 года въ Казани. Онъ былъ воспитанъ сперва въ домѣ своихъ родителей, а послѣ въ казанской гимназіи; въ 1760 г. записанъ былъ въ инженерную школу, а въ слѣдующемъ году, за успѣхи въ математикѣ и за описаніе Болгарскихъ развалинъ, переведенъ въ гвардію. Въ чинѣ поручика отличился въ корпусѣ, посланномъ для усмиренія Пугачева. Въ 1777 году поступилъ въ статскую службу, а въ 1802 году пожалованъ былъ въ министры юстиціи. Скончался іюля 6 дня 1816 года въ помѣстьѣ своемъ на берегу Волхова. «Къ безсмертнымъ памятникамъ Екатеринина вѣка принадлежатъ «пѣснопѣнія Державина. Громкія побѣды на морѣ и «сухомъ пути, покореніе двухъ царствъ, униженіе гор«дости Оттоманской Порты, столь страшной для евро«пейскихъ государей, преобразованія Имперіи, законы, «гражданская свобода, великолѣпныя торжества про«свѣщенія, тонкій вкусъ — все это было сокровищемъ «для генія Державина. Онъ былъ Горацій своей госу«дарыни... Державинъ великій живописецъ... Держа«винъ хвалитъ, укоряетъ и учитъ... Онъ возвышаетъ «духъ націи и каждую минуту даетъ чувствовать бла«городство своего духа»... говоритъ г. *Мерзляковъ*.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

ПОЭМА.

.........Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.................

Dante.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ —
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства
За то найдешь живыя чувства —
Я не поэтъ, а гражданинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ МАЗЕПЫ. *

Мазепа принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ россійской исторіи XVIII столѣтія. Мѣсто рожденія и первые годы его жизни покрыты мракомъ неизвѣстности. Достовѣрно только, что онъ провелъ молодость свою при варшавскомъ дворѣ, находился пажемъ у короля Іоанна Казимира, и тамъ образовался среди отборнаго польскаго юношества. Несчастныя обстоятельства, до сихъ поръ еще не объясненныя, заставили его бѣжать изъ Польши. Исторія представляетъ намъ его въ первый разъ въ 1674 году главнымъ совѣтникомъ Дорошенки, который, подъ покровительствомъ Польши, правилъ землями, лежащими по правой сторонѣ Днѣпра. Московскій дворъ рѣшился присоединить въ то время сіи страны къ своей державѣ. Мазепа, попавшись въ плѣнъ при самомъ началѣ войны

* Можетъ быть читатели удивятся противуположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ. И могло ли быть иначе?... Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія. Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его, по неопытности, въ войну противъ великаго государя; но истина восторжествовала — и провидѣніе наказало измѣнника.

съ Дорошенкомъ, совѣтами противъ бывшаго своего начальника много способствовалъ успѣху сего предпріятія и остался въ службѣ у Самойловича, гетмана Малороссійской Украины. Самойловичъ, замѣтивъ въ немъ хитрый умъ и пронырство, увлеченный его краснорѣчіемъ, употреблялъ его въ переговорахъ съ царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, съ крымскимъ ханомъ и съ поляками. Въ Москвѣ Мазепа вошелъ въ связи съ первыми боярами царскаго двора и послѣ неудачнаго похода любимца Софіи князя Василья Васильевича Голицына въ Крымъ, въ 1687 году, чтобъ отклонить отвѣтственность отъ сего вельможи, онъ приписалъ неуспѣхъ сей войны благодѣтелю своему Самойловичу, отправилъ о семъ доносъ къ царямъ Іоанну и Петру, и въ награду за сей поступокъ былъ, по проискамъ Голицына, возведенъ въ званіе гетмана обѣихъ Украинъ.

Между тѣмъ война съ крымцами не уставала: походъ 1688 года былъ еще неудачнѣе прошлогодняго; здѣсь въ то время произошла перемѣна въ правленіи. Владычество Софіи и ея любимца кончилось и власть перешла въ руки Петра. Мазепа, опасаясь раздѣлить несчастную участь съ вельможею, которому онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, рѣшился объявить себя на сторонѣ юнаго государя, обвинилъ Голицына въ лихоимствѣ и остался гетманомъ.

Утвержденный въ семъ достоинствѣ, Мазепа всячески старался снискать благоволеніе россійскаго монарха. Онъ участвовалъ въ азовскомъ походѣ; во время путешествія Петра по чужимъ краямъ счастливо воевалъ съ крымцами, и одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ разорвать миръ съ шведами. Въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, изъявлялъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ его желанія, и въ 1701 году, когда буджацкіе и бѣлгородскіе татары просили его о принятіи ихъ въ покровительство, согласно съ древними обы-

чаями казаковъ: «прежнія казацкія обыкновенія миновались», отвѣчалъ онъ депутатамъ, «гетманы ничего не дѣлаютъ безъ повелѣнія государя». Въ письмахъ къ царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи; просилъ, чтобъ доставили ему случай показать свою вѣрность, позволивъ участвовать въ войнѣ противъ шведовъ, и въ 1704 году, послѣ похода въ Галицію, жаловался, что король Августъ держалъ его въ бездѣйствіи, не далъ ему способовъ къ оказанію важныхъ услугъ русскому царю. Петръ, плѣненный его умомъ, познаніями, и довольный его службою, благоволилъ къ гетману особеннымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣтовъ. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его въ измѣнѣ, государь велѣлъ отсылать ихъ въ Малороссію и судить какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ. Еще въ концѣ 1705 года Мазепа писалъ къ Головину: «никогда не отторгнусь отъ службы премилостивѣйшаго моего государя». Въ началѣ 1706 года былъ онъ уже измѣнникъ.

Нѣсколько разъ уже Станиславъ Лещинскій подсылалъ къ Мазепѣ повѣренныхъ своихъ съ пышными обѣщаніями и убѣжденіями — преклониться на его сторону, но послѣдній отсылалъ всегда сіи предложенія Петру. Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя россіянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между казаками неудовольствіе противъ Россіи. Подъ предлогомъ, что казаки ропщутъ на тягости, понесенныя ими въ прошлогоднихъ походахъ и въ крѣпостныхъ работахъ, онъ распустилъ вой-

ско, вывелъ изъ крѣпостей гарнизоны и сталъ укрѣплять Батуринъ; самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣскольку дней сряду, не могъ ни ходить, ни стоять, и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ ко гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренія: переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Станислава іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малороссію полякамъ, и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ истребить Сѣчу и чтобъ они готовились къ сопротивленію. Гетманъ еще болѣе началъ притворяться по вступленіи Карла въ Россію. Въ 1708 году болѣзнь его усилилась. Тайныя пересылки съ шведскимъ королемъ и письма къ Петру сдѣлались чаще. Карла умолялъ онъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Малороссію и избавленіи его отъ ига русскихъ, и въ то же время писалъ къ графу Гаврилѣ Ивановичу Голòвкину, что ни какія прелести не могутъ отторгнуть его отъ высокодержавной руки царя русскаго и поколебать недвижимой его вѣрности. Между тѣмъ шведы были разбиты при Добромъ и Лѣсномъ, и Карлъ обратился въ Украину. Петръ повелѣлъ гетману слѣдовать къ Кіеву и съ той стороны напасть на непріятельскій обозъ; но Мазепа не двигался изъ Борзны. Притворныя страданія его часъ отъ часу усиливались. 22 октября 1708 писалъ онъ еще къ графу Головкину: что онъ не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пищи, лишенъ сна и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ съ 5000 казаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ въ знакъ подданства и вѣрности.

Что побудило Мазепу къ измѣнѣ? Ненависть ли его къ русскимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ, во время его пребыванія при польскомъ дворѣ? Любовная ли

связь съ одною изъ родственницъ Станислава Лещинскаго, которая принудила его перейти на сторону сего короля? или, какъ нѣкоторые полагаютъ, любовь къ отечеству, внушившая ему неумѣстное опасеніе, что Малороссія, оставшись подъ владычествомъ русскаго царя, лишится правъ своихъ? Но въ современныхъ актахъ я не вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользѣ согражданъ. Мазепа, въ универсалахъ и письмахъ своихъ къ казакамъ, клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобъ его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело его къ измѣнѣ. Благо казаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства. И могъ ли онъ, воспитанный въ чужбинѣ, уже два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Генеральный судья Василій Кочубей былъ давно уже въ несогласіи съ Мазепою. Ненависть его къ гетману усилилась съ 1704 года, послѣ того, какъ сей послѣдній, во зло употребляя власть свою, обольстилъ дочь Кочубея, и смѣясь надъ жалобами родителей, продолжалъ съ нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепѣ; узнавъ о преступныхъ его замыслахъ, можетъ быть, движимый усердіемъ къ царю, рѣшился открыть ихъ Петру. Согласившись съ полтавскимъ полковникомъ Искрою, они отправили доносъ свой въ Москву, а вскорѣ потомъ и сами туда явились, но двадцатилѣтняя вѣрность Мазепы и шестьдесятъ четыре года жизни отдаляли отъ него всякое подозрѣніе. Петръ, приписывая поступокъ Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велѣлъ отослать ихъ въ Малорос-

сію, гдѣ сіи несчастные, показавъ подъ пыткою, что ихъ показанія ложны, были казнены 14 іюля 1708 года въ Борщаговкѣ, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви.

А. Корниловичъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Объѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705 году Войнаровскій посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству графа Головина; а въ 1707 г. мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пятитысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меньшикова, откуда и возвратился онъ осенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украину, отправился къ Меньшикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меньшиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности — разсказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отъѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разгнѣвался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго нажидателя, полковника Протасова, упросилъ его исходатай-

ствовать лично у Меньшикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе части казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ хану крымскому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противу Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго коронымъ воеводою царства польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ и по смерти Мазепы назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожъ Войнаровскій, потерявъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его въ преемники сего достоинства, отклонилъ отъ себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3000 червонныхъ къ имени гетмана и заплативъ кошевому 200 червонцевъ за склоненіе казаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскій пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица-де-Саксъ. Между тѣмъ какъ счастіе ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ по требованію россій-

скаго резидента Беттахера. Однакожъ, въ слѣдствіе протестаціи вѣнскаго двора, по правамъ неутралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго, отдаться милости Петра I, предала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день имeнинъ императрицы и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ — неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго, и нравъ его виденъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меньшиковымъ; наконецъ ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ, * если бы любезный дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской. Однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка — лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. Бестужевъ.

---

* Въ Вѣнѣ называли его графомъ.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

ПОЭМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны. [1]
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины....

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака....

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ,
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придётъ.
Иль за якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ русскими купцами

Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылый и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и юкагиръ пустынной,
Неся богатый свой ясакъ, [2]
Лѣсной тунгузъ, и съ пикой длинной
Сибирскій строевой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ:
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
Почти убитаго тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье;
Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ...

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной,
Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ странъ Днѣпра казакъ проворной
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый.
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.

Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!

«Горитъ напрасно пламень пылкій....
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

«О край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать!»

Сказалъ — пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезёнъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда
И посѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ; [8] смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,

Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ [4] предъ бурей мрачнымъ днёмъ...
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ —
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ....

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ [5] славной;
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлечёнъ
Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разсказы стариковъ,
Про Ермака и казаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому
Или по дебрямъ и горамъ.
Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалацкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,

Климатъ жестокой и суровой,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій —
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги....
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ нà-спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... вдругъ выстрѣлъ!... быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался — и на снѣгъ
Окровавлённый упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ,
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахòю [6] черной
И въ длинношерстномъ чебакѣ, [7]
Охотникъ ловкой и проворной...

То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылой —
Все душу странника страшило.
Но трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,

Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
«Кто бъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ.
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»
«Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближномъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли дò ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки [8] скудной:
Пойдемъ — тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной.»

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже видѣнъ сводъ небесъ...
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ,
И одинокой и унылой,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ
И юрту путникамъ открылъ.
Пришли — и ссыльный, торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливой;
И каждый въ сталь ударъ кремня
Въ углу обители пустынной
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы [9] длинной,
То саблю, то конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ...

Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ [10] засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытной
Съ нимъ о Сибири разговоръ...
Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
Ихъ рѣчь живѣе и живѣй,
И вдругъ нечаянно склонилась
Къ судьбѣ народовъ и царей...
Въ какое жъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Странъ европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину, съ тоскою
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
Онъ неожиданно, въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвесть бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдаго пришлеца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обоихъ сверкали;
Они другъ друга понимали —
И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ и сонъ отрадный,

И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.

«Ты знать желаешь, добрый странникъ,
Кто я, и какъ сюда попалъ?»
Такъ незнакомецъ продолжалъ:
«Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняли бъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя:
Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,
И несчастливцу не измѣнишь...

«Дивись же, странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой —
Узнай — сидитъ передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы!
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ, съ тоской глубокой...
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу, какъ остовъ, очи впали;
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И, какъ климàтъ сибирскій, сталъ

Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей —
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага...
. . . .

«И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться ль, странникъ: я бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой...
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,

А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты...

«Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
Я часто за Палѣемъ [11] въ слѣдъ,
Съ ватагой [12] храбрыхъ гайдамаковъ [13]
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало, кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ
И малой горстью толокна. [14]
Въ неотразимые наѣзды
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій наѣзжали станъ,
Дружины грозныя громили,
Селенія и грады — въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.

«Однажды, увлеченъ отвагой,
Я, съ малочисленной ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ,
Ударилъ на толпы враговъ.
Бой длился дò ночи. Поляки

Уже смѣшалися въ рядахъ,
И строясь далѣ, на холмахъ,
Намъ уступали поле драки.
Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
Поля и стонутъ и трясутся...
Глядимъ — со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся...
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ
Въ дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотѣлъ:
Враги все болѣ насъ стѣсняли
И, наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали...
Погоню слыша за собой,
И раненый и изнуренный,
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣнный.

«Ужъ Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежемъ родной страны
Ужъ хутора [15] вдали мелькали.
Ужъ въ куреняхъ [16] я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ — вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

«Одинъ, вблизи степной могилы, [17]
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я, мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно помощь призывая,

Я слабый голосъ подавалъ:
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

«Все было тихо... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила.
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужъ я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
И зрю: покрытая серпяномъ,
Казачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

«О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ его съ тѣхъ поръ.
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи
И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежной
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ утѣхи находилъ

Въ моей казачкѣ черноокой;
Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокой.
Въ часы безсонницы моей,
Она, приникнувъ къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать
Степныя травы и коренья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасной взоръ бродилъ...
И я казачку непримѣтно
Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь;
Но скоро пылкая любовь
И въ милой дѣвѣ запылала...
Настала счастія пора!
Подругой юной исцѣленный,
Съ душей, любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра.
Недолго мы любовь таили,
Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
Ея родителямъ открыли,
И на союзъ сердецъ просили
Благословенія у нихъ.

«Три года молніей промчались
Подъ кровомъ хижины простой;
Съ моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
Въ кругу рѣзвящихся дѣтей,
На мирномъ лонѣ сладострастья,

Съ казачкой милою моей
Вполнѣ узналъ я цѣну счастья.
Угрюмый гетманъ насъ любилъ,
Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ милыхъ,
И, наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батуринъ насъ переманилъ.

«Все шло обычной чередой.
Я счастливъ былъ: но вдругъ покой
И счастіе мое сокрылось.
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій.
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.

«Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ — и собиралъ полки.
Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ;
Вхожу — и слышу: «Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою;
Давно хотѣлъ открыться я
И важную повѣрить тайну;
Но напередъ завѣрь меня,
Что ты, при случаѣ, себя
Не пожалѣешь за Украйну.»
— «Готовъ всѣ жертвы я принесть,
Воскликнулъ я, странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой,

Себѣ одну оставлю честь.»—
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:
«Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямаго гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ,
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ—я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра;
Но — покоряяся судьбинѣ —
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!...
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье,
Успѣхъ не вѣренъ — и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье!
Но я рѣшился; пусть судьба

Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ!»

«Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепѣ предался я слѣпо,
И другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.
Ахъ, можетъ, былъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,
Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя...
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему,
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой,
Но, ахъ! вдали страны родной,
Могу ль всегда быть равнодушенъ?
Рожденный съ пылкою душой,
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною...
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время

Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей...
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ иль съ славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы! умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;
Умру я — и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юрту день не проникалъ:
Скользя сквозь вѣтви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя
Лучъ одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дотлѣли,
Лишь угли красные блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разсказъ,
И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ...

«Видалъ ли ты когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя стени?
Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Низпровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей.

«Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ;
Я степи кровью обагрилъ,
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ.

«Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
Часъ битвы роковой приспѣлъ —
И мы отчизну погубили!
Полтавскій громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпой
Противъ Петра не устоялъ.
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему — и мы съ Мазепой.

«Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...

«Однажды въ полночь, подъ лѣскомъ,
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ.
Вокругъ синѣла степь глухая;
Луну затмили облака,
И тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа предъ костромъ сосновымъ,
Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
Какъ другу, открывался мнѣ:

«О какъ невѣрны наши блага!
О какъ подвластны мы судьбѣ!
Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
Уже насталъ конецъ борьбѣ!
Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье погубило
На вѣкъ страны моей родной
Свободу, славу и покой...
Но мнѣ ли духомъ унижаться?
Не буду рока я рабомъ!
И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,

Когда сражался я съ Петромъ?
Такъ, Войнаровскій, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Всѣ способы, всѣ средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоенъ я въ душѣ своей;
И Петръ и я — мы оба правы:
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей». —

«Замолкнулъ онъ... Глаза сверкали...
Дивился я его уму.
Дрова, треща, ужъ догарали.
Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
Облокотяся, вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
«Что новаго въ странѣ родной?»
— «Я изъ Батурина недавно,
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ:
Народъ Петра благословлялъ,
И, радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ.
Тебя жъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ украинцы повсюду...
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь—и брань и поношенье!»

«Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилегъ, безмолвный на траву,
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
За гетмана пылая местью,

Стояли мо̀лча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ —
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

«Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по̀ степи унылой.
Ка̀къ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!

«Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
«Быть можетъ — думалъ я, рыдая —
Украйны мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля роднаго края,

Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая!...»

«Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы велѣньемъ самовластной
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...

«Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По стѣпи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили;
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ, *
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный нѐдугъ гетманъ впалъ;
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрой,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой.

«Вотъ, вотъ они!... при нихъ палачъ!»
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
«Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!... всѣ трепещутъ!
Смотри! какъ страшно очи блещутъ!...»

* Карлъ XII.

«То въ ужасѣ, порой, съ одра
Бросался онъ въ мои объятья:
«Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятья!
Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вьется ѳиміамъ...
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Тамъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:
Мазепа проклятъ въ родъ и родъ —
Онъ погубить хотѣлъ народъ!»

«То, трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То горько плакалъ и рыдалъ,
То, дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ;
То, въ память приходя порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

«Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку...
Къ нему я бросился, взялъ руку:
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза, остановясь, смотрѣли,
Потъ проступалъ: онъ отходилъ...
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,

И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
«О Петръ! О родина!» — воскликнулъ.
Но съ симъ въ страдальцѣ замеръ гласъ;
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣдній испустилъ...
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной...

«День грустныхъ пòхоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О странникъ! всѣ предузнавали,
Что мы съ Мазепой погребали
Свободу родины своей.
Увы! послѣдній долгъ герою
Чрезъ силу я отдать успѣлъ.
Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокій овладѣлъ.
Я былъ ужъ на краю могилы;
Но жизнь во мнѣ зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать.

«Бендеры мнѣ противны стали,
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ —
Разсѣять мракъ своей печали.
Но, ахъ, напрасно! рокъ за мной
Съ неотразимою бѣдой,
Какъ духъ враждующій, стремился:
Я схваченъ былъ толпой враговъ —

И въ вѣчной ссылкѣ очутился
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ...

«Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
Въ глухой и дикой сторонѣ
Спасеніе и упованье
Была святая вѣра мнѣ.

«Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто поневолѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ — врага, иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижу ль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутной
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютной,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала.

«Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
И свирѣпѣлъ морозъ жестокой.
Передо мной скалы и лѣсъ

Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался, между горъ
Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахо́й убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней... и что же?... Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!...

«Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
О странникъ! тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

«И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.

«Ахъ, говорить ли, странникъ мой,
Тебѣ объ радости печальной

При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

«Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней!...
Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ;
Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ...

«Съ моей подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ! недолго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной, примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Болѣзнію изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ...
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ничѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасной!

«Мой другъ!» сказала мнѣ она:
«Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна!
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, такъ! мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать...»
Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей,
И наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной, безотрадной!

«Могильный, грустный холмъ ея
Близъ юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я, порою,
На немъ въ безмолвіи сижу,
И чудотворною мечтою
Лѣта протекшія бужу.
Всё воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своей душою
Невозвратимая жена.

«О странникъ! память о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ,
И плачетъ сладостно о другѣ.

«Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрыя ея,

И пылкій умъ, и образъ милой!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила!
Съ какою живостью объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль,
Ее тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ москаль;
Она ни разу, и случайно,
Врага страны своей родной
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной,
Въ самомъ страданьи сохранить...
....
....

«Съ утратой сей, отъ бѣдъ усталый,
Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но, тяжкой жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.

Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны —
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достояніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода!...»

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица исчезнулъ мракъ печали,
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
Объ чемъ страдалецъ сей молился;
Онъ самъ невольно прослезился,
И несчастливцу руку далъ,
Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной...

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ са́ванъ снѣговой.
Въ пустынѣ странникъ просвѣщенной
Страдальца часто навѣщалъ,

Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединеньѣ
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу-другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою
Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ.
Уже онъ ловитъ жаднымъ взоромъ,
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной,
Кровъ одинокой и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

«Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимые края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенья земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорòгой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его нейдетъ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Всё пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
«Всё въ запустѣньи! мыслитъ странникъ,
Куда жъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,

Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпененьи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ВОЙНАРОВСКОМУ.

1. Юрта — жилище дикихъ сибирскихъ обывателей. Онѣ бываютъ лѣтнія и зимнія, подвижныя и постоянныя; бываютъ бревенчатыя, берестянныя, иногда войлочныя и кожаныя.

2. Ясакъ — подать мѣхами, собираемая съ сибирскихъ народовъ.

3. Варнакъ — преступникъ, публично наказанный и заклейменный.

4. Байкалъ — Святое море или озеро, справедливѣе — Ангарскій провалъ, лежитъ въ Иркутской губерніи между 51° и 58° сѣверной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая отъ острова Ферро. Непостоянные вѣтры, безпрерывныя жестокія бури и непроницаемые туманы, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ бывающіе на семъ озерѣ, были причиною многихъ бѣдствій. Часто во время весьма хорошей по-

годы вѣтръ неожиданно и мгновенно перемѣняется, начинается буря и до того спокойныя и свѣтлыя воды Байкала подымаются горами, чернѣютъ, пѣнятся, ревутъ и все представляетъ ужасное и вмѣстѣ величественное зрѣлище.

5. Въ странѣ той хладной и дубравной,
Въ то время, жилъ нашъ Миллеръ славной,

Миллеръ.—Россійскій исторіографъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ родился 7 октября 1705 г. въ Вестфаліи. Первое воспитаніе получилъ онъ подъ надзоромъ отца своего, который былъ ректоромъ Герфордской гимназіи. Тогда еще открывалась въ юношѣ склонность къ исторіи. Онъ любилъ по вечерамъ въ семейственномъ кругу разсказывать братьямъ и сестрамъ слышанное того утра о грекахъ и римлянахъ; съ жадностію читалъ жизни великихъ мужей древности, и когда Петръ I проѣзжалъ въ 1717 г. чрезъ Герфордъ, двѣнадцатилѣтній Миллеръ ушелъ тайнымъ образомъ босой изъ отцовскаго дома, чтобъ имѣть случай посмотрѣть на Великаго. На 17-мъ году возраста Миллеръ отправился въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ довершилъ свое воспитаніе подъ руководствомъ Готшеда, въ свое время ученѣйшаго мужа въ Германіи.

Между тѣмъ Петръ, окончивъ войну съ Швеціею, занялся исключительно водвореніемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Зная, что прежде заведенія училищъ нужно было образовать учителей, онъ учредилъ академію; и чтобъ достигнуть своей цѣли, далъ ей направленіе, соотвѣтственное своимъ видамъ. Всѣ европейскія заведенія сего рода состоятъ изъ ученыхъ людей, которые сочиненіями своими обязаны способствовать успѣху наукъ и искусствъ. Санктпетербургская академія, сверхъ сей обязанности, имѣла другую: образованіе молодыхъ россіянъ, которые къ свою очередь должны были сообщать пріобрѣтенныя познанія своимъ соотечественникамъ. Она была свѣтиломъ, кото-

*

раго благотворные лучи должны были распространиться во всѣ концы Россіи. Президенту ея Блюментросту поручено было вызвать для сего изъ Германіи ученыхъ, и по его-то приглашенію Миллеръ прибылъ въ Россію.

Петра I не стало, но намѣренія его исполнялись: академія открыла свои засѣданія 16 декабря 1725 г., и Миллеръ началъ свое поприще въ Россіи преподаваніемъ латинскаго языка, географіи и исторіи въ верхнемъ классѣ академической гимназіи. Познанія его, рачительность въ исполненіи возложенной на него обязанности, и точное исполненіе порученной ему секретарской должности, во время которой онъ издалъ три части «Комментаріевъ», заслужили ему всеобщее уваженіе. Въ половинѣ 1730 года Миллеръ произведенъ былъ въ профессоры исторіи и назначенъ дѣйствительнымъ членомъ академіи.

Скорое его возвышеніе поселило зависть въ людяхъ, которые хотя уступали ему въ познаніяхъ, но полагали, что имѣютъ равныя съ нимъ права на почести. Чтобъ удалиться отъ непріятностей, Миллеръ подъ предлогомъ домашнихъ обстоятельствъ поѣхалъ въ чужіе краи и во время своего путешествія имѣлъ случай оказать услугу академіи, пріобрѣтши для нея новаго члена, ученаго оріенталиста Кера, который положилъ основаніе нынѣшнему азіятскому минцъ-кабинету при петербургской академіи наукъ.

Новое важнѣйшее порученіе ожидало Миллера по возвращеніи его въ Россію. Въ это время петербургская академія наукъ предприняла достойный ея трудъ. Снаряжена была экспедиція для приведенія въ извѣстность земель, составляющихъ сѣверную часть Азіи. Профессоръ Делиль-де-ла-Крокеръ отправленъ былъ для астрономическихъ наблюденій; Гмелинъ долженъ былъ заняться описаніемъ всего, что касалось до естественныхъ наукъ, а Миллеру поручено было обратить вниманіе на географію, древности и исторію народовъ, населяющихъ Сибирь. Путешествіе сіе, начатое въ фев-

ралѣ 1733 г., продолжалось 10 лѣтъ. Не будемъ слѣдовать за ученымъ изслѣдователемъ во время его пути, наблюдать съ нимъ вмѣстѣ обычаи черемисовъ и вотяковъ и простые нравы телеутовъ, тунгузовъ и якутовъ. Довольно, если скажемъ, что онъ велъ подробный журналъ всему пути, самъ заготовлялъ карты оному, съ точнымъ означенiемъ мѣстности каждой страны, составлялъ историческія и географическія описанія городовъ, чрезъ которые проѣзжалъ, разбиралъ архивы оныхъ и тщательно выписывалъ все, что находилъ въ нихъ для русской исторіи, срисовывалъ вездѣ древности, какія ему попадались, и кромѣ того привезъ кучу замѣчаній о нравахъ, языкѣ и вѣрѣ народовъ, которыхъ посѣщалъ. Сіе множество трудовъ и суровый климатъ Сибири разстроили его здоровье. Онъ не могъ ѣхать далѣе Якутска, и больной возвратился въ Петербургъ, въ 1743 г. Здѣсь къ физическимъ болѣзнямъ присоединились нравственныя. Въ отсутствіе Миллера сдѣланъ былъ президентомъ академіи Шумахеръ, человѣкъ познаній ограниченныхъ, не прощавшій Миллеру его достоинствъ. Посредственность ненавидитъ истинное дарованіе. Шумахеръ, съ завистію смотрѣвшій на возвышеніе Миллера, еще болѣе вознегодовалъ на него, когда сей возвратился изъ Сибири, предшествуемый славою, что кончилъ столь важное для наукъ порученіе. Миллеръ за десятилѣтніе труды свои получилъ вмѣсто награды однѣ непріятности. Онъ не оспаривалъ у другихъ права ползать передъ сильными, не искалъ посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имѣлъ право требовать, не унижалъ дарованій своихъ, измѣняя истинѣ, а потому имѣлъ многихъ непріятелей. Таубертъ, Тепловъ, и даже великій нашъ Ломоносовъ, ни въ чемъ не терпѣвшій соперниковъ, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали вниманія и даже, повѣритъ ли этому потомство, диссертацію о началѣ русскаго народа, которую онъ напечаталъ на латинскомъ и русскомъ язы-

кахъ и готовился читать въ публичномъ собраніи академіи 5-го сентября 1743 г., въ день именинъ императрицы, запретили потому только, что исторіографъ утверждалъ въ ней, будто Рюрикъ вышелъ изъ Скандинавіи. Не смотря на сіи непріятности, Миллеръ, любившій науки не изъ личныхъ видовъ, и движимый любовію къ общей пользѣ, былъ неусыпенъ въ трудахъ своихъ. Казалось, что дѣятельность его возрастала съ препятствіями, какія онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. За работою ученый мужъ находилъ утѣшеніе отъ несправедливости людей, которыхъ отзывы не доходили до его кабинета. По званію россійскаго исторіографа, въ 1747 г. занимался онъ составленіемъ сибирской, и разными изслѣдованіями по части россійской исторіи и географіи, составлялъ родословныя таблицы россійскихъ великихъ князей, исправлялъ должность конференцъ-секретаря при академіи, и былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» съ 1757 по 1764 годъ.

Со вступленіемъ императрицы Екатерины занялась въ Россіи новая заря на горизонтѣ наукъ. Заслуги Миллера были наконецъ уважены. По просьбѣ Ив. Ив. Бецкаго, назначенъ онъ былъ въ 1763 г. директоромъ московскаго воспитательнаго дома, а въ 1766 году, по представленію графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, опредѣленъ въ начальники московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Никто лучше Миллера не могъ исполнить обязанностей, сопряженныхъ съ симъ мѣстомъ. Онъ радовался какъ дитя, когда получилъ оное, и по цѣлымъ суткамъ проводилъ въ семъ хранилищѣ отечественныхъ хартій, занимаясь приготовленіемъ матеріаловъ для россійской исторіи и объясненіемъ встрѣчающихся въ оной темныхъ мѣстъ. Государыня, бывъ еще великою княжною, знала Миллера и во время пребыванія его въ Москвѣ часто призывала его къ себѣ для совѣтовъ. Миллеръ былъ избранъ академіею въ 1767 г. депутатомъ въ ком-

миссію законовъ, находившуюся въ Москвѣ, и здѣсь предлагалъ различные планы для водворенія наукъ и распространенія просвѣщенія въ Россіи. Когда коммиссія переведена была въ Санктпетербургъ, онъ получилъ отъ императрицы позволеніе остаться въ Москвѣ, и кромѣ архива иностранныхъ дѣлъ занялся по приказу государыни, разборомъ архивовъ разряднаго и сибирскаго приказа. Онъ работалъ съ утра до ночи, и жалѣлъ только, что ему минуло 63 года и онъ не будетъ имѣть ни времени, ни силы для исполненія ожиданій монархини и соотечественниковъ. Въ 1775 году академія поручила ему написать ея исторію отъ самаго ея основанія. Въ томъ году праздновали 50-ти лѣтнее ея существованіе. Миллеръ, единственный изъ членовъ, который находился при ея основаніи, былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ томъ, что въ ней происходило во все время ея засѣданій, и потому лучше всякаго другаго могъ исполнить сіе назначеніе. Окончивъ сію работу, онъ занялся по прежнему извлеченіями изъ архивскихъ бумагъ и приготовленіями матеріаловъ для русской исторіи. Необъятный трудъ сей занималъ послѣдніе годы его жизни. Иногда для поправленія своего здоровья отвлекалъ онъ себя поѣздками въ города, лежащіе по близости Москвы; но и тутъ, чтобъ употребить время съ пользою, составлялъ историческое и географическое описаніе оныхъ. Миллеръ скончался въ 1783 году, имѣя 79 лѣтъ отъ роду.

Заслуги Миллера по нашей исторіи болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному россіянину. Излишне было бы исчислять его сочиненія. Здѣсь прибавимъ только, что нравственныя его качества не уступали его познаніямъ. Миллеръ зналъ, что человѣкъ, готовящійся къ исправленію другихъ, долженъ самъ собою подавать примѣръ, что въ писателѣ добродѣтельная жизнь есть лучшее предисловіе къ его сочиненіямъ. Избравъ Россію своимъ отечествомъ, онъ любилъ ее какъ родной ея сынъ, всегда предпочиталъ ея пользу

частнымъ выгодамъ, никогда не жаловался на оказанныя ему несправедливости и вездѣ, гдѣ могъ, старался быть ей полезнымъ. Никогда не унижалъ онъ достоинства своего лестью, искательствомъ; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истиннаго таланта, и даже нѣкоторая застѣнчивость, составляли главныя черты его характера. Многія особы, занимавшія послѣ важнѣйшія мѣста при дворѣ Екатерины, обязаны ему своимъ воспитаніемъ. Онъ охотно помогалъ совѣтами молодымъ людямъ изъ россіянъ, или иностраннымъ писателямъ, желавшимъ имѣть свѣдѣнія по части россійской исторіи. Въ домашнемъ быту онъ служилъ образцомъ семейственнаго счастія, былъ лучшимъ супругомъ, лучшимъ отцомъ семейства. Онъ имѣлъ многихъ враговъ, которые, завидуя его славѣ, старались очернить его въ глазахъ современниковъ; но справедливость восторжествовала: обвиненія ихъ, внушенныя корыстолюбіемъ, были опровергнуты, и Миллеръ въ концѣ жизни своей имѣлъ утѣшеніе видѣть, что истинное достоинство найдетъ всегда защитниковъ и почитателей.

6. Даха—шуба вверхъ шерстью, изъ шкуры дикой козы.

7. Чебакъ—большая теплая шапка съ ушами.

8. Заимка—внѣ города мѣсто, занятое подъ частный домъ, или крестьянскій дворъ съ огородомъ и съ другими принадлежностями; словомъ, русская дача или малороссійскій хуторъ.

9. Пальма. Такъ называются въ Сибири длинные, широкіе и толстые ножи, укрѣпленные наиболѣе въ березовыхъ, для крѣпости прокопченныхъ, ратовищахъ, обшитыхъ снаружи кожею. Съ ними якуты, юкагиры и другіе сѣверные народы ходятъ на лосей, медвѣдей, волковъ и проч.

10. Жирникъ—ночникъ съ какимъ нибудь масломъ или жиромъ, засвѣчаемый на ночь.

11. Хвостовскій (Хвостовъ, мѣстечко въ Кіевской

губерніи, Васильковскаго уѣзда) полковникъ *Симеонъ Палѣй*, отважный предводитель заднѣпровскихъ наѣздниковъ, родился въ Борзнѣ и сталъ славенъ подвигами около 1690 года. Подъ рукою гетмана своего *Самуся*, онъ, какъ владѣтельный князь, бралъ дань съ земель по Днѣстръ и Случъ, запиралъ Россію и Польшу отъ татаръ, нерѣдко вторгался въ орды Буджацкую и Бѣлгородскую, и захватилъ однажды въ плѣнъ самого салтана. Получалъ отъ первыхъ награды, бралъ отъ другихъ добычи и выкупы. Очаковъ не разъ видалъ его истребительный пламень вокругъ стѣнъ своихъ. Возставъ на поляковъ за ихъ неправды, онъ попалъ въ плѣнъ, но вырвался изъ крѣпкой тюрьмы Магдебургской и сторицею заплатилъ имъ за свою неволю, разбивъ поляковъ подъ Хвостовымъ, подъ Бердичевымъ и покорившись Россіи. Въ 1694 году, съ Мокіевскимъ, набѣжавъ на турокъ подъ Очаковымъ, не вкладывая сабли въ ножны, съ черниговскимъ полковникомъ Лизогубомъ вторгся въ орду Буджацкую. Добыча и побѣда увѣнчали оба предпріятія. Удалые промыслы его надъ поляками перемежались только тогда, когда онъ громилъ татаръ. Онъ бралъ и палилъ польскіе города и, опустошивъ край Волыни, овладѣлъ Трояновкою. Между тѣмъ коварный Мазепа, завистливый къ славѣ, жадный къ богатству, недовѣрчивый къ силѣ Самуся и Палѣя, своихъ соперниковъ, старался очернить ихъ въ глазахъ Петра Великаго. Съ навѣтами представилъ и доказательства: жалобы Августа, письма Потоцкаго и Яблоновскаго, которые писали, что: «Палѣй вьетъ себѣ разбойничьи гнѣзды въ крѣпостяхъ Ржечи-Посполитой и кормится хлѣбомъ, котораго не сѣялъ». Мазепа тайно дѣйствовалъ противъ Самуся и Палѣя, а они явно воевали Польшу. Первый занялъ Богуславъ, Корсунь, Бердичевъ; второй взялъ Немировъ и Бѣлую-Церковь; перерѣзали тамъ шляхтичей и жидовъ, и всѣхъ окружныхъ крестьянъ подняли на поляковъ, обѣщая имъ права и вѣчную свободу. Мазепа жаловался на ослушаніе, Ав-

густъ просилъ удовлетворенія. Петръ повелѣвалъ оставить въ покоѣ своего союзника; но ожесточенные полководцы дѣлали свое, ни чему не внимая. Наконецъ рѣшился Мазепа известь Палѣя, какъ бы то ни было. Окруженный всѣмъ своимъ войскомъ, выступившимъ тогда на помощь Августу противъ шведовъ, сильный собственною властію и милостію царскою, онъ не смѣлъ однакожъ захватить Палѣя силою: позвалъ къ себѣ въ гости въ Бердичевъ и за дружескою чашею заковалъ довѣрчиваго героя въ цѣпи, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ одной пѣсни:

«Ой пье Палій, ой пье Семенъ да головоньку клонить,
«А Мазепинъ чура * Палію Семену кайданы готовитъ.»

Вслѣдъ за симъ онъ отослалъ его въ Батуринъ, извѣщая Головина, что Палѣй оказался явнымъ измѣнникомъ государю и передался Карлу XII, въ надеждѣ черезъ посредство Любомирскихъ получить гетманство въ Малороссіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру—и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратить ему здоровье! Однакожъ послѣдніе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ къ войску въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ—видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ казаковъ въ дѣло и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ. Весело было умирать послѣ полтавскаго сраже-

---

* Чура — слуга.

нія!—Недолго пережилъ его и Палѣй отъ язвъ, трудовъ, лѣтъ, несчастій и славы.

Въ характерѣ сего безстрашнаго вождя украинцевъ видны всѣ черты дикаго рыцарства. Открытъ въ дружбѣ и жестокъ въ мести, дѣятеленъ и сметливъ въ войнѣ, которая стала его стихіею—онъ не менѣе былъ искусенъ и въ распорядкѣ дѣлъ гетманскихъ, которыя велись его головою; ибо Самусь, лишась его, сложилъ булаву правленія. Когда имя Палѣево сторожило границу Заднѣпрія, татары не нарушали ея покоя и поляки не смѣли тамъ умничать. Попеременно вождь и подчиненный, онъ умѣлъ повиноваться своеизбранной власти и строго хранилъ ему врученную; былъ любимъ какъ братъ своими товарищами, и какъ отецъ своими казаками. Когда Мазепа захватилъ его, то на силу могъ взять Бѣлую-Церковь и то измѣною мѣщанъ. «Умремъ тутъ вси, говорили казаки Палѣевы, а не поддадимся, коли нѣтъ здѣсь нашего батьки.» Врагъ татаръ за ихъ грабежи, врагъ поляковъ за ихъ утѣсненія — онъ въ обоихъ случаяхъ былъ полезенъ Россіи, хотя не вполнѣ исполнялъ ея требованія, какъ воспитанникъ необузданной свободы. Сынъ сего неустрашимаго воина, по неотступной просьбѣ старшинъ Бѣлоцерковскаго полка, заступилъ его мѣсто.

12. Ватага—малороссійское слово, имѣетъ слѣдующія значенія: толпа, шайка, стадо, стая, ватага разбишакъ, шайка разбойниковъ. (Котляревскій).

13. Гайдамакъ — иногда удалецъ, иногда разбойникъ. Слово сіе, какъ видно изъ его корня, взято съ татарскаго языка, и въ собственномъ смыслѣ значитъ—*бродяга* или бѣглецъ; по сему гайдамаки въ Малороссіи значатъ тоже, что *ускоки* у славянъ иллирійскихъ.

14. Толокно — мука изъ пересушенаго овса. Извѣстно, что въ дальнихъ своихъ походахъ, какъ нынѣ въ *чумакованьи*, то есть поѣздкахъ за рыбою и солью, малороссіяне запасались всегда небольшимъ количествомъ толокна или гречневыхъ крупъ для кашицы,

которую называютъ они *кулишь*. Умѣренность есть одна изъ похвальныхъ добродѣтелей сихъ простодушныхъ сыновъ природы. Идучи обозомъ, они останавливаются въ полѣ, разводятъ огонь и всѣмъ *кошемъ* т. е. артелью, садятся за кашицу, которую варитъ для нихъ такъ называемый *кашеваръ*. Кто ѣдетъ въ осеннюю ночь по степнымъ полямъ Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній, тому часто случается видѣть нѣсколько такихъ огней, мелькающихъ какъ звѣздочки въ разныхъ разстояніяхъ на гладкой, необозримой равнинѣ.

15. Хуторъ — небольшая деревушка, часто одинъ домъ, стоящій среди поля или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Обыкновенно почти таковые хутора строются при яругахъ, лѣсистыхъ оврагахъ, или подъ прикрытіемъ *чапыжника* (дробнолѣска).

16. Курень—хижина или землянка, въ каковыхъ и понынѣ еще живутъ многіе черноморскіе казаки. Нѣсколько таковыхъ куреней состоятъ подъ вѣдѣніемъ *куреннаго*, или старшины, назначаемаго отъ начальства.

17. Курганы — высокія земляныя насыпи, видимыя и нынѣ во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Украины Курганы сіи служили иногда общими могилами на мѣстахъ столь частыхъ сшибокъ, бывавшихъ у малороссіянъ съ всегдашними ихъ врагами татарами, и во время отторженія ихъ отъ Польши—съ поляками. Въ таковыхъ курганахъ и понынѣ при разрытіи оныхъ находятъ кости и волосы человѣческіе, недотлѣвшіе лоскутки одеждъ, отломки оружій, старинныя монеты, стклянницы, и т. п. Иногда же цѣлый рядъ таковыхъ кургановъ, идущій на далекое пространство по одному направленію, подобно цѣпи горъ, служилъ какъ бы ведетами или подзорными возвышеніями, для наблюденія за непріятелемъ. Таковыхъ кургановъ много можно видѣть по древнимъ границамъ Малороссіи и Украины съ ордою Крымскою, особливо въ губерніяхъ: Слободско-Украинской и Полтавской.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ:

НАЛИВАЙКО.

I. КІЕВЪ.

Едва возникнувшій изъ праха,
Съ полуразвѣнчаннымъ челомъ,
Добычей дерзостнаго ляха
Дряхлѣетъ Кіевъ надъ Днѣпромъ.

Какъ все измѣнчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
Въ странѣ богатой онъ сіялъ;
Смотрѣлся въ Днѣпръ съ бреговъ высокихъ,
И красотой изъ странъ далекихъ
Пришельцевъ чуждыхъ привлекалъ.
На шумныхъ торжищахъ звенѣли
Царьградскимъ золотомъ купцы,
Въ садахъ по улицамъ блестѣли
Великолѣпные дворцы.
Среди хазаръ и печенѣговъ
Дружиной витязей хранимъ,
Онъ посмѣвался, невредимъ,
Грозѣ ихъ буйственныхъ набѣговъ.
Народамъ диво и краса,
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились въ небеса
Главы обители Печерской,
Какъ души иноковъ святыхъ
Въ своихъ молитвахъ неземныхъ.
Но ужъ давно, давно не видно
Богатствъ и славы прежнихъ дней —

Всё Русь утратила постыдно
Междоусобіемъ князей:
Дворцы, сребро, врата златыя,
Толпы гражданъ, толпы дѣтей —
Все стало жертвою Батыя;
Но Гедиминъ нанесъ ударъ:
Прошло владычество татаръ!
На мигъ раздался гласъ свободы,
На мигъ воскреснули народы...
Но Кіевъ на степи глухой,
Дивить ужъ болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой,
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный
Надъ угнетенною страной.

II. СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКАГО СТАРОСТЫ.

Съ пищалью мѣткой и копьемъ,
Съ булатомъ острымъ и съ нагайкой,
На аргамàкѣ ворономъ
По степи мчится Наливайко.
Какъ вихорь, бурный конь летитъ,
По вѣтру хвостъ и грива вьется,
Густая пыль изъ-подъ копытъ
Какъ облако во слѣдъ несется...
Летитъ... привсталъ на стременахъ,
Въ туманъ далекій взоры топитъ,
Узрѣлъ — и съ яростью въ очахъ
Коня и нудитъ и торопитъ...
Какъ точка передъ нимъ вдали
Чернѣетъ что-то въ дымномъ полѣ;
Вотъ отдѣлилась отъ земли,
Вотъ съ каждымъ мигомъ болѣ, болѣ,
И, наконецъ, на вышинѣ,
Средь мглы сѣдой, въ степи пустынной,
Вдругъ показался на конѣ

Красивый всадникъ съ пикой длинной...
Казакъ коня быстрѣй погналъ;
Въ его очахъ веселье злое...
И вотъ — почти ужъ доскакалъ...
Копье направилъ роковое,
Настигъ, ударилъ — всадникъ палъ,
За стремя зацѣпясь ногою,
И конь испуганный помчалъ
Младаго ляха подъ собою.

Летитъ, какъ ястребъ, витязь вслѣдъ;
Коня измученнаго колетъ
Или въ ребро, или въ хребетъ,
И въ дальный бѣгъ его неволитъ.
Напрасно ногу бѣдный ляхъ
Освободить изъ стремя рвется —
Летитъ, глотая черный прахъ,
И слѣдъ кровавый остается...

III. ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКИ. *

«Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...

«Чтобъ Малороссіи родной,

* Буйство и утѣсненія поляковъ на Украйнѣ переполнили мѣру терпѣнія казацкаго. Мститель ихъ Наливайко, убивъ чигиринскаго старосту, рѣшается освободить отечество отъ ляховъ, поправшихъ святость договоровъ презрѣніемъ къ правамъ казаковъ, и чистоту вѣры мучительнымъ введеніемъ уніи. Передъ исполненіемъ сего важнаго предпріятія, онъ, какъ благоговѣйный сынъ церкви, очищаетъ душу постомъ и отдаетъ исповѣдь печерскому схимнику. — К. Р.

Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.

«Итакъ ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть — рай!...

«Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ —
Какъ стан кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;

Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
«Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
«Пора губить враговъ Украйны!»

«Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!»

1825.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

I. ГАЙДАМАКЪ.

Осенней ночью близъ кургана,
Въ степи глухой у огонька,
Сидятъ одни во мглѣ тумана
Два запорожскихъ казака.
Напрасно зоркія ихъ очи
Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ;
Вотще они къ сырой землѣ
Свое прикладываютъ ухо;
Кругомъ все сумрачно и глухо;
Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ,

Ни звѣздочки среди небесъ.
Объята черной пеленою,
Какъ будто вся природа спитъ,
Лишь налетая вѣтръ порою
Сухой ковылью шевелитъ,
Да кони борзые, на волѣ
Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ...

«Гдѣ запоздалъ онъ?.. Ужъ пора
Ему примчаться. Отъ Днѣпра
Тутъ недалеко... Конь надежной;
Съ нимъ и въ такую ночь никакъ
Съ дороги сбиться невозможно;
Удалъ отважный гайдамакъ!
Пусть ночь, удвоя черный мракъ,
На степь унылую наляжетъ;
Казакъ всегда казакъ: ему
На Запорожіе сквозь тьму
Пустынный вѣтеръ путь укажетъ...

«Не подстерегъ ли удальца
Въ глуши татаринъ кровожадной?
Ну, чтожъ? Пусть такъ: у молодца
Булатъ съ пищалью семипядной.
И въ ясный день и въ часъ ночной
Онъ самъ нерѣдко съ самопаломъ
Стрежетъ враговъ въ травѣ густой,
Иль рыщетъ по степи шакаломъ...

«Я хорошо тотъ помню день,
Когда пришолъ онъ въ нашъ курень
И клятву далъ быть гайдамакомъ,
За Сѣчь свободную стоять
И вѣчно ненависть питать
И къ хищнымъ крымцамъ и къ полякамъ.
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,

Черты, жупанъ — все родъ высокой
Изображало въ пришлецѣ;
Прекрасенъ гость былъ черноокой,
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ...

«Всѣ, полюбя его, ласкали,
Шутили съ нимъ средь шумныхъ игръ;
Но разогнать его печали
Не могъ ни кто... Какъ юный тигръ,
На всѣхъ глядѣлъ, нахмуря брови,
Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ любови,
Леталъ въ пустыняхъ на конѣ,
И, увядая въ тишинѣ,
Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови...

«Сбылось желанье: саранчей
Мы понеслися подъ Очаковъ —
И удальствомъ пришлецъ младой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.

«Суровъ и дикъ и одинокъ.
Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмой,
И нынѣ бродитъ, какъ порокъ,
Въ мѣстахъ глухихъ онъ, съ тайной думой.
Печаль, какъ черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожитъ
Его повсюду и всегда;
Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
Ея разсѣять онъ не можетъ.

«Ему несносна тишина;
Безъ крови вражеской, безъ боя,
Онъ будто чахнетъ средь покоя;
Его душѣ нужна война:
Опасность, кровь и шумъ военный

Одни его животворятъ
И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
Душѣ встревоженной дарятъ.
Толпой и крымцы и поляки
Не разъ гонимы были имъ;
Какъ Божій гнѣвъ, ужасны съ нимъ
Въ набѣгахъ буйныхъ гайдамаки...

«Въ немъ не волнуютъ уже кровь—
Младыхъ украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтной;
Давно онъ ко всему примѣтно
Остылъ безчувственной душой;
Въ ней вѣетъ холодъ гробовой:
Она, какъ хладная могила,
Его всѣ блага поглотила...
Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи;
Темнѣетъ на его челѣ
Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы, хотя на мигъ единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ за̀мкѣ богача,
Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
Какъ гнѣвъ небесный — саранча;
Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ:
Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ...»

Такъ говорили межъ собою
Про гайдамака-молодца
Два запорожскихъ удальца...
Межъ тѣмъ ужъ началъ за рѣкою
Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ,
А запорожца нѣтъ какъ нѣтъ.
Несется ночь... и вотъ зарёю
Занялся сумрачный востокъ,
Сильнѣй зашевелилъ травою
Передразсвѣтный вѣтерокъ;
Ужъ погасаетъ огонёкъ,
И вьется тонкою струею
Во мглѣ рѣдѣющей дымокъ...

Вдругъ конскій топотъ раздается,
Какъ шумъ глухой, издалекà;
Вотъ громче, ближе... вотъ несется
Конь вороной безъ сѣдока.
Вотъ за могилою степною
Своихъ товарищей узналъ,
Помчался къ нимъ, летитъ стрѣлою,
И подбѣжавши, вдругъ заржалъ,
Запрялъ ушами — и упалъ
Почти недвижный, бездыханный...
По шеѣ кровь бѣжитъ изъ раны,
Расколотъ рыцарскій сайдакъ,
И безобразными клоками,
Обрызганъ кровью, межъ ногами
Виситъ разорванный чепракъ...

И гдѣ же грозный гайдамакъ,
Краса и слава вольной Сѣчи?
Погибъ... но гдѣ, когда и какъ,
И при какой враждебной встрѣчѣ?...
Быть можетъ, дерзкою толпой
Въ глуши захваченный въ неволю,
Въ темницѣ душной и сырой

Клянетъ въ цѣпяхъ свою онъ долю;
Иль крымскимъ хищникомъ убитъ,
Въ степи пустынной онъ лежитъ,
И волкъ уже во мракѣ ночи
Терзаетъ трупъ среди травы,
И изъ казацкой головы
Орелъ выклевываетъ очи...

II. ПАЛѢЙ.

Не тучи солнце обступали,
Не вѣтры въ полѣ бушевали:
Палѣя, съ горстью казаковъ,
Толпы несмѣтныя враговъ
Въ пустынномъ полѣ окружали...
Куда укрыться молодцу?
Какъ избѣжать неравной драки?
И тамъ и здѣсь — вездѣ поляки...
По смуглому его лицу
Давно ужъ градомъ потъ катится;
Отъ мѣткаго свинца валится
Съ коня казакъ за казакомъ...
Уже обхваченъ онъ кругомъ...
Ужъ плѣнъ ему грозитъ позорной...
Но вдругъ, одинъ, съ копьемъ въ рукѣ,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется онъ, какъ вѣтръ нагорной.
Вотъ вправо, влѣво — и къ рѣкѣ.
Коню проворною рукою
Набросилъ на глаза башлыкъ,
Самъ головой къ лукѣ приникъ,
Ударилъ плетью — и стрѣлою
Слетѣлъ съ бреговъ, отваги полнъ;
И вотъ — средь брызговъ и средь волнъ
Исчезъ въ клубящейся пучинѣ...
Бушуетъ вѣтръ, рѣка реветъ...

Ужъ онъ спокойно на срединѣ
Днѣпра шумящаго плыветъ.
Враги напрасно мечутъ стрѣлы,
Свинецъ напрасно тратятъ свой;
Разитъ лишь воздухъ онъ пустой —
И невредимо витязь смѣлый
Выходитъ на берегъ крутой.
Конь опѣненный встрепенулся,
Прочхнулся, радостио заржалъ...
Палѣй съ насмѣшкой оглянулся,
Врагамъ проклятіе послалъ
И въ степь глухую ускакалъ...

1825.

ОДЫ И ПОСЛАНІЯ.

I. ВИДѢНІЕ.

ОДА

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя

Александра Николаевича,

30 августа 1823 года.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
По сводамъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ
Екатерины тѣнь паритъ!
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горитъ...

Но вотъ отъ устъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То трепеща въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа,
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестнымъ правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный ликъ пріявъ она,
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

«Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

«Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;

Смотри — въ волненіи народы,
Смотри — въ движеньи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

«Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ
Науками очисти нравы,
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородной —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надёжный другъ властей.

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражда̀нъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

II. ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

ОДА.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ,
О доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ.

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

Ты, ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Которой славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукой:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ,
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ —
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;

Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Увы! Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много-ль было Цицероновъ?...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,

И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

1823.

III. КЪ ВРЕМЕНЩИКУ.

(Подражаніе Персіевой сатирѣ: «къ Рубеллію»).

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула — достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу.

Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ! лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,

Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согражданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Что пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ—одни достоинства почтенны;
Сеянъ! и самые цари безъ нихъ — презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О мужъ, достойный мужъ! почто не можешь снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злова?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, или врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи:
Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь;
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты....
Тогда вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

1820.

IV. ПОСЛАНІЕ КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

(Подражаніе VII-му посланію Депрео).

Питомецъ важныхъ музъ, служитель Аполлона,
Пѣвецъ, который намъ паденье Иліона
И битвы грозныя ахеянъ и троянъ,
Съ Пелидомъ бѣдственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора въ враждебный грековъ станъ,
И бой и смерть сего пергамскаго героя
Воспѣлъ плѣнительно на лирѣ золотой,
На древній ладъ ее съ отважностью настроя,
И путь открылъ себѣ безсмертья въ храмъ святой!
Не думай, чтобъ и ты, плѣняя всѣхъ лирой звучной,
Отъ всѣхъ хвалу обрѣлъ во мзду своихъ трудовъ;
Бореніе съ толпой совмѣстниковъ, враговъ,
И съ предразсудками и съ завистью докучной—
Всегдашній былъ удѣлъ отличнѣйшихъ пѣвцовъ.
Ахъ! иногда они въ друзьяхъ враговъ встрѣчали,
И имъ съ безпечностью ввѣряяся душой,
У сердца нѣжнаго змѣю отогрѣвали,
И цѣлый вѣкъ кляли несчастный жребій свой....
Судьи-завистники, убійцы дарованій,
Вездѣ преслѣдуютъ несчастнаго пѣвца;
И похвалы друзей и шумъ рукоплесканій,
И лавры свѣжіе прекраснаго вѣнца —
Все души низкія завистниковъ тревожитъ,
Все дикую вражду къ ихъ бѣдной жертвѣ множитъ!
Одна, одна лишь смерть гоненья прекратитъ —
И, успокоясь въ мирной сѣни,
Дань должной похвалы возьметъ съ потомства геній
И, торжествующій, зоиловъ постыдитъ.
Таланта каждаго сопутникъ неизмѣнной —
Негодованіе толпы непросвѣщенной
И зависть злобная его всегдашній врагъ—
Оспаривали здѣсь ко славѣ каждый шагъ
Творца Димитрія, Фингала, Поликсены.

Любимца перваго россійской Мельпомены
Ядъ низкой зависти спокойствія лишилъ
И, сердце отравивъ, дни жизни сократилъ.
Но вѣсть печальная лишь всюду пролетѣла,
Почувствовали всѣ, что безъ него у насъ
Трагедія осиротѣла....
Тогда судей-невѣждъ умолкъ презрѣнный гласъ,
Вѣнки посыпались и зависть онѣмѣла...
Судьбу подобную жъ Фонъ-Визинъ претерпѣлъ,
И Змѣйкина, себя узнавши въ Простаковой,
Сулила автору жизнь скучную въ удѣлъ
Въ странѣ далекой и суровой.

На трудномъ поприщѣ ты только могъ одинъ,
Въ пріятной звучности прелестнаго размѣра
Намъ вѣрно передать всю красоту картинъ
И всю гармонію Гомера.
Не удивляйся же, что зависть вкругъ тебя,
Шипитъ, какъ черная змѣя!
И здѣсь, какъ и вездѣ, насъ небо наставляетъ;
Мудрецъ во всемъ, во всемъ читаетъ
Уроки для себя:.
На лонѣ праздности дремавшій долго геній,
Стрѣлами зависти бывъ пробужденъ отъ лѣни,
Ширяясь, какъ орелъ, на небеса паритъ
И съ высоты на низъ съ презрѣніемъ глядитъ,
Гдѣ клеветой его порочитъ пустомеля...
Такъ деспотъ-кардиналъ съ ученою толпой
Уничижить хотѣлъ безсмертнаго Корнеля —
На Сида воружилъ зоиловъ дерзкій рой....
Сидъ бранью угнетенъ, но трагикъ оскорбленный
Явился съ Цинною во храмѣ Мельпомены —
И посрамленный кардиналъ
Смотрѣлъ съ ничтожными льстецами,
Какъ геніемъ своимъ Корнель торжествовалъ
Надъ академіей и жалкими судьями.
Такъ и Жуковскій нашъ, любимый Феба сынъ,

Сокровищъ языка счастливый властелинъ,
Возвышеннаго полнъ, эдема пышны двери,
Въ отвѣтъ ругателямъ, открылъ для юной Пери.
И ты примѣру слѣдуй ихъ,
И на сужденія завистниковъ твоихъ,
На площадную брань и приговоръ суровой
Съ Гомеромъ отвѣчай всегда бесѣдой новой.
Орла ль парящаго среди эѳирныхъ странъ
Въ полетѣ карканьемъ удержитъ наглый вранъ?
Иди безтрепетно проложенной стезею
И лавры свѣжіе рви смѣлою рукою.
Пускай завистники вокругъ тебя шипятъ!
О Гнѣдичъ! вопли ихъ — и дикіе и громки —
Тобой заслуженной хвалы не заглушатъ:
Защитникъ твой — Гомеръ, твои судьи — потомки!
Зачѣмъ тревожиться, когда твоихъ трудовъ
Не вздумаетъ читать какой-нибудь Вралёвъ,
Иль жалкій Азбукинъ, иль Клитъ стихокропатель,
Иль въ колпакѣ магистръ, или Дамонъ ругатель?
Нѣтъ, нѣтъ! читателей достоинъ ты другихъ!
Желаю, Гнѣдичъ, я, чтобы въ стихахъ твоихъ
Восторги сладкіе поэты почерпали,
Чтобы царица-мать красѣ дивилась ихъ,
Чтобъ переводъ прекрасный твой читали
Съ воспламененною душой
Изящнаго цѣнители прямые,
Хранящіе любовь къ странѣ своей родной
И посвященные музъ въ таинства святыя.
Немного ихъ! за то вниманіе пѣвцамъ
Средь вопля дикаго должно быть драгоцѣнно,
Какъ въ Ливіи, отъ солнца раскаленной,
Для странника ручей журчащій по пескамъ...

1821.

V. КЪ КАХОВСКОМУ. *

(отрывокъ)

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ! нѣтъ! тому во вѣкъ
Со мною не случиться....
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится!
Кумиръ младой души —
Она меня, трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы.

Итакъ простите вы,
Краса благой природы —
Цвѣтущіе сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И миръ души моей,
И кровъ уединенный,
И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ горя и суетъ
И обольщеній чуждый,
Прожить бы могъ поэтъ
Безъ прихотливой нужды;
Гдѣ бъ дни его текли
Подъ сѣнью безмятежной,
Въ объятьяхъ дружбы нѣжной
И родственной любви....
....
1821.

* Въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ онъ совѣтовалъ мнѣ навсегда остаться въ Украйнѣ. — К. Р.

VI. КЪ Ѳ. Н. ГЛИНКѢ.

Ты, Глинка, правъ — и твой совѣтъ
На мудромъ опытѣ основанъ;
Но пусть чернитъ поэта свѣтъ:
Ужъ я давно разочарованъ,
И заблужденій прошлыхъ лѣтъ
Въ душѣ увялъ минутный цвѣтъ...
Я славою не избалованъ;
Но къ благу общему дыша,
Къ нему отъ дѣтства я прикованъ;
Къ нему летитъ моя душа,
Его пою на звучной лирѣ....
....

VII. КЪ А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ;
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Такъ и ко мнѣ, храня со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

VIII. КЪ НЕМУ ЖЕ.

Ты разлѣнился ужъ не кстати,
Бѣглецъ Парнасса молодой!
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Въ своемъ болотистомъ Кронштадтѣ —
Ты позабылъ совсѣмъ о братѣ
И о поэтѣ — что порой,
Сидя какъ труженикъ въ Палатѣ,
Чтобъ свой исполнить долгъ святой,
Забылъ и нѣгу и покой....
Но тщетны всѣ его порывы:
Укоренившееся зло,
Свое презрѣнное чело,
Какъ кедръ ливана горделивый,
Превыше правды вознесло.
Такъ.... сдѣлавшись жрецомъ Ѳемиды
Я о Парнассѣ позабылъ....
Къ тому-жъ боюсь, чтобъ Аониды
За то, что я имъ измѣнилъ,
Пѣвцу не сдѣлали обиды.
Хоть я и некрасивъ собой,
Но музы изстари ревнивы.
А я — любовникъ боязливый....
И вотъ что, другъ мой молодой,
Въ столицѣ вкуса прихотливой
Молчанью моему виной.
Твое-жъ молчанье непонятно!....
Драгунъ ты хоть куда лихой,
Острищься ловко и пріятно,
И приголубивъ нѣжныхъ музъ,
Ихъ такъ плѣнить умѣлъ собою —
Что въ дѣтствѣ соверша союзъ,
Онѣ вертлявою толпою,
Вездѣ порхаютъ за тобою
И не измѣнятъ никогда,
Пока ты всѣмъ имъ не измѣнишь;

Но кажется, что иногда
Ты ласковость ихъ худо цѣнишь.
Такъ напримѣръ: прошелъ здѣсь слухъ,
Не знаю я, по чьей огласкѣ,
Что будто Мейеровой глазки
Твой возмутили твердый духъ,
И вѣрность къ дѣвамъ пѣснопѣній
Поработилъ свободный геній,
Поколебалъ любви недугъ....
А между тѣмъ, какъ очарованъ,
Ты юной прелестію глазъ,
Паѳосскихъ шалостью проказъ
Къ Кронштадту скучному прикованъ,
Забвенью предаешь Парнассъ,
Одинъ пигмей литературный,
Изъ грязи выникнувъ главой,
Дерзнулъ взглянуть на сводъ лазурный
И вызывать тебя на бой.

26 апрѣля, 1822.

IX. СТАНСЫ.

(ЕМУ ЖЕ).

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;

Но ужаснѣй — истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей....
1825.

X. ВѢРѢ НИКОЛАЕВНѢ СТОЛЫПИНОЙ.

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долгъ передъ тобою —
Прекрасныхъ чадъ образовать.
Пусть ихъ сограждане увидятъ
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой;
Пусть въ сонмѣ гордыхъ исполиновъ
На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ,
И смѣло скажемъ: «знайте—имъ
Отецъ — Столыпинъ, дѣдъ — Мордвиновъ!»
1825.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

и

ОТРЫВКИ.

I. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ПУТЕШЕСТВІЯ НА ПАРНАССЪ».

. . . .
Тамъ многихъ авторовъ творенья,
Въ пыли валяяся, гніютъ.
Тамъ Лета есть, рѣка забвенья:
Въ ней также многіе живутъ.
Я видѣлъ, какъ въ ней Львовъ купался
И обмывалъ своихъ дѣтей;
Я зрѣлъ — Шихматовъ въ ней остался,
А съ нимъ и тысяча статей.
Я самъ свидѣтель былъ въ то время,
Какъ нѣсколько прочтя листовъ,
За нанесенное тѣмъ бремя,
Былъ столкнутъ съ берега Хвостовъ.
Я былъ при томъ, когда Гераковъ,
Пузатый, лысый, небольшой,
Потомокъ вздорливый Иракловъ,
Былъ Леты поглощенъ волной.
Я зрѣлъ, какъ нашъ піитъ слезливый *

---

* Князь Шаликовъ.

«Красу лужковъ, лазурь небесъ,
«И сельску жизнь, и злачны нивы»
Пѣлъ, пѣлъ — и, наконецъ, исчезъ.
Такая жъ участь, можетъ статься,
И намъ, о други, суждена!
Такъ лучше въ даль намъ не пускаться,
Чтобъ не измѣрить Леты дна....
....

Дрезденъ.
15 октября, 1814.

II. ЗАБЛУЖДЕНІЕ.

Завѣса наконецъ съ очей моихъ упала,
И я коварную Дориду разгадалъ!
Ахъ, еслибъ прежде я измѣнницу узналъ,
Тогда бы менѣе душа моя страдала,
Тогда бъ я слезъ не проливалъ!
Но могъ ли я имѣть сомнѣнье?...
Ея плѣнительный и непорочный видъ,
Стыдливости съ любовію боренье,
И взгляды нѣжные, и жаръ ея ланитъ,
И страстный поцалуй, и персей трепетанье,
И пламень молодой крови,
И робкое въ часы отрадъ признанье —
Все, все казалось въ ней свидѣтельствомъ любви
И нѣжной страсти пылкимъ чувствомъ!
Но было все коварствъ плодомъ
И записныхъ гетеръ искусствомъ,
Корысти низкія трудомъ!...
А я, безумецъ, въ ослѣпленьи,
Дориду хитрую въ душѣ боготворилъ,
И страсти пламенной въ отрадномъ упоеньи,
Боговъ лишь равными себѣ въ блаженствѣ мнилъ!...

1820.

III. НЕЧАЯННОЕ СЧАСТІЕ.

(Подражаніе древнимъ).

О радость, о восторгъ! Я Лилу молодую
Вчера нечаянно узрѣлъ полунагую!
Какое зрѣлище отрадное очамъ!
Власы волнистые небрежно распущённы
По алебастровымъ плечамъ,
И перси дѣвственны, и ноги обнаженны,
И стройный, тонкій станъ подъ дымкою одной,
И полныя огня плѣнительныя очи,
И все, и все—въ часы глубокой ночи,
При ясномъ свѣтѣ лампъ, въ обители нѣмой!...
Дыханья перевесть не смѣя въ изумленьи,
На прелести ея въ безмолвьи я взиралъ —
И сердце юное пылало въ восхищеньи;
Въ восторгахъ таялъ я, и млѣлъ, и трепеталъ,
И взоры жадные сквозь дымку устремлялъ!...
Но что я чувствовалъ, когда младая Лила,
Увидѣвъ въ храминѣ меня между столповъ,
Вдругъ въ страхѣ вскрикнула и руки опустила —
И съ тайныхъ прелестей послѣдній спалъ покровъ.
1821.

IV.

Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты!
Твой тусклый взоръ и томность вида
Отцвѣтшей рано красоты
Мнѣ слишкомъ много объяснили:
Тебя, прелестная, плѣнили
Любви неясныя мечты...
Онѣ, вездѣ тебя тревожа,
Въ уединеніе манятъ,
И среди дѣвственнаго ложа,

Лишь жажду наслажденій множа,
Отраду слабую дарятъ...
При свѣтѣ дня, иль въ मракѣ ночи,
Въ тотъ мигъ, какъ жертвуешь мечтамъ,
Почти закрывшіяся очи
Склоняешь съ робостью къ дверямъ,
И если юная подруга
Иль кто другой къ тебѣ войдетъ,
Въ одно мгновенье отъ испуга
Румянецъ нѣжный пропадетъ...
Потупишь взоръ... несвязность рѣчи,
И твой смущенный, робкій видъ,
И неожиданность сей встрѣчи
Тебя кой-въ-чёмъ изобличитъ...
Но ты краснѣешь, другъ безцѣнный!
Меня давно ты поняла...
Оставь же сей порокъ презрѣнный,
Доколь совсѣмъ не отцвѣла...
Бѣги, бѣги сего порока;
Въ мечтахъ себя не погуби,
Не будь сама къ себѣ жестока
И хоть меня ты полюби.
1821.

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ПУСТЫНЯ.

(КЪ М. Г. БЕДРАГѢ).

Бѣжавшій отъ суетъ
И отъ слѣпой богини
Твой другъ—младой поэтъ—
Вдругъ сталъ анахоретъ
И жизнь ведетъ въ пустынѣ.
Въ душѣ моей младой
Нѣтъ болѣ жажды славы,

И шумныя забавы
Смѣнилъ я на покой...
....

Но ты, мой другъ безцѣнной,
Быть можетъ, хочешь знать,
Какъ дни мои летятъ
Въ Украйнѣ отдаленной?
Изволь: твой другъ младой,
Простясь съ коварнымъ міромъ,
Съ свободою златой,
Душъ пламенныхъ кумиромъ,
Живетъ въ степи глухой,
Судьбу благословляя;
Онъ съ ложа здѣсь встаетъ,
Зарю предупреждая,
И въ садикъ свой идетъ
Немного потрудиться,
Взявъ заступъ, на грядахъ.
Когда жъ устанетъ рыться,
Онъ съ книгою въ рукахъ
Подъ тѣнь деревъ садится —
И въ пламенныхъ стихахъ,
Иль въ прозѣ чистой, плавной,
Чуждъ горя и заботъ,
Восторги сладки пьётъ.
То Пушкинъ своенравной,
Парнасскій нашъ шалунъ,
Съ Русланомъ и Людмилой;
То Батюшковъ-рѣзвунъ,
Мечтатель легкокрылой;
То Баратынскій милой,
Иль съ громомъ звучныхъ струнъ,
И честь и слава россовъ,
Какъ диво-исполинъ,
Парящій Ломоносовъ;
Иль Озеровъ, Княжнинъ,
Иль Тацитъ-Карамзинъ

Съ своимъ «девятымъ томомъ»;
Иль баловень-Крыловъ
Съ гремушкою и Момомъ;
Иль Гнѣдичъ и Костровъ
Со старикомъ-Гомеромъ;
Или Жанъ-Жакъ-Руссо
Съ проказникомъ-Вольтеромъ;
Воейковъ-Буало,
Жуковскій несравненный;
Иль Дмитріевъ почтенный;
Иль фаворитъ его
Милоновъ — бичъ пороковъ;
Иль ветхій Сумароковъ,
Иль Душеньки творецъ,
Любимецъ музъ и грацій;
Иль важный нашъ Горацій,
Поэтовъ образецъ;
Иль сладостный пѣвецъ —
Нелединскій унылый;
Или Панаевъ милый
Съ идилліей своей —
Въ тиши уединенной
Дарятъ попремѣнно
Мечты душѣ моей...
....

Вдругъ входитъ невзначай
Ко мнѣ герой Кавказа,
Котораго въ горахъ
Ни страшная зараза,
Ни абадзехъ, ни бахъ,
Ни грозный кабардинецъ,
Ни яростный лезгинъ,
Ни хищный абазинецъ
Среди своихъ долинъ
Въ шесть лѣтъ не въ силахъ были
Духъ твердый сокрушить.

Непобѣдимымъ быть,
Казалося, сулили
Герою небеса —
Но вдругъ его плѣнили
Прелестные глаза...
....

Сей отставной майоръ,
Гроза кавказскихъ горъ,
Привезъ съ собой газеты.
Принявши грозный видъ,
«Почто, входя, кричитъ,
Мои младыя лѣты
Съ такою быстротой,
О, труженикъ младой,
Сокрылись въ безднахъ Леты?
Война, война кипитъ!
Въ Мореѣ пышетъ пламя!
Поднявъ свободы знамя,
Грекъ оттоману мститъ!
А я, а я не въ силахъ
Летѣть туда стрѣлой,
Куда стремлюсь душой!...
....

Со вздохомъ кончивъ рѣчь,
Майоръ съ себя снимаетъ
Полузаржавый мечъ,
И слезы отираетъ
О прошлой старинѣ,
О сѣчи своевольной;
О мирѣ, о войнѣ...
....

Но здѣсь мнѣ жить не вѣчно —
И часъ разлуки злой
Съ пустынею нѣмой

Мчитъ время быстротечно.
Покину скоро я
Украинскія степи —
И снова на себя
Столичной жизни цѣпи,
Суровый рокъ кляня,
Увы, надѣну я!
Опять подъ часъ въ прихожей
Надутаго вельможи
(Тогда, какъ онъ покой
На пурпуровомъ ложѣ
Съ прелестницей младой
Вкушаетъ безмятежно,
Ее лобзая нѣжно),
Съ растерзанной душой,
Съ главою преклоненной,
Межъ челядью златой,
И чинно и смиренно
Я долженъ буду ждать
Судьбы своей рѣшенья
Отъ глупаго сужденья,
Которое мнѣ дать
Изъ милости разсудитъ
Лѣнивый полу-царь,
Когда его разбудитъ
Въ полудни секретарь...
....

Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ тріумфѣ видѣть зло,
И въ шумномъ вихрѣ свѣта
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ-дуэлистовъ,
Поэтовъ-эгоистовъ,
Или убійцъ-судей,
Досужихъ журналистовъ,

Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу,
О срамъ! о времена!
Поссорились за оду.
1821.

VI. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.

(Пр. Тих. Чир—ной).

Подъ тѣнью миртовъ и акацій
Въ могилѣ скромной сей
Лежитъ прелестная подруга юныхъ грацій:
Ни плачущій Эротъ, ни скорбный Гименей,
Ни прелесть майской розы,
Ни друга юнаго, ни двухъ младенцевъ слёзы
Спасти Полину не могли!
Судьбы во цвѣтѣ лѣтъ навѣки обрекли
Ее изъ пламенныхъ объятій
Супруга нѣжнаго, дѣтей, сестеръ и братій
Въ объятья хладныя земли...
1821.

VII. М. Г. БЕДРАГѢ.

На смерть Полины молодой,
Твое желанье исполняя,
Въ смущеньи, трепетной рукой,
Я написалъ стихи, вздыхая.
Коль не понравятся они —
Чего и ожидать не трудно —
Тогда не лѣность ты вини,
А даръ отъ Аполлона скудный,
Который данъ мнѣ съ юныхъ лѣтъ;

Желалъ бы я, пачкунъ бумаги,
Писать какъ истинный поэтъ,
А особливо для Бедраги;
Но что же дѣлать... силы нѣтъ!

VIII. НА РОЖДЕНЬЕ
Я. Н. БЕДРАГИ.

Да будешь, малютка, какъ папа безстрашенъ,
Пусть пламень гусара пылаетъ въ крови;
Какъ маменька — доброй душею украшенъ
И общей достоинъ любви.
Но что я желаю — любезность, отвага
И пылкость души молодой
Уже въ колыбели, малютка, съ тобой,
Безъ нихъ — не родится Бедрага.
13 іюля 1821.

IX. НА СМЕРТЬ СЫНА.

Земли минутный поселенецъ,
Земли минутная краса,
Зачѣмъ такъ рано, мой младенецъ,
Ты улетѣлъ на небеса?
Зачѣмъ въ юдоли сей мятежной,
О ангелъ чистой красоты,
Среди печали безнадежной
Отца и мать покинулъ ты?
1824.

X. ЭЛЕГІИ.

1.

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокія страданья,
Мою любовь узнала ты!

Себя напрасно я тревожилъ,
За страсть вполнѣ я награжденъ:
Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ,
Исчезла грусть, какъ смутный сонъ.

Такъ, окропленъ росой отрадной,
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ,
Вновь воскресаетъ—ночью хладной
Полузавялый василекъ.

2.

Покинь меня, мой юный другъ!
Твой взоръ, твой голосъ мнѣ опасенъ:
Я испыталъ любви недугъ,
И знаю я, какъ онъ ужасенъ...
Но что, безумный, я сказалъ?
Къ-чему укоры и упреки?
Ужъ я твой узникъ, другъ жестокій,
Твой взоръ меня очаровалъ!
Я увлеченъ своей судьбою,
Я самъ къ погибели бѣгу:
Боюся встрѣтиться съ тобою,
А не встрѣчаться не могу.
(1823—1824).

XI. КЪ N. N.

Когда душа изнемогала
Въ борьбѣ съ болѣзнью роковой,
Ты посѣтить, мой другъ, желала
Уединенный уголъ мой.

Твой голосъ нѣжный, взоръ волшебный
Хотѣлъ страдальца оживить,
Хотѣла ты покой цѣлебный
Въ взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый другъ,
Мнѣ снова возвратили счастье
И исцѣлили мой недугъ.

Съ одра болѣзни роковова
Я всталъ и бодръ, и веселъ вновь —
И въ сердцѣ запылала снова
Къ тебѣ давнишняя любовь.

Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ,
И крылья опаливъ огнемъ,
Опять стремится по-неволѣ
Къ костру, въ безуміи слѣпомъ.
(1823—1824).

XII.

Оставь меня! Я здѣсь молю,
Да всеблагое провидѣнье
Отпустить дѣвѣ преступленье,
Что я тебя еще люблю.

Молю, да ненависть заступитъ
Преступной страсти пламень злой —
И честь, и стыдъ, и мой покой
Цѣной достойною искупитъ!

XIII. ЭПИГРАММЫ.

1.

НА ФРАНЦА, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО. *

Весь міръ великостію духа
        Сей императоръ удивилъ:
Онъ непріятель мухамъ былъ,
        А непріятелямъ былъ муха.

2.

На болѣзнь Крылова.

Нѣтъ одобренія талантамъ никакого:
        Въ Россіи глушь и дичь.
О дарованіи Крылова
        Едва напомнилъ параличъ.

XIV. ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ.

1.

Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ:
Скажи, надъ чьей простой могилой
Стоитъ подъ елью, въ-сторонѣ,
Къ землѣ склонившись, крестъ унылой?

---

* Въ старости онъ сдѣлался кретиномъ и занимался битьемъ мухъ особо-изобрѣтенными хлопушками. — П. Е.

Сугробы снѣга занесли
Пустынный холмъ и все кладбище;
Часовня древняя вдали
И обвѣтшалое жилище...
Съ могилы двѣ стези ведутъ:
Одна бѣжитъ по косогору
Подъ тотъ бревенчатый пріютъ,
Другая змѣйкой вьется къ бору...
Березовъ мнѣ не край родной:
Сюда я брошена судьбою...
Скажи-жъ страдалицѣ младой
Надъ чьей могилою простою
Стоитъ подъ елью крестъ простой?...
(1824).

2.

Повсюду вопли, стоны, крики
Надъ бѣлокаменной Москвой;
Лишь временемъ Иванъ Великій
Сквозь огнь, сквозь дымъ и міракъ ночной
Столпомъ огромнымъ прорѣзался,
И въ небесахъ блестя челомъ,
Во всемъ величіи своемъ,
Великой жертвой любовался.

3.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ,
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ
Какъ снѣгъ внезапный налетаемъ.

Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Въ-расплохъ застигнутъ удальцами,

И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми Донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ,
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.

Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча....

4.

ИЗЪ ДУМЫ: «МИНИХЪ».

Сидѣлъ лишь Минихъ одинокъ
И, тайною тревожимъ думой,
Съ презрѣніемъ, какъ на порокъ,
Глядѣлъ на деспота угрюмо.
1822.

5.

ИЗЪ «НАЛИВАЙКО».

(ВАРІАНТЪ).

Ахъ, еслибъ возвратить я могъ
Порабощенному народу
Блаженства общаго залогъ —
Былую праотцевъ свободу!

6.

ИЗЪ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ».

Они подъ звукомъ трубъ повиты
Концемъ копья воскормлены;
Луки натянуты, колчаны ихъ открыты,
Путь свѣдомъ ко врагамъ, мечи наточены.
Какъ волки сѣрые они по пòлю рыщутъ
И — чести для себя, для князя славы — ищутъ;
Ничто имъ ужасы войны!

Въ душѣ пылая жаждой славы,
Князь Игорь изъ далекихъ странъ
Къ коварнымъ половцамъ спѣшитъ на пиръ кровавый
Съ дружиной малою отважныхъ сѣверянъ.
Но презирая смерть и пламенѣя боемъ,
Послѣдній ратникъ въ ней является героемъ....
....

7.

Въ краю, гдѣ солнце рѣдко блещетъ
На мрачныхъ небесахъ;
Гдѣ Сосва * съ ревомъ въ берегъ плещетъ,
Гдѣ воетъ вѣтръ въ лѣсахъ;
Гдѣ снѣгъ лежитъ двѣ трети года,
Какъ саванъ гробовой,
И полумертвая природа
Чуть оживляется весной;
Гдѣ царство вьюги и мороза,
Гдѣ жизни нѣтъ ни въ чемъ,

---

* Сосва рѣка въ Тобольской губерніи.

Чернѣетъ сумрачно береза
    На берегу крутомъ.
Подъ кровомъ хижины убогой....
....

8.

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынь-трава,
        Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle *
И кладутъ подъ постель
        Святцы....
Гдѣ Булгаринъ Ѳадей
Не боится когтей
        Танты....
Гдѣ Магницкій молчитъ,
А Мордвиновъ кричитъ
        Вольно.
Гдѣ не думаетъ Гречь,
Что его будутъ....
        Больно...
Гдѣ Измайловъ-чудакъ
Ходитъ въ каждый кабакъ
        Даромъ....
Тамъ въ ненастные дни
Собирались они
        Часто;
Гнули, Богъ ихъ прости!
Отъ пятидесяти
        На сто;
И выигрывали
И отписывали
        Мѣломъ.

---

* Поэма Вольтера.

Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ!

9.

Н. М. Т.

Вы снисходительны, я знаю,
Порука мнѣ вашъ милый взоръ;
Я съ вами отъ души болтаю,
Простите вы сердечный вздоръ....

10.

Но черный призракъ мнимой чести,
Борьба души, волненье думъ
И жажда кровожадной мести
Затмили юношескій умъ.

11.

Я помню васъ, мои друзья,
Я помню васъ, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды.

12.

Свободой, правдой вдохновенный,
Отъ знатныхъ сохранилъ я честь,
И не вымѣнивалъ на лесть
Ихъ благосклонности надменной.

13.

(Черновой набросокъ).

Жена грѣхъ тяжкій сотворила:
Молодка мужа умертвила
И погребла его въ лѣску,
При ручеёчкѣ, на лужку.
Курганъ цвѣтами засѣвала
И, засѣвая, припѣвала:
«Растите такъ вы высоко,
Какъ мужъ зарытъ мой глубоко;
Цвѣтите розы и растите,
Растите долго и цвѣтите...»

Окровавленная потомъ
Преступница—бѣгòмъ, бѣгòмъ—
Чрезъ пни, суки и черезъ кочки,
Чрезъ горы, долы, ручеёчки!...
Порывный въ полѣ вѣтръ свиститъ,
Темно и хладно средь долины
Кой-гдѣ ворòна прокричитъ
Или раздастся крикъ совиный.
Окровавленная бѣжитъ
Со страхомъ вдоль лѣсной опушки;
Спустилась въ долъ, гдѣ старый букъ;
Вотъ въ лѣсъ, къ пустынника избушкѣ —
И въ двери ветхія стукъ-стукъ!

«Скажи святыми мнѣ устами,
Что дѣлать бѣдная должна,
И чѣмъ спасусь предъ небесами?
На муки всѣ готова я,
На тяжкій постъ, на бичеванья,
Лишь только-бъ тайна злодѣянья
Упала навсегда съ меня!...»
— «Жена! ей отвѣчаетъ старый:

Тебя убійство не страшитъ,
Но мучитъ страхъ достойной кары
И сердце ужасъ бременитъ.
Иди-жъ себѣ, и будь въ покоѣ;
Откинь напрасную боязнь;
Пребудетъ тайной дѣло злое
И не близка преступной казнь.
Такъ суждено Творцомъ издавна:
Чтò жены дѣлаютъ не явно —
Однимъ мужьямъ то знать дано,
А мужъ твой спитъ въ землѣ давно.»

Такимъ довольная отвѣтомъ,
Бѣжитъ преступница домой;
Бѣжитъ чрезъ лѣсъ — и предъ разсвѣтомъ
Узрѣла пышный теремъ свой.
Ея дѣтей кружокъ унылый
Передъ воротами стоитъ:
«А гдѣ нашъ тятя, тятя милый?»
На-встрѣчу матери кричитъ.
«Кто? Тятя вашъ?...» Но замеръ голосъ,
На головѣ сталъ дыбомъ волосъ,
Не знаетъ, что сказать дѣтямъ....
«Онъ ѣдетъ, дѣти! ѣдетъ къ намъ....»

«Бѣги скорѣе, я въ тревогѣ,
Бѣги, Демидъ, я слышу стукъ....
Тамъ конскій топотъ, крикъ и гукъ,
Тамъ пыль клубится по дорогѣ...
Бѣги за рощу въ лѣсъ густой:
Не гости-ль ѣдутъ въ теремъ мой?»

Вотъ пыли облакà густыя;
Все ближе, ближе... Чрезъ лѣсокъ
Вотъ ѣдутъ, скачутъ вороные,
Вотъ вправо, влѣво — на мостокъ....
Збромъ и златомъ блещутъ платья,

Мечи булатные блестятъ
И въ золотыхъ ножнахъ гремятъ —
То въ гости къ брату скачутъ братья....
«Невѣстка, здравствуй!... Гдѣ-же братъ?»
—«Гдѣ братъ? гдѣ братъ? Гдѣ мужъ мой милой?...
Давно уже (онъ) взятъ могилой....»
«Когда и гдѣ?»—«Въ чужой странѣ
Погибъ несчастный на войнѣ....»

Жена отъ страха поблѣднѣла,
Затрепетала и замлѣла —
И вотъ безъ чувствъ упала вдругъ.
Тревожно, робко взоры водитъ:
«Гдѣ онъ? гдѣ трупъ? гдѣ мой супругъ?...»
Но вотъ опять въ себя приходитъ
Въ восторгѣ, будто внѣ себя:
«Скажите мнѣ, скажите, братья!
Когда дождуся мужа я?
Когда, когда въ свои объятья
Я заключу, мой другъ, тебя?...»
....

***

Затрясся въ основаньи храмъ,
Ужасно стѣны затрещали,
И своды, рухнувъ пополамъ,
Загрохотавши, въ прахъ упали...
На той землѣ цвѣсть розы стали,
И цвѣсть такъ стали высоко̀,
Какъ мужъ зарытъ былъ глубоко...
1822.

XV. ГРАЖДАНИНЪ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гра̀жданина самъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?

Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
. . . .

Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка;
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія. . . . .
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются. . . .

Просимъ исправить опечатку на предыдущей страницѣ, 188-й; третій стихъ снизу должно читать:
Позорить гражданина санъ.

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

и

ПИСЬМА.

I. НѢЧТО О СРЕДНИХЪ ВРЕМЕНАХЪ.

По дорогѣ отъ Бреславля, 15 мая 1815.

Влѣво за обширными равнинами синѣются горы Силезскія. Гигантскія вершины оныхъ, однѣ предъ другими возвышаясь, скрываются наконецъ въ туманныхъ облакахъ. Нѣкоторыя — покрытыя снѣгомъ, другія — лѣсомъ, представляютъ зрѣлище величественное, благоговѣйное. Это Ризенгебирге. Мракъ необразованности среднихъ временъ вѣрилъ, что тамъ обитаютъ чародѣи. Народныя сказки ближнихъ мѣстъ подтверждаютъ то. Умъ не могъ тогда развиться: духъ необычайнаго суевѣрія и странныхъ предразсудковъ сковалъ его. Все просвѣщеніе таилось во мракѣ стѣнъ монастырскихъ безъ всякой пользы. Монашество, изъ собственныхъ выгодъ, старалось не токмо не выводить народъ изъ того невѣжества, которое въ тогдашнія времена между онымъ царствовало, но погружало оный еще въ глубочайшее. Тогда ужасныя, теперь смѣшныя сказки о духахъ были главнѣйшимъ содержаніемъ ихъ проповѣдей. Народъ толпами стекался слушать оныя и, пересказывая дѣтямъ своимъ, поселялъ въ нихъ суевѣріе и невѣжество, которое съ возрастомъ болѣе

и болѣе въ нихъ укоренялось; и когда являлся одинъ умъ — умъ, который могъ быть страшенъ монахамъ, то гроза проклятій отъ сихъ послѣднихъ дотолѣ съ каѳедръ не переставала поражать ихъ, доколѣ оный не умолкалъ или не удалялся. Нерѣдко случалось, что таковые несчастные погибали ужасно.... Но явился Лютеръ — предпріимчивый, благоразумный Лютеръ — и гдѣ ярмо несчастныхъ?... Великій, чудесный духъ! удивляюсь тебѣ и благоговѣю!...

II. ИЗЪ ПИСЕМЪ ИЗЪ ПАРИЖА.

1.

Изъ 3-го письма, отъ 18 сентября 1815.

Сегодня день моего рожденья. Прошлаго года провелъ я оный въ Дрезденѣ — и могъ ли воображать тогда черезъ годъ праздновать его въ Парижѣ? Вотъ, другъ мой, каковы нынѣшнія обстоятельства: сегодня здѣсь, а завтра—Богъ вѣсть! Помнишь ли, какъ мы читали историческія описанія славныхъ вѣковъ Рима и древней Греціи? Это басни! восклицалъ ты часто. Сообрази же теперешніе случаи съ тогдашними — и ты увидишь, что происшествія нашихъ временъ болѣе достойны удивленія, болѣе невѣроятны, нежели всѣ, дотолѣ въ мірѣ случившіяся, и ежели мы не вѣримъ чрезвычайнымъ событіямъ лѣтъ прошедшихъ, то, не знаю, какъ повѣрятъ потомки наши происшествіямъ, которыя происходили при глазахъ нашихъ. И какъ повѣрить, что одинъ ничтожный смертный былъ причиною столь ужаснѣйшихъ политическихъ переворотовъ! Какъ повѣрить, что въ продолженіе не болѣе какъ десяти лѣтъ возраждалось и упало до десяти государствъ, возстановлялось и низвергалось нѣсколько монарховъ, и все по прихотямъ одного человѣка. Какъ, наконецъ,

повѣрить, что сей самый человѣкъ, неоднократно повелѣвавшій судьбою, самъ подпалъ подъ остріе косы сей владычицы міра!...

2.

Изъ 4-го письма, отъ 19 сентября 1815.

.... Наши союзники надменностію и жестокостію своею скоро выведутъ изъ терпѣнія народъ, въ сердцахъ котораго еще съ прежнею горячностью кипитъ любовь къ независимости и къ славѣ. Я самъ былъ свидѣтелемъ одному происшествію.

Прусаки поставили въ саду Пале-Рояль караулъ. Солдаты стали обижать проходящихъ. Обиженный закричалъ и въ минуту сбѣжалось до 200 французовъ. Прусскій офицеръ велѣлъ примкнуть штыки и пошелъ разгонять народъ. Безоружная толпа сія разбѣжалась, но черезъ минуту собралась еще въ бо̀льшемъ количествѣ. Офицеръ не переставалъ храбриться, но надъ нимъ смѣялись; народъ скоплялся; лавки запирали. Пришелъ патруль парижской національной гвардіи и немного спустя отрядъ англичанъ. Тогда уже ихъ выгнали изъ сада.

Въ это время произошелъ у меня съ французскимъ офицеромъ слѣдующій разговоръ. «Мы покойны, сколько можемъ, сказалъ онъ, но союзники ваши скоро насъ выведутъ изъ терпѣнія. Мы французы, мы съ чувствами!» — Я русскій, и вы напрасно говорите мнѣ. — «За тѣмъ-то я и говорю, что вы русскій. Я говорю другу, ибо ваши офицеры, ваши солдаты такъ обходятся съ нами. Вашъ Александръ покровитель намъ; онъ нашъ благодѣтель, но союзники его—кровопійцы! Чего они хотятъ отъ насъ? Развѣ они еще недовольны бѣдствіями Франціи, что ругаются надъ священнѣйшимъ сокровищемъ нашимъ — честью! Кто мы? Рабы

что-ли ваши?... По жребію оружія мы побѣждены, но были нѣкогда и мы побѣдителями, а раздражали-ли народъ подобными обидами?...»—Полно, полно, прошу васъ! мы не виноваты; мы русскіе — друзья ваши!... Я поцаловался съ нимъ. Сей сценѣ были свидѣтелями многіе французы. Чувства ихъ были одинаковы. Они громко проклинали прусаковъ. Я спѣшилъ удалиться.

III. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСКИ:

«ОБЪ ОСТРОГОЖСКѢ».

Острогожскъ, нынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи, нѣкогда былъ главнымъ городомъ Острогожскаго слободскаго полка. Онъ построенъ въ 1652 году и первоначально населенъ по указу царя Алексѣя Михайловича заднѣпровскими казаками, въ числѣ 1000 человѣкъ пришедшими съ полковникомъ своимъ Дзеньковскимъ. За вѣрныя службы свои противу ногайцевъ и крымцевъ (отъ коихъ впослѣдствіи почти цѣлый вѣкъ оберегали они границы Россіи), а болѣе еще за оказанныя услуги противъ Виговскаго и Брюховецкаго, получили они отъ царя похвальныя грамматы, право свободнаго винокуренія и нѣкоторыя другія привилегіи. Сіи выгоды и благословенный климатъ привлекли на обширныя земли ихъ множество выходцевъ. Упомянутыя грамматы и правà впослѣдствіи были подтверждены почти всѣми монархами Россіи, въ томъ числѣ Петромъ, Екатериною и благословеннымъ внукомъ ея. Обитатели края благоденствовали. Года за три предъ симъ благосостояніе страны сей стало приходить въ упадокъ. Неурожай и невозможность съ прежнею дешевизною содержать рогатый скотъ нанесли первый ударъ цвѣтущему состоянію тамошнихъ жителей. Торговля годъ отъ году становится маловажнѣе. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло

и въ другія причины теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствъ края. Я съ своей стороны, смѣю сказать, что свобода винокуренія, которою прежде равно пользовались и богатые и бѣдные всѣхъ сословій, хотя существуетъ и нынѣ для всѣхъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ перешла въ руки однихъ капиталистовъ, отчего для многочисленнѣйшей части дворянства и войсковыхъ жителей, или такъ называемыхъ черкесовъ, почти единственный источникъ ихъ благосостоянія изсякнулъ совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества.

Не за излишнее считаю сказать, что на земляхъ острогожскихъ не видали крѣпостныхъ крестьянъ до конца прошедшаго столѣтія. Полковыя земли, доставшіяся впослѣдствіи разнымъ чиновникамъ Острогожскаго полка, были обрабатываемы вольными людьми или казаками. Нѣкоторые частные безпорядки отъ свободнаго перехода сихъ людей, побѣги на Донъ и нѣкоторыя другія причины были поводомъ къ разнымъ прошеніямъ Екатеринѣ Великой и императору Павлу, вслѣдствіе которыхъ и состоялся указъ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрѣпленные къ землѣ малороссіяне по сіе время называютъ себя только подданными, какъ бы въ отличіе отъ крѣпостныхъ, коихъ они зовутъ и дразнятъ крѣпаками.

IV. ЕЩЕ О ХРАБРОМЪ М. Г. БЕДРАГѢ. *

Послѣ десяти-мѣсячнаго отсутствія возвратившись въ здѣшнюю столицу и прочитывая періодическія изданія, въ продолженіе того времени вышедшія, съ великимъ удовольствіемъ нашелъ я во второй книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» слѣдующую статью:

---

* Письмо къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», П. П. Свиньину.

«Поправка сочинителемъ «Партизанскаго Дневника» ошибки, найденной имъ въ выпискѣ, помѣщенной въ 1-й книжкѣ Отечественныхъ Записокъ».

«... Я никогда не командовалъ 1-мъ эскадрономъ, а командовалъ 1-мъ батальономъ Ахтырскаго гусарскаго полка: тогда гусарскіе полки состояли въ 10 эскадронахъ и раздѣлялись на два батальона; 1-мъ же эскадрономъ командовалъ ротмистръ (что нынѣ л. г. конно-егерскаго полка полковникъ) Михаилъ Григорьевичъ Бедрага, высокой храбрости и дарованій офицеръ, изувѣченный на священной бородинской битвѣ. Пользуясь вкравшейся опечаткой, я радъ, что имѣю случай изъявить чувства мои товарищу, столько же достойному уваженія на полѣ брани, какъ и въ мирномъ уединеніи, и проч. Денисъ Давыдовъ.»

Такимъ образомъ славный партизанъ нашъ, смѣю сказать, равно оригинальный и на войнѣ и въ стихотвореніяхъ своихъ, отдалъ предъ публикою должную справедливость храброму и отличному товарищу, подававшему о себѣ великую надежду всѣмъ тѣмъ, которые знали его... Да позволено будетъ и мнѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ, и тѣмъ принести ему должную благодарность отъ лица прежняго моего начальника, извѣстнаго въ артиллеріи своею ревностію и усердіемъ къ службѣ, полковника П. А. Сухозанета, а равно и отъ любезныхъ моихъ товарищей: капитана Н. А. Костомарова, командовавшаго въ корпусѣ гр. Витгенштейна, въ концѣ 1812 года, особеннымъ летучимъ отрядомъ, поручика барона Унгернъ-Штернберга, столь славно отличившагося при Гальберштатѣ въ отрядѣ храбраго Чернышева, и отъ прочихъ — за тѣ ласки и пріятныя бесѣды, коими пользовались мы въ домѣ гг. Бедрагъ въ продолженіе двухъ-лѣтняго пребыванія нашего съ конно-артиллерійскою ротою № 12 въ селѣ Бѣлогорьѣ, что въ Воронежской губерніи.

М. Г. Бедрага служилъ въ ахтырскомъ гусарскомъ полку почти съ самаго малолѣтства, вмѣстѣ съ млад-

шими братьями своими Николаемъ и Сергѣемъ Григорьевичами. И во время мира и во время войны всѣ они почитались за отличнѣйшихъ офицеровъ, что можетъ засвидѣтельствовать ахтырскій полкъ и прежній начальникъ онаго, командующій нынѣ гвардейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ Л. В. Васильчиковъ. М. Г. Бедрага въ чинѣ поручика до роковой раны своей командовалъ лейбъ-эскадрономъ и довелъ его до такой степени совершенства, что многіе гг. генералы и штабъ-офицеры, привлекаемые молвою, изъ за нѣсколько сотъ верстъ пріѣзжали смотрѣть оный. Будучи самыхъ высокихъ понятій о чести, и благороденъ чувствами и поступками, онъ умѣлъ вдохнуть и въ нижнихъ чиновъ духъ свой и любовь къ чести. Если кто нибудь изъ нихъ изобличенъ бывалъ въ какомъ либо постыдномъ дѣлѣ, то весь эскадронъ, какъ бы стыдясь имѣть такого товарища, чуждался его. Всегда постоянно строгій къ себѣ, онъ строгъ былъ и къ подчиненнымъ но какъ строгость его никогда не выходила за предѣлы благоразумія и не обращалась въ жестокость, то онъ не только не заставлялъ роптать ихъ, но напротивъ вселялъ къ себѣ глубочайшее почтеніе и почти дѣтскую привязанность; такъ что когда онъ былъ раненъ, эскадронъ, какъ бы приведенный въ ужасъ, замѣшался, и въ продолженіе нѣскольких дней, по увѣренію нѣкоторыхъ офицеровъ ахтырскаго полка, находился въ примѣтномъ уныніи.

Эскадронъ его, не только на кантониръ квартирахъ, но даже и въ быстрыхъ переходахъ во время отечественной войны, щеголялъ чистотою и исправностью. Во время ужасовъ сраженія гусары его, какъ будто на ученьи, хранили глубокое молчаніе, строились въ примѣрномъ порядкѣ, подъ картечами стояли неподвижно и какъ бы прикованные, взоры свои не сводили съ начальника, на лицѣ коего блистало хладнокровіе и грозная храбрость. Въ бородинской битвѣ,

сраженный пулею близъ самаго виска, онъ упалъ... нѣсколько гусаровъ подскочили къ нему, дабы подать помощь. Отъ чрезмѣрной боли бывъ не въ состояніи ни слова сказать, но и въ сіе роковое мгновеніе думая единственно о пользѣ любезнаго отечества, онъ отвергъ услуги ихъ, указывая на непріятеля.

Сія то жестокая язва, лишивъ его возможности продолжать службу, для коей онъ, можно сказать, родился—лишила отечество одного изъ отличнѣйшихъ сыновъ его, армію—храбраго и искуснаго воина, офицеровъ — рѣдкаго умомъ и способностями товарища, подчиненныхъ—примѣрнаго начальника.

Теперь живетъ онъ, Воронежской губерніи въ селѣ Бѣлогорьѣ, въ совершенномъ уединеніи. Тамъ-то имѣлъ я счастливый случай познакомиться съ нимъ и пріобрѣсть лестное для меня дружество.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ, нѣкоторыя черты храбраго воина. Если письма подобнаго содержанія имѣютъ мѣсто въ «Отечественныхъ Запискахъ», то вы одолжите помѣщеніемъ въ нихъ сего.

Кондратій Рылѣевъ.

С.-Петербургъ.
Ноября 20 дня 1820.

V. НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ПОЭЗІИ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЪ N. N.)

Споръ о романтической и классической поэзіяхъ давно уже занимаетъ всю просвѣщенную Европу, а недавно начался и у насъ. Жаръ, съ которымъ споръ сей продолжается, не только отъ времени не простываетъ, но еще болѣе и болѣе увеличивается. Не смотря однакожъ на это, ни романтики, ни классики не могутъ похвалиться побѣдою. Причины сему, мнѣ кажет-

ся, тѣ, что обѣ стороны спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ, и что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная, самобытная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣ же.

Приступимъ къ дѣлу.

Въ средніе вѣка, когда заря просвѣщенія уже начала заниматься въ Европѣ, нѣкоторые ученые люди избранныхъ ими авторовъ для чтенія въ классахъ и образца ученикамъ назвали классическими, т. е. образцовыми. Такимъ образомъ—Гомеръ, Софоклъ, Виргилій, Горацій и другіе древніе поэты наименованы поэтами классическими. Учители и ученики отъ души вѣрили, что только слѣпо подражая древнимъ и въ формахъ и въ духѣ поэзіи ихъ, можно достигнуть до той высоты, до которой они достигли, и сіе-то несчастное предубѣжденіе, сдѣлавшееся общимъ, было причиною ничтожности произведеній бо́льшей части новѣйшихъ поэтовъ. Образцовыя творенія древнихъ, долженствовавшія служить только поощреніемъ для поэтовъ нашего времени, замѣняли у нихъ самые идеалы поэзіи. Подражатели никогда не могли сравниться съ образцами, и кромѣ того они сами лишали себя силъ своихъ и оригинальности, а если и производили что либо превосходное, то, такъ сказать, случайно и всегда почти только тогда, когда предметы твореній ихъ взяты были изъ древней исторіи и преимущественно изъ греческой, ибо тутъ подражаніе древнему замѣняло изученіе духа времени, просвѣщенія вѣка, гражданственности и мѣстностей страны того событія, которое поэтъ желалъ представить въ своемъ сочиненіи. Вотъ почему «Меропа», «Эсѳирь», «Митридатъ» и нѣкоторыя другія творенія Расина, Корнеля и Вольтера превосходны. Вотъ почему всѣ творенія сихъ же или другихъ писателей, предметы твореній которыхъ почерпнуты

изъ новѣйшей исторіи, а вылиты въ формы древней драмы, почти всегда далеки совершенства.

Наименованіе классиками безъ различія многихъ древнихъ поэтовъ не одинаковаго достоинства принесло ощутительный вредъ новѣйшей поэзіи, и по нынѣ служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ сбивчивости понятій нашихъ о поэзіи вообще, о поэтахъ въ особенности. Мы часто ставимъ на одну доску поэта оригинальнаго съ подражателемъ: Гомера съ Виргиліемъ, Эсхила съ Вольтеромъ. Опутавъ себя веригами чужихъ мнѣній, и обезкрыливъ подражаніемъ генія поэзіи, мы влеклись къ той цѣли, которую указывала намъ формула Аристотеля и бездарныхъ его послѣдователей. Одна только необычайная сила генія изрѣдка прокладывала себѣ новый путь, и облетая цѣль, указанную педантами, рвалась къ собственному идеалу. Когда же явилось нѣсколько такихъ поэтовъ, которые, слѣдуя внушенію своего генія, не подражая ни духу, ни формамъ древней поэзіи, подарили Европу своими оригинальными произведеніями, тогда потребовалось классическую поэзію отличить отъ новѣйшей, и нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзіею романтическою, вмѣсто того, чтобы назвать просто новою поэзіею. Дантъ, Тассъ, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ, Гёте—наименованы романтиками. Къ сему прибавить должно, что самое названіе романтической взято изъ того нарѣчія, на которомъ явились первыя оригинальныя произведенія трубадуровъ. Сіи пѣвцы не подражали и не могли подражать древнимъ, ибо тогда уже отъ смѣшенія съ разными варварскими языками языкъ греческій былъ искаженъ, латинскій развѣтвился, и литература обоихъ сдѣлалась мертвою для народовъ Европы. Такимъ образомъ поэзіею романтическою назвали поэзію оригинальную, самобытную, а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, словомъ всѣ лучшіе греческіе поэты—романтики, равно какъ и превосходнѣйшія произведенія новѣйшихъ поэтовъ, написанныя по

правиламъ древнихъ, но предметы коихъ взяты не изъ древней исторіи, суть произведенія романтическія, хотя ни тѣхъ, ни другихъ и не признаютъ таковыми. Изъ всего вышесказаннаго не выходитъ ли, что ни романтической, ни классической поэзіи не существуетъ? Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она различается только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появлялась. Вообще можно раздѣлить поэзію на древнюю и новую. Это будетъ основательнѣе. Наша поэзія болѣе содержательная, нежели вещественная: вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ; у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей. Новая поэзія имѣетъ еще свои подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу вѣковъ, въ коихъ появлялись ея геніи. Таковы «Divina Comedia» Данта, чародѣйство въ поэмѣ Тасса, Мильтонъ, Клопштокъ съ своими высокими религіозными понятіями, и наконецъ въ наше время поэмы и трагедіи Шиллера, Гёте и особенно Байрона, въ коихъ живописуются страсти людей, ихъ сокровенныя побужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему-то высокому, къ чему-то безконечному.

Я сказалъ выше, что формамъ поэзіи вообще придаютъ слишкомъ много важности. Это также важная причина сбивчивости понятій нашего времени о поэзіи вообще. Тѣ, которые почитаютъ себя классиками, требуютъ слѣпаго подражанія древнимъ, и утверждаютъ, что всякое отступленіе отъ формъ ихъ есть непростительная ошибка. Напримѣръ, три единства въ сочиненіи драматическомъ — у нихъ есть непремѣнный законъ, нарушеніе коего ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Романтики, напротивъ, отвергая сіе условіе, какъ стѣсняющее свободу генія, полагаютъ достаточнымъ для драмы единство цѣли. Романтики въ этомъ случаѣ

имѣютъ нѣкоторое основаніе. Формы древней драмы, точно какъ формы древнихъ республикъ, намъ не въ пору. Для Аѳинъ, для Спарты и другихъ республикъ древняго міра чистое народоправленіе было удобно, ибо въономъ всѣ граждане безъ изъятія могли участвовать. И сія форма правленія ихъ не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекала изъ природы вещей, была необходимостью того положенія, въ какомъ находились тогда гражданскія общества. Точно такимъ же образомъ три единства греческой драмы въ тѣхъ твореніяхъ, гдѣ оныя встрѣчаются, не изобрѣтены нарочно древними поэтами, а были естественнымъ послѣдствіемъ существа предметовъ ихъ твореній. Всѣ почти дѣянія происходили тогда въ одномъ городѣ, или въ одномъ мѣстѣ; это самое опредѣляло и быстроту и единство дѣйствія. Многолюдность и неизмѣримость государствъ новыхъ, степень просвѣщенія народовъ, духъ времени, словомъ, всѣ физическія и нравственныя обстоятельства новаго міра опредѣляютъ и въ политикѣ и въ поэзіи поприще, болѣе обширное. Въ драмѣ три единства уже не должны и не могутъ быть для насъ непремѣннымъ закономъ, ибо театромъ дѣяній нашихъ служитъ не одинъ городъ, а все государство, и по бо́льшей части такъ, что въ одномъ мѣстѣ бываетъ начало дѣянія, въ другомъ продолженіе, а въ третьемъ видятъ конецъ его. Я не хочу этимъ сказать, что мы вовсе должны изгнать т р и е д и н с т в а изъ драмъ своихъ. Когда событіе, которое поэтъ хочетъ представить въ своемъ твореніи, безъ всякихъ усилій вливается въ формы древней драмы, то разумѣется, что и три единства не только тогда не лишнее, но иногда даже необходимое условіе. Нарочно только не надобно искажать историческаго событія для соблюденія трехъ единствъ, ибо въ семъ случаѣ всякая вѣроятность нарушается. Въ такомъ быту нашихъ гражданскихъ обществъ намъ остается полная свобода, смотря по свойству предмета, соблю-

дать три единства, или довольствоваться однимъ, т. е. единствомъ происшествія или цѣли. Это освобождаетъ насъ отъ веригъ, наложенныхъ на поэзію Аристотелемъ. Замѣтимъ однакожъ, что свобода сія, точно какъ наша гражданская свобода, налагаетъ на насъ обязанности труднѣйшія тѣхъ, которыхъ требовали отъ древнихъ три единства. Труднѣе соединить въ одно цѣлое разныя происшествія такъ, чтобы они гармонировали въ стремленіи къ цѣли и составляли совершенную драму, нежели написать драму съ соблюденіемъ трехъ единствъ, разумѣется, съ предметами, равномѣрно благодарными. Много также вредитъ поэзіи суетное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и мнѣ кажется, что тѣ справедливы, которые утверждаютъ, что поэзіи вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по сю пору никто еще не опредѣлилъ ея удовлетворительнымъ образомъ: всѣ опредѣленія были или частныя, относящіяся до поэзіи какого нибудь вѣка, какого нибудь народа, или поэта, или общія со всѣми словесными науками, какъ Ансильоново. * Идеалъ поэзіи, какъ идеалъ всѣхъ другихъ предметовъ, кото-

* По мнѣнію Ансильона: «поэзія есть сила выражать идеи посредствомъ слова, или свободная сила представлять, помощью языка, безконечное подъ формами конечными и опредѣленными, которыя бы въ гармонической дѣятельности говорили чувствомъ сообщенію и сужденію».—Но сіе опредѣленіе идетъ и къ философіи, идетъ и ко всѣмъ человѣческимъ знаніямъ, которыя выражаются словомъ. Многіе также (см. «Вѣстн. Евр.» 1825, № 17, стр. 26), соображаясь съ ученіемъ новой философіи нѣмецкой, говорятъ, что сущность романтической (по нашему истинной) поэзіи состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нея необходимому стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ поэтовъ сего рода. Но не въ этомъ ли состоитъ сущность и философія всѣхъ изящныхъ наукъ?

рые духъ человѣческій стремится обнять, безконеченъ и недостижимъ, а потому и опредѣленіе поэзіи невозможно, да мнѣ кажется, и безполезно. Еслибъ было можно опредѣлить, что такое поэзія, то можно-бъ было достигнуть и до высочайшаго идеала оной, а когда бы въ какомъ нибудь вѣкѣ достигли до него, то что̀ бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось perpetuum mobile?

Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе къ нимъ, но отнюдь не благоговѣніе, ибо это противно законамъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинства человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, препятствующій приблизиться къ превозносимому поэту, и даже видѣть въ немъ недостатки. Итакъ будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея, и оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ старатъся уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія, и обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда недовольно ему извѣстныхъ.

1825.

VI. ПИСЬМА К. РЫЛѢЕВА КЪ А. ПУШКИНУ.

1.

Рылѣевъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ съ Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоемъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русскія сердца. Я пишу къ тебѣ ты, потому что холодное вы не ложится подъ перо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ и по мыслямъ. Пущинъ познакомитъ насъ короче. Прощай,

будь здоровъ и не лѣнись. Ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы; настоящій край вдохновенія—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы.

(Январь, 1825).

Отвѣтъ Пушкина. —Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобъ они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ нетерпѣніемъ, знаешь для чего? Для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке-фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи; но довольно объ Онѣгинѣ. — Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности: къ тому же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ.... Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастія и несозрѣвшія надежды. Прощай поэтъ. — 25 января. *

---

* Только одно это письмо Пушкина къ Рылѣеву напечатано В. П. Гаевскимъ въ «Отеч. Запискахъ» 1855 г. (№ 6, стр. 65, критика). Сохранились ли прочія, намъ неизвѣстно.

2.

Благодарю тебя, милый поэтъ, за отрывокъ изъ Цыганъ и за письмо: первый прелестенъ, второе мило. Раздѣляю твое мнѣніе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. Да еслибъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втолкнулъ бы ихъ насильно туда. Когда Бестужевъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо, я еще не читалъ вполнѣ первой пѣсни Онѣгина. Теперь я слышалъ всю: она прекрасна; ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ. Но Онѣгинъ, сужу по первой пѣсни, ниже и Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Не совсѣмъ правъ ты и во мнѣніи о Жуковскомъ. Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ

О Рылѣевѣ Пушкинъ упоминаетъ въ письмахъ къ А. А. Бестужеву (тамъ же, стр. 63, 64 и «Русское Слово» 1861 г., № 2, стр. 29, смѣсь); къ брату Льву Сергѣевичу («Библіогр. Записки» 1858 г., №№ 1 и 4, ст. 13, 14, 16, 98, 101 и 105) и къ Жуковскому («Рус. Арх.» 1870, № 6, стр. 1171). Срав. еще: соч. Пушкина, изд. 1855 г., I, 90 и изд. 1859, IV, 531. Вотъ для образчика два отзыва Пушкина о Рылѣевѣ: 1) Стихотворенія его «вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ; всѣ на одинъ покрой (loci topici).... Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ именъ». 2) «Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку. Жду съ нетерпѣніемъ его Войнаровскаго.... Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!...»

проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ. Это болѣе можетъ упрочить славу его. Съ твоими мыслями о Батюшковѣ я совершенно согласенъ: онъ точно заслуживаетъ уваженія и по таланту и по несчастію. Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмѣльницкаго.* Послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе не все выскажешь. Сей часъ получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь поспѣшить изданіемъ Цыганъ: всѣ шумятъ объ ней и всѣ ее ждутъ съ нетерпѣніемъ. Прощай чародѣй. — Рылѣевъ.

12 февраля.

Приписка Бестужева: Письмо твое сердечное получилъ, но отвѣчать теперь нѣтъ время. Буду писать съ требуемымъ нумеромъ журнала, и тогда потолкуемъ о комедіи. Замѣчанія твои во многомъ правы. До свиданія на письмѣ. Прощай, мой поэтъ, будь самимъ собою и помни друзей, которые желаютъ тебѣ счастія и славы. Твой Александръ.

---

* Поэтому-то Пушкинъ, между прочимъ, писалъ потомъ Бестужеву: «кланяюсь планщику Рылѣеву, какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.»

3.

Не знаю, что будетъ Онѣгинъ далѣе; быть можетъ въ слѣдующихъ пѣсяхъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Я готовъ спорить объ этомъ до втораго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза. Майкова Елисей прекрасенъ; но былъ ли бы онъ такимъ у Державина — не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна никуда не годится. Слѣдуетъ ли изъ того, что онъ ниже Озерова?

Несогласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость, не оправдывай софизмовъ Воейковыхъ: имъ только дозволительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и взводишь Богъ знаешь что̀.

Думаю, что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько ощипанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы; не смотря на то, я просилъ Пущина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. Но за то убѣжденъ душевно, что Ермакъ, Матвѣевъ, Волынской, Годуновъ и имъ подобное — хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. Полярная Звѣзда выйдетъ на будущей недѣлѣ. *

* Цензурное разрѣшеніе на ней подписано 20 марта 1825 г.

Кажется она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Онъ въ первый разъ судитъ такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скоро-ли ты начнешь печатать Цыганъ?—Рылѣевъ.

Марта 20 дня (1825).

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ—вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

4.

Спѣшимъ доставить тебѣ Звѣзду. Увѣрены, что она понравится Пушкину, и заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всѣмъ пришлась по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ; но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьесъ, которыхъ похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего Парнасса. Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленныя пьесы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей Звѣздѣ? Отъ Цыганъ всѣ безъ ума, Разбойникамъ, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались. * Теперь для Звѣздочки ** стыдимся и просить у

---

* Изъ обѣихъ этихъ поэмъ напечатаны тамъ отрывки и еще стих. Пушкина «Посланіе къ Алексѣеву».

** Это альманахъ предполагавшійся на 1826 г. взамѣнъ «Пол. Звѣзды». Объявленіе о немъ было напечатано въ «Библіогр. Листахъ» Кеппена (1825 г. № 13, стр. 183) и самаго

тебя что нибудь; такъ ты надѣлилъ насъ. На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердишься ли за откровенность мою? Это кажется тебѣ не въ пору; ты выше этого. Что Дельвигъ? По слухамъ онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего Онѣгина. Не пишешь ли ты еще чего? что твои записки? чѣмъ ты занимаешься въ праздное время? Мы съ Бестужевымъ намѣреваемся лѣтомъ провѣдать тебя: будетъ ли это кстати? Вотъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, на которые буду ожидать отвѣта.

Твой Рылѣевъ.

Марта 25 дня 1825.

5.

Письмо твое Бестужевъ получилъ, но не успѣлъ отвѣчать: его услали въ Москву провожать принца Оранскаго. Можетъ быть онъ напишетъ тебѣ оттуда. Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя: правда ли? Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній. Они прелестны; особенно отрывки изъ Алкорана. Страшный судъ ужасенъ! Стихи —

И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ —

превосходны. Послѣ прочитаны были твои Цыгане. Можешь себѣ представить, что сдѣлалось съ Кюхель-

---

альманаха отпечатано 80 стр. Единственный экземпляръ всѣхъ сохранившихся листовъ «Звѣздочки» подаренъ мною въ Имп. Публичную Библіотеку (см. отчетъ ея за 1866 г., стр. 14—15 и «Русскій Архивъ» 1869 г., № 4, стр. 057).

бекеромъ. Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! Какъ онъ молодъ и свѣжъ! — Цыганъ слышалъ я четвертый разъ, и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подъискивался, чтобъ привязаться къ чему нибудь и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. Зачѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань. Не лучше ли было сдѣлать его кузнецомъ? * Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; затѣмъ что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога, кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово: рекъ. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я придумалъ. Ахъ, еслибы ты ко мнѣ былъ также строгъ! какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ.

Прощай обни.... **
а ты обними Дельвига....
не пишешь ни слова о Полярной Звѣздѣ...
ни Наливайко? Прощай — милая сирена....

Твой Рылѣевъ.

(Апрѣль 1825).

6.

Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣніемъ. Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайки, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго Старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди — мысли, чувства, истина;

* Ср. соч. Пушкина, изд. 1855, т. V, стр. 30.
** Въ оригиналѣ оторванъ край письма.

словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайки, хотя на оборотъ въ удальствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что Звѣздочка отниметъ у меня много времени. Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что либо, достойное вѣка нашего; но, какъ бы на зло, желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обозрѣніе, обѣщалъ прислать свое опровержевіе на Байрона и Вовля — и вѣрно все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ Онѣгина, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкинъ! ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бъ ты зналъ какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе!

Прощай чудотворецъ. — Рылѣевъ.

Мая 12 дня 1825.

Бестужевъ еще въ Москвѣ.

7.

Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филиппики за нашего Великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова.* Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лѣнтяя, какъ я; лучше написать что нибудь новое. О Думахъ я уже сказалъ тебѣ свое мнѣніе. Бестужевъ собирается отвѣчать тебѣ—и, правда, ему есть о чемъ поспорить съ тобой касательно мнѣній твоихъ объ его обозрѣніи. ** Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе и покровительство принимаешь за одно и тоже. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; но какое ободреніе? Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляютъ его. Можетъ быть Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса—любовь, Петрарка также; иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперить, но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія. Пусть онъ производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей

---

* Цензоръ.

** Отвѣтъ Пушкина на письмо Бестужева напечатанъ въ Русскомъ Словѣ 1861 г., № 2 (смѣсь).

камергерскихъ; тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно безъ пропитанія; онъ тогда будетъ обезпеченъ. Геній же немного и требуетъ въ жизни. Тогда потерпятъ, быть можетъ, только одни самозванцы-геніи. Прощай геній.—Твой Рылѣевъ.

Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія. Войнаровскаго вышлю съ слѣдующею почтою.

Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ! Ты самъ по себѣ молодецъ.

8.

Извини, милый Пушкинъ, что долго не отвѣчалъ тебѣ; разныя непріятныя обстоятельста, то свои, то чужія, были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, неумѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ. Мы опять собираемся съ Полярною. Она будетъ послѣдняя; такъ по крайней мѣрѣ мы рѣшились. Желаемъ распроститься съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему намъ подарку. Тутъ объ тебѣ Богъ вѣсть какіе слухи: успо-

кой друзей твоихъ хотя нѣсколькими строчками. Прощай, будь здоровъ и благоденствуй.—Твой Рылѣевъ.

На дняхъ будетъ напечатана въ Сынѣ Отечества моя статья о поэзіи; * желаю узнать объ ней твои мысли.

(Ноябрь 1825).

VII. ПИСЬМА КЪ Ѳ. БУЛГАРИНУ.

1.

Острогожскъ, іюня 20 дня 1821.

Вотъ уже три недѣли, какъ я пирую на Украйнѣ: пью донскія вина и обжираюсь стерлядями, а ты по сіе время не поздравилъ меня съ такимъ благополучіемъ! Ты, будучи самъ однимъ изъ главнѣйшихъ петербургскихъ гастрономовъ, для возбужденія въ своемъ пріятелѣ еще большаго аппетита, не хочешь изъ одной лѣности порадовать меня здѣсь хотя тремя строчками.... Но добро-жъ, сарматъ невѣрный, я отплачу тебѣ и ты не получишь ни сухой стерляди, ни балыка, по возвращеніи моемъ въ Питеръ, если не пришлешь ко мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ грамотокъ—сюда, въ мое счастливое уединеніе, гдѣ я такъ доволенъ, такъ блаженствую, что право не хочется и вспомнить о шумной Пальмирѣ сѣвера....

Давно мнѣ сердце говорило:
Пора, младой пѣвецъ, пора,
Оставивъ шумный градъ Петра,
Летѣть къ своей подругѣ милой,
Чтобъ оживить и духъ унылой,—
И смутный сонъ младой души,
На лонѣ нѣги и свободы
И расцвѣтающей природы,

---

*) См. выше, стр. 197—208. Статья эта была напечатана во 2-й ноябрьской книжкѣ (№ 22-й) «Сына Отечества» 1825 г.

Прогнать съ заботами въ тиши.
Насталъ желанный часъ—и съ тройкой
Извощикъ ухарской предсталъ;
Залился колокольчикъ звонкой —
И юный другъ твой поскакалъ....
Едва заставу Петрограда
Пѣвецъ унылый миновалъ,
Какъ разлилась въ душѣ отрада,
И я дышать свободнѣй сталъ,
Какъ будто вырвался изъ ада....

Теперь я на ярмаркѣ въ городѣ Острогожскѣ, въ которомъ городничимъ Григорій Николаевичъ Глинка, братъ почтеннѣйшаго Θедора Николаевича. Я познакомился съ нимъ еще года за два предъ симъ. Тогда онъ былъ вдовъ, но недавно женился въ Москвѣ на одной любезной дѣвицѣ, которая весьма любитъ литературу—и я съ большимъ удовольствіемъ провожу у нихъ время.

Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи.... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! — Не знаю чему больше удивляться, тиранству ли Іоанна, или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя — плодъ чтенія девятаго тома. *

Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Θедоровичу въ «Сынъ Отечества». Прощай. Свидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ добрымъ людямъ, сирѣчь Н. И. Гнѣдичу, Н. И. Гречу, Барону, также Александру Θедоровичу ** и проч.... Пиши ко мнѣ на Павловскъ.—Твой другъ К. Рылѣевъ.

---

* Здѣсь приведена дума: «Курбскій», напечатанная выше, на стр. 40.

** А. Θ. Воейковъ съ половины 1820 г. до начала 1822 г. участвовалъ съ Гречемъ въ изданіи «Сына Отечества».

2.

С. Подгорная. Августа 8-го. 1821.

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ сѣверную Пальмиру. Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ....

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать не преставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца сограждан мирныхъ
Онъ завсегда какъ червь точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны.... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе.... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ.. Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа; а исправники....

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ

Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями напояютъ,
Былъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно ли крымскіе наѣздники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ, и дѣтей, и женъ, тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ,
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ....
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

Но полно объ этой дряни....

При семъ посылаю нѣсколько моихъ бездѣлокъ. Потрудись показать ихъ почтенному Николаю Ивановичу Гнѣдичу, и если годятся, отдай ихъ Александру Ѳедоровичу для «Сына Отечества».

Прощай, я въ половинѣ сего мѣсяца выѣзжаю, но буду въ Петербургъ не прежде половины сентября, ибо ѣду на своихъ.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ, остаюсь

Твой другъ К. Рылѣевъ.

3.

(Петербургъ. 7 сентября 1823 г.)

Я былъ тебѣ другомъ, Булгаринъ; не знаю, что чувствовалъ ты ко мнѣ; по крайней мѣрѣ ты также увѣрялъ меня въ своей дружбѣ — и я отъ души вѣрилъ. Какъ другъ, отдаю на твой собственный судъ, исполнилъ ли я обязанности свои. Изслѣдуй всѣ мои поступки, взвѣсь всѣ мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потомъ, по совѣсти, заслуживалъ ли я

такого оскорбленія, какое ты сдѣлалъ мнѣ сегодня, сказавъ, что ты, «если бы и вздумалъ просить отъ кого нибудь въ Петербургѣ совѣтовъ, то я былъ бы послѣдній....» Что побудило тебя, гордецъ, къ этому, я не знаю. Знаю только то, что я истинно любилъ тебя и если когда противорѣчилъ тебѣ, то не съ тономъ холоднаго наставника, но съ горячностью нѣжной дружбы. Такъ и вчера, упрекая тебя за то, что ты скрылъ отъ меня черное свое предпріятіе противъ Воейкова, я говорилъ, зачѣмъ ты не сказалъ; я на колѣняхъ уговорилъ бы тебя оставить это дѣло. Скажи же, похоже ли это на совѣтъ; можно ли тѣмъ было оскорбиться, и оскорбиться до того, чтобъ наговорить мнѣ дерзостей самыхъ обидныхъ?... Еще повторяю и прошу тебя вспомнить всѣ мои поступки, слова и мысли — и разобрать ихъ со всею строгостью. Рано ли, поздно ли, но ты или самыя послѣдствія докажутъ тебѣ справедливость мнѣній моихъ и правоту.

Въ пылу своего неблагороднаго мщенія, ты не видишь или не хочешь видѣть всей черноты своего поступка; но рано ли, но поздно ли.... Извини моему пророчеству и прими его за остатокъ прежней моей дружбы и привязанности, которыя однѣ удерживаютъ меня требовать отъ тебя должнаго удовлетворенія за обиду, мнѣ сдѣланную.... Ты гордишься теперь своимъ поступкомъ и радъ, что нашелъ людей, оправдывающихъ его, не вникнувшихъ въ обстоятельства дѣла, другихъ ослѣпленныхъ, какъ нынѣ и ты, мщеніемъ и враждою, и думаешь, что и всѣ, кромѣ меня, раздѣляютъ твое мнѣніе. Но узнай, какъ жестоко ты обманываешься. Не говоря о множествѣ другихъ, которыхъ ты въ душѣ своей уважаешь, В. А. Жуковскій, этотъ столь высокой нравственности человѣкъ, котораго ты любишь до обожанія—въ негодованіи отъ твоего поступка. * Онъ

---

* Сколько можно догадываться, вся эта исторія вышла изъ-за того, что Воейковъ, поссорившись съ Гречемъ и оста-

поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что ты оскорбляешь не одного Воейкова, но цѣлое семейство, въ которомъ ты былъ принятъ, какъ родной; что онъ употребитъ всѣ возможныя средства воспрепятствовать исполненію твоего желанія и что если ты и успѣешь, то не иначе, какъ съ утратою чести! Вотъ, Булгаринъ, какого ты человѣка тронулъ. Скажи же теперь, справедливы ли мои опасенія? Удаляя отъ себя людей, въ которыхъ, по собственному сознанію твоему, ты болѣе всѣхъ былъ увѣренъ — скажи, на кого ты надѣешься, въ чью дружбу увѣровалъ? Что иное, какъ не дружба къ тебѣ, побуждало меня говорить Н. И. Гречу рѣзкія и вѣрно непріятныя для него истины; * что заставляло меня говорить ихъ тебѣ самому, какъ не желаніе тебѣ добра? И ты смѣлъ сказать, что мы закормлены обѣдами Воейкова, тогда какъ я у него въ продолженіе года былъ только два раза. Послѣ всего этого, ты самъ видишь, что намъ должно разстаться. Благодарю тебя

вивъ сотрудничество въ «Сынѣ Отечества», получилъ «доходное» редакторство «Русскаго Инвалида», благодаря хлопотамъ Жуковскаго, на племянницѣ котораго былъ женатъ. Чтобъ уязвить Греча, онъ однажды напечаталъ въ «Инвалидѣ», что на «Сынъ Отечества» только 750 подписчиковъ, а на «Русскій Инвалидъ» 1700. Булгаринъ тотчасъ же воспользовался этимъ и подалъ прошеніе въ «Комитетъ о раненыхъ» объ отдачѣ ему въ аренду изданія «Русскаго Инвалида», обязуясь платить вдвое противъ того, что получается отъ Воейкова. Друзья Воейкова и особенно Жуковскій пришли въ негодованіе отъ такого «поступка» со стороны Булгарина и, благодаря ихъ настояніямъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего предложенія.

* Гречъ, какъ видно, не забылъ этихъ «истинъ», а также и риѳмы въ одномъ изъ стихотвореній Рылѣева и отплатилъ ему біографическимъ очеркомъ въ своихъ мемуарахъ, вполнѣ достойнымъ Греча.

за преподанный урокъ; я молодъ—но сіе можетъ послужить мнѣ на предбудущее время въ пользу, и прошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями.

—

(На оборотѣ черноваго подлинника этого письма набросаны строфы изъ оды «Гражданское мужество»):

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древности до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ;
Аттилъ, иль Цезарей, иль Бренновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой —
Они являлися толпой,
Не много ль было Демосѳеновъ?

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининыхъ временъ,
Для блага сѣверныхъ племенъ,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ.

О такъ, сограждане! не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье!
Взнесемъ моленья къ небесамъ
За ихъ святое снисхожденье:
Отъ нихъ для счастья нашихъ странъ
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Давно онъ насъ, любя Россію,

Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, дождь и градъ шумитъ
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
Реветъ сердитая рѣка,
Шумя, несутся облака,
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Челомъ ушедши въ небеса,
На бурю смотритъ горделиво.

Письмо Булгарина. — Любезный Кондратій Өедоровичъ! Я вчера погорячился, но ты самъ подалъ къ тому поводъ. Долгъ дружбы велитъ совѣтовать наединѣ, а молчать въ свѣтѣ. Разрывъ дружбы знаменуется явными жалобами и нареканіями; а ты, въ укоръ мнѣ и Гречу, сказалъ, что мой поступокъ подлъ, и что Гречъ первая причина. Этого не позволяетъ говорить ни дружба, ни родство. Ты воленъ разорвать со мною всякую связь, а я долгомъ поставляю объявить тебѣ: 1-е, что если ты полагаешь, что я тебя обидѣлъ, то прошу у тебя прощенія (не изъ трусости, ибо я никого, нигдѣ и ни въ чемъ не струсилъ и не струшу, исключая тѣхъ, которые имѣютъ у себя 300.000 войска), но изъ любви моей къ тебѣ; ибо хоть ты будешь меня ненавидѣть, а я всегда скажу, что ты честный и благородный и добрый человѣкъ, котораго я сердечно любилъ и люблю; 2-е, я тебя никогда не поставлю на одну доску съ Воейковымъ и вонючимъ Сленинымъ, отъ котораго за три версты несетъ толкучимъ рынкомъ, въ которомъ нѣтъ ни совѣсти, ни деликатности на грошъ. А потому не думай, чтобы я сохранилъ противъ тебя

что нибудь въ душѣ, кромѣ уваженія; 3-е, если ты, прервавъ со мною связь, не захочешь со мною видѣться, то поручи Бестужеву отдать мнѣ статьи для проценцензированія Бирукову въ Полярную Звѣзду. Ему же отдамъ и мои піесы. Отпечатки отошлю въ Палату. *

Прости, братъ, и помни, что ты другаго Булгарина для себя не найдешь въ жизни. Анатомируй какъ хочешь всѣхъ до единаго своихъ друзей—Булгарину все еще много останется.—Ѳ. Булгаринъ.

Суббота, 8 сентября 1823.

4.

Петербургъ. (Между 14 и 26 марта 1825).

Любезный Ѳаддей Венедиктовичъ. Читалъ твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставалъ и вѣрно не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу; я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это — не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой припишешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впе-

---

* Рылѣевъ служилъ тогда засѣдателемъ въ с.-петербургской палатѣ уголовнаго суда.

редъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить, это повредитъ мнѣ—я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло.—Рылѣевъ.

Слышу, что сужденіе о «Думахъ» тобою уже написано и что ты ими не совсѣмъ доволенъ, особенно предисловіемъ. Въ такомъ случаѣ съ Богомъ: печатай и ради Бога ничего не перемѣняй, если не хочешь оскорбить меня. *

Вверху письма написано рукою Булгарина: Письмо сіе разцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать — а я понимаю истинно. — Булгаринъ.

Отвѣтъ на томъ же Рылѣева: Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаяваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ. Письмо твое, и должно остаться у тебя. — Рылѣевъ.

Прежде нежели увидишь меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ можетъ быть сегодня будетъ у тебя.

VIII. ПИСЬМА КЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

1.

Милостивый государь батюшка, Ѳедоръ Андреевичъ. Я ваше письмо получилъ отъ того генерала, который съ вами приходилъ въ корпусъ ** въ казацкомъ

---

* Ниже слѣдуютъ двѣ строки тщательно зачеркнутыя; съ трудомъ можно разобрать только: «Воображаю пріемъ... Гречъ можетъ быть никогда безразсуднѣе...»

** Рылѣевъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ съ

платьи, и благодарю васъ за присланное ко мнѣ отъ васъ письмо. Я все, слава Богу, здоровъ; здоровы ли вы, любезный батюшка. Я послѣ вашего отъѣзда былъ переведенъ въ 3-й среднiй классъ изъ 5-го средняго, черезъ два класса выше. Любезный батюшка, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ (денегъ) на покупку вещей и бумаги; но сдѣлайте милость не позабудьте мнѣ прислать денегъ также и на книги, потому что я, л. б., весьма великой охотникъ до книгъ. Кланяется вамъ матушка и сестрица. * Л. б., вы не печальтесь объ сестрицѣ: она отдана въ пансiонъ генерала Рейнбота, въ которомъ уже говоритъ по французски и по нѣмецки. Она и я цалуемъ ваши ручки и ножки. Сдѣлайте милость не забудьте мою просьбу и если хотите прислать, то, сд. милость, и Аннѣ Өедоровнѣ — она васъ очень просила—пришлите въ письмѣ мнѣ и Аннѣ Өедоровнѣ, любезной сестрицѣ. Остаюсь вашъ сынъ Кондратiй Рылѣевъ.- Санктпетербургъ. — Прибавленiе: Поздравляю васъ съ праздникомъ, люб. б.; пришлите мнѣ также и на праздникъ деньги, ибо меня одинъ кадетъ учитъ геометрiи; мнѣ ему надобно подарить; того кадета зовутъ Бурковъ.

2.

Дражайшiй родитель! Вотъ уже почти три года, какъ не имѣю я объ васъ никакихъ извѣстiй. Много писалъ писемъ, но не получалъ на оныя ни одного отвѣта. Конечно, болѣзнь или какое нибудь другое злосчастное обстоятельство, думалъ я, вамъ то воспрещаетъ; старался освѣдомиться объ васъ; былъ у гене-

---

23 января 1801 по 16 февраля 1814 г., когда былъ выпущенъ въ 1-ю резервную артиллерiйскую бригаду.

* Анна Өедоровна—побочная дочь Өедора Андреевича.

рала Сергѣева, который принялъ меня какъ роднаго сына и успокоилъ въ разсужденіи васъ. Я восхищался, что нашелъ такого человѣка, который будетъ увѣдомлять меня о моемъ родителѣ—но недолго. Скоро принужденъ былъ я лишиться и его!—Онъ уѣхалъ въ Казань. Послѣ его отбытія, спѣшу къ вамъ писать, но тщетно; отвѣта нѣтъ! Я рѣшился не писать до тѣхъ поръ, пока точно не узнàю, гдѣ вы находитесь; не писалъ болѣе года, но нужда снова меня принудила взяться за перо.—Та минута, которую достичь жаждалъ я, не менѣе какъ и райской обители священнаго Эдема, но которую умъ мой, устрашенный философами, желалъ бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута — есть переходъ мой въ волнуемый страстями міръ. Шагъ безспорно важный, но вѣрно не столь опасный, какимъ представили его моему воображенію мудрецы, безпрестанно вопіющіе противу разврата, обуревающаго міръ сей. — Такъ, любезный родитель, я знаю свѣтъ только по однѣмъ книгамъ, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ немъ тысячи питательныхъ для себя надеждъ. Тамъ разсудку моему представляется бѣдность во всей ея наготѣ, во всей ея обширности и горестномъ ея состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность въ златыхъ цѣняхъ вольности и дружбы, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащенныхъ чертогахъ, возлежащею на мягкихъ пуховикахъ, въ нѣгѣ и удовольствіи. Тамъ, въ свѣтѣ, умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій—и ужасается. Несчастія занимаютъ первое мѣсто, за ними слѣдуютъ обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ и такъ далѣе. Устрашённое мое воображеніе и разсудокъ мой съ трепетомъ гласятъ мнѣ: «Заблужденный молодой человѣкъ! развѣ ты не видишь, чего желаешь съ такимъ безмѣріемъ. Ты стремишься въ свѣтъ — но посмотри, тамъ гибель ожидаетъ тебя. Посмотри, тамъ

бездны изрыты на каждомъ шагу твоемъ, берегись низринуться въ нихъ. — Безразсудный! въ свѣтѣ каждая минута твоя будетъ отравляема горькимъ страхомъ, и ты не насладишься жизнію. Хотя бы ты проходилъ свѣтъ ощупью, но не избѣгнешь несчастія — скрытныя сѣти вовлекутъ тебя въ оныя, и ты погибнешь». Такъ говоритъ мнѣ умъ, но сердце, вѣчно съ нимъ соперничествующее, учитъ меня противному: «Иди смѣло, презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія и если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостію, и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣковъ».—Тутъ я восклицаю: «Быть героемъ, вознестись превыше человѣчества! Какія сладостныя мечты! О! я повинуюсь сердцу». Разберемъ теперь, кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу?—Первый бываетъ всегда важенъ, разбирателенъ, строгъ, осудителенъ, всѣ почти человѣческія страсти и предпріятія охуждаетъ безжалостно; свѣтъ для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, гдѣ не находитъ онъ ни единаго человѣка, между тѣмъ какъ онъ съ избыткомъ наполненъ ими. — Сердце же, напротивъ того, видитъ въ немъ однѣ радости и всегда готово ими наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами; строгость его непричастна; оно снисходительно ко всѣмъ, много хвалитъ и никого не осуждаетъ; для него свѣтъ — прелесть, въ коемъ вездѣ видна добродѣтель, и порокъ изрѣдка показывается въ немъ, такъ какъ туманное облако въ ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами. — Вотъ какъ судитъ о свѣтѣ сердце и какъ судитъ о немъ умъ. Или лучше сказать, что такъ судятъ о немъ мудрецъ и свѣтскій человѣкъ. Слѣдовать первому—есть быть человѣко-ненавидцемъ, людей не считать людьми и искать ихъ, при свѣтѣ яснаго дня, съ фонаремъ. Но поступай такъ, и ты будешь счастливъ: бѣдствіе никогда, никогда не постигнетъ тебя.—Но соразмѣрно

ли силамъ человѣческимъ принять методу мудрецовъ? Не лучше ли любить своего ближняго съ нѣжною дружбою, не раздражать его самолюбія, не хулить чужихъ поступковъ, и злоба ихъ никогда не коснется тебя, ты будешь также счастливъ, хотя счастіе будетъ и зыблемо, хотя ты падешь въ бѣдствіи, но другъ утѣшитъ тебя въ твоей горести, ты найдешь отраду въ его состраданіи, и возвращеніе твое къ счастію будетъ неизъяснимо-пріятно и съ рукоплесканіями твоихъ друзей. Мы должны всѣ умереть, но опять возстанемъ для блаженства, предъ коимъ прежнее было — ничто.

Вотъ, любезный родитель, мои мысли, вотъ мои правила, плоды наставленій и размышленій собственнаго разума, коимъ и слѣдовать я намѣренъ. — Отечество наше потерпѣло отъ врага вселенной, нуждалось въ воинахъ, кои и были собраны. Изъ нашего корпуса были нынѣшній годъ три выпуска, въ кои выбыло кадетъ до 200; да нынѣ выходитъ человѣкъ 160. Слышно, что будетъ выпускъ въ маѣ мѣсяцѣ будущаго 1813-го года. Мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллеріи, чинъ плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастіе пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго, чадолюбиваго, за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во все время долголѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ. — Такъ, любезный родитель, любезны для меня виновники благъ, коими наслаждался я во младенчествѣ, мила для меня страна, гдѣ родились моя мать и отецъ и въ коей я самъ родился; несказанно пріятна для меня вѣра, которую исповѣдуютъ мои родители, въ коей и я воспитывался. Обожаю я монарха нашего, потому что печется объ подданныхъ своихъ, какъ отецъ, обожающій чадъ своихъ, и какъ царя, надъ

нами Богомъ поставленнаго! — Хочу возблагодарить его; но чѣмъ же и гдѣ мнѣ его возблагодарить? Чѣмъ, какъ не мужествомъ и храбростію на полѣ славы. Я буду проситься въ конную артиллерію, ибо вообще конная служба мнѣ нравится. Въ маѣ изъ первыхъ чиселъ вѣрно будетъ выпускъ. Вотъ почему—опять велѣно набирать рекрутовъ съ 500 по 8; почему можно безошибочно заключать, что и насъ потребуютъ, болѣе же потому, что въ арміи недостаетъ офицеровъ покрайней мѣрѣ до двухъ тысячъ, не смотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу вашего родительскаго благословенія, такъ и денегъ нужныхъ для обмундировки. Вамъ небезъизвѣстно, что ужасная нынѣ дороговизна на всѣ вообще вещи, почему нужны и деньги сообразныя нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Два мундира, сюртукъ, трое пантолонъ, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шарфъ серебряный, киверъ съ серебряными кишкетами, шпага или сабля, шляпа или шишакъ, конфедератка, тулупъ и прочее требуютъ покрайней мѣрѣ тысячи полторы; да съ собою взять рублей до пяти сотъ, а не то придется ѣхать ни съ чѣмъ. Надѣюсь, что виновникъ бытія моего не заставитъ долго дожидаться отвѣта и пришлетъ нужныя мнѣ деньги къ маю мѣсяцу; также прошу васъ прислать мнѣ при первомъ письмѣ рублей 50, дабы нанять мнѣ учителя биться на сабляхъ. — Кланяются вамъ и кланялись во всякомъ письмѣ матушкѣ, Петръ Ѳедоровичъ, Катерина Ивановна его супруга, * сестрицы и другіе, между прочими генералъ Дашкевичъ и господинъ кавалеръ Нейманъ и его супруга. Въ заключеніе, поздравляя васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и желая вамъ всякихъ благъ, остаюсь покорнѣйшимъ вашимъ сыномъ

К. Рылѣевъ.

С.-Петербургъ 17 Декабря 1812.

---

* П. Ѳ. и К. И. Малютины.

P. S. Вотъ уже два года какъ я нахожусь въ гренадерской ротѣ. Слѣдственно, надписывайте: въ 1-й корпусъ гренадерской роты Его Высочества кадету N. N. R.

3.

Дражайшій родитель! Письмо ваше, отъ 25 іюня, получено мною; я не могъ оное читать безъ пролитія слезъ, и сокрушался сердцемъ, что вы, не разобравъ все въ совершенствѣ, меня вините. Вы пишите, что письма мои наполнены противорѣчіями; я не мало сему удивляюсь! Копіи съ оныхъ и теперь еще лежатъ передо мной, и я въ нихъ ничего такого не нахожу, кромѣ разнаго назначенія времени выпуска; вотъ тому причина: послѣ прошлогодняго выпуска ожидали вдругъ другаго; оной не случился, а время назначенія было февраль, мартъ, апрѣль, май или іюнь, ссылаясь на то, что рекрутамъ въ сіи мѣсяцы будто бы было назначено придти въ Петербургъ, гдѣ обучивъ ихъ, отправятъ на границы; но ничего сего не состоялось. Вотъ почему и я назначалъ различное время моего выпуска; но теперь уже подходитъ то время, въ которое обыкновенно бываютъ годовые выпуски; а именно, сентябрскіе. Могъ бы я и далѣе оправдываться, представя вамъ въ подробности всѣ причины, всѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ мнѣ поступить въ сходственность вашихъ желаній касательно моего выпуска (смотрите письмо мое отъ 22 числа въ разсужденіи о выпускѣ); но зная, сколь неприлично мнѣ оспаривать мнѣніе отца, хотя и несправедливое, оставляю то. Будьте увѣрены, что желаніе ваше, дабы я пріѣхалъ къ вамъ, есть и мое собственное; оно, во что бы то ни стало, свято будетъ исполнено. Но съ чѣмъ я поѣду къ вамъ? Какъ проживу двѣ трети года въ полку безъ жалованья? Вотъ два вопроса, которые прошу

васъ разрѣшить. Просилъ я у васъ 50 р., дабы нанять учителя биться на сабляхъ, ибо я выйду въ конную артиллерію; но, не получа на то никакого отвѣта, осмѣливаюсь повторить свою просьбу. Засимъ свидѣтельствуя сыновнюю мою къ вамъ любовь и почтеніе, остаюсь покорнѣйшій сынъ вашъ К. Рылѣевъ.

P. S. Письмо къ матушкѣ въ тотъ же день послано. Она въ деревнѣ. Аннѣ Ѳедоровнѣ, слава Богу, легче.

(1813).

4.

Дражайшая матушка Настасья Матвѣевна! Ровно почти черезъ годъ я вновь переправляюсь чрезъ Рейнъ. Какая величественная рѣка! Какое чудесное зрѣлище! При приближеніи къ ней, я ощутилъ нѣкоторый родъ благоговѣнія — множество различныхъ чувствъ волновали душу мою!... Года за четыре предъ симъ, кто предполагалъ, что войска чуждыхъ странъ такъ легко будутъ переправляться черезъ рѣку сію? Этого мало, кто могъ предполагать столь быстрыя дѣйствія союзниковъ и столь слабое сопротивленіе противниковъ? Но обстоятельства перемѣнились: что было за четыре года, что могло быть тогда — то не будетъ и не можетъ быть теперь. Великая нація теперь слабая, войско ея — шайка разбойниковъ, начальникъ — странствующій Донъ-Кихотъ. Но куда завлекли меня мрачныя размышленія? Какъ могу я опредѣлять случаи будущности? Время, время! лѣта, скорѣе удвойте полетъ свой, любопытство знать будущее снѣдаетъ меня. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и такою же преданностью вашъ всепокорный сынъ Кондратій Рылѣевъ.

P. S. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ свидѣтельствую нижайшее почтеніе; желаю того здоровья и удовольствія, которымъ я наслаждаюсь. Теперь я съ самой

границы ѣду квартирмейстеромъ; довольно заботъ, прежде немного трудноватыхъ, но теперь пріятныхъ, ибо начальникъ мой подполковникъ .... очень доволенъ мной. Кондратій Рылѣевъ.

Право нѣкогда ѣду впередъ.

5.

Ради Бога не безпокойтесь обо мнѣ. * Читая письмо ваше къ дядюшкѣ, я увидѣлъ изъ него сколь много вы отягчаете себя печалію; сдѣлайте милость поберегите себя! Я, благодаря Бога, здоровъ, чего и вамъ всѣмъ живущимъ въ Петербургѣ желаю. Дядюшка находится теперь въ Дрезденѣ комендантомъ. Мѣсто прекрасное, по 300 р. серебромъ жалованья въ мѣсяцъ. Почтеннѣйшая супруга его Марья Ивановна съ нимъ— и онъ въ полномъ удовольствіи! Слава Богу и благодареніе! Такого дяди, каковъ онъ, больше другимъ не найти! Добръ, обходителенъ, помогаетъ, когда въ силахъ; ну словомъ, онъ замѣнилъ мнѣ умершаго родителя! Князь Репнинъ его любитъ и все, что ни скажетъ, исполняетъ. Недавно выхлопоталъ мнѣ дядюшка мѣсто въ Дрезденѣ, при артиллерійскомъ магазинѣ. Въ день моего рожденія, подарилъ онъ мнѣ на мундиръ лучшаго сукна. Вы, читая письмо сіе, благодарите и благословляйте душевно благодѣтельнаго дядю! Такъ онъ достоинъ того. Почтеннѣйшая его супруга, замѣняющая у меня здѣсь ваше мѣсто, своею материнскою нѣжностію, своею заботливостію и попеченіемъ превосходитъ всякое описаніе! И мы, не могущіе заплатить имъ въ сей жизни ничѣмъ, какъ только благодареніями, предоставимъ то Всевышнему...

---

* Мы опускаемъ начало и окончаніе писемъ.

Не получая столь долгое время отъ васъ писемъ, съ самаго моего отъѣзда, я безпокоюсь въ разсужденіи вашего здоровья; почему и прошу, поспѣшите присланіемъ; двѣ строчки, писанныя вашею рукою утѣшатъ меня...

21 Сентября 1814 года. Дрезденъ.

6.

Несвижъ. Марта 6 дня, 1815.

Наконецъ послѣ годовой разлуки получилъ я отъ васъ 5-го числа сего марта письмо. Сколько неоцѣненнаго утѣшенія, сколько неизъяснимаго удовольствія принесло оно мнѣ. О дражайшая матушка! я молю только Создателя, да продлитъ онъ дни ваши и да утѣшитъ онъ васъ въ скорбяхъ вашихъ! Впрочемъ объ деньгахъ теперь не забочусь — и, слава Богу, я койчто уже исправилъ, чему много помогло сукно, купленное мною за границей и проданное здѣсь весьма выгодно. Теперь недостаетъ у меня только вальтрапа и лошади; первый постараюсь вскорости сдѣлать, а безъ второй обойдусь до время. Теперь я нахожусь въ Минской губерніи въ городѣ Несвижѣ, съ командою для обученія верховой ѣздѣ. Надѣюсь самъ скоро быть ѣздокомъ. Предъ отъѣздомъ моимъ занялъ я у капитана 200 рублей асс., но уже и выплатилъ оные, какъ изъ жалованья за сентябрскую треть, такъ и за деньги, добытыя при продажѣ сукна. Сѣдло и весь приборъ для лошади купилъ я весьма дешево; лошадь имѣю я изъ казенныхъ и безъ своей покамѣсть обойдусь. Когда же не вошедшій въ опись домъ въ Кіевѣ продастся, то можно будетъ и ее купить. Одинъ офицеръ изъ нашей роты, человѣкъ очень хорошій и надежный, имѣющій самъ умѣренный достатокъ, поѣхавъ предъ симъ въ Кіевъ, гдѣ будетъ служить, взялся справиться обо

всемъ въ Кіевѣ. Хотя это будетъ и лишнее, однако я хочу написать письмо къ княгинѣ Варварѣ Васильевнѣ! * О вельможи! О богачи! Неужели сердца ваши не человѣческіе? Неужели они ничего не чувствуютъ, отнимая послѣднее у страждущаго? Но, удивляясь безчувственности человѣчества къ страданіямъ себѣ подобныхъ, я утѣшаю себя сладостною надеждою на Спасителя, который, въ противность варварства людей, гонимымъ ими всегда бываетъ послѣднимъ и лучшимъ прибѣжищемъ и защитой.

Вы пишите, что Петръ Ѳедоровичъ ** боленъ; но, драж. матушка, неужели Творецъ благости отниметъ у бѣдныхъ, страждущихъ сиротъ послѣднюю подпору? Удались, исчезни мысль ужасная, мысль пагубная! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не умретъ, онъ будетъ жить — онъ будетъ жить для блага, для счастья невинныхъ дѣтей своихъ, для оживленія насъ бѣдныхъ! О драж. матушка! Неужели Богъ не слышитъ тѣ ежедневныя, пламенныя моленія, сопровождаемыя токомъ слезъ, которыя я ежедневно возсылаю къ нему! Вы пишите, др. матушка, что не имѣется у васъ денегъ, дабы выкупить послѣднюю фамильную драгоцѣнность, сыновнее сокровище— вашъ портретъ! Не присылайте лучше ко мнѣ ни копѣйки, я право не нуждаюсь въ деньгахъ, ей-Богу не нуждаюсь, постарайтесь только выручить портретъ!

Вы желаете знать потерялъ ли я вмѣстѣ съ своими и бывшія посылки въ роту? — Нѣтъ, онѣ отданы капитану Сухозанету, по письму, которое писалъ къ нему хозяинъ оныхъ г-нъ Маркевичъ.

Радуюсь сердечно, что Бреклинъ вышелъ; дай-Богъ ему счастья службу начать счастливѣе моего, хотя я,

---

* Голицыной, рожденной Энгельгардтъ (12 марта 1757 † 2 мая 1815), вдовѣ кн. Сергѣя Ѳедоровича (20 авг. 1748 † 20 янв. 1810).

** Малютинъ.

слава и благодареніе Богу, не могу теперь пѣнять на оную, ибо я очень доволенъ нынѣшнимъ командиромъ моимъ; впрочемъ, не подумайте, что я не желаю отъ того быть адъютантомъ при генералѣ Бенигсенѣ: не желать сего — я почелъ бы себѣ за величайшій проступокъ. Всегда удивляясь отличнымъ достоинствамъ сего военачальника, я надѣюсь, находясь при немъ, не только составить себѣ счастіе, но и почерпнуть много полезнаго для рода службы, въ который себя посвятилъ — и я, уже будучи столь много облагодѣтельствованъ Петромъ Ѳедоровичемъ, осмѣливаюсь просить его объ семъ, но только надобно поспѣшить, ибо теперь время дорого. Женѣ Ѳедора Павлова скажите отъ него, чтобы она не печалилась, что онъ все, слава Богу, здоровъ и при первой оказіи пріѣдетъ. Я никакъ не могу нахвалиться симъ добрымъ старикомъ — и желалъ бы, др. матушка, дабы вы его, когда онъ пріѣдетъ, отправили въ деревню на покой, за его труды и добродѣтель.

Впрочемъ, благодаря Творца, я здоровъ; безпокоился только въ разсужденіи васъ, но полученное мною отъ васъ письмо не только меня утѣшило, но вознесло на верхъ неописаннаго удовольствія. Желая, чтобы и мое письмо вамъ тоже принесло и въ ожиданіи отъ васъ отвѣта, остаюсь съ искреннею любовію и глубочайшимъ почтеніемъ...

P. S. Отъ дядюшки Михайла Николаевича, при пропажѣ денегъ, получилъ я 200 р. асс., да въ другіе раза до 150 рублей.

Сдѣлайте милость пришлите поскорѣй Ѳед. и еще одного мальчика понятнаго и первый будетъ за лошадьми смотрѣть какъ охотникъ до нихъ, а второй будетъ въ горницѣ. Также покорнѣйше прошу купить въ Петербургѣ золотыя на черномъ сукнѣ конно-артиллерійскія петлицы, также для вальтрапа золотой приборъ.

7.

Долго, долго безпокоился я, и не зналъ къ чему отнести столь продолжительное ваше молчаніе; самыя мучительныя мысли тревожили меня непрестанно. Наконецъ, получаю я письмо; узнаю на конвертѣ руку Аннушки; узнаю печать вашу; спѣшу разломать оную— и вынимаю ваше письмо. Сердце мое затрепетало отъ восхищенія. О, люб. матушка! какую неоцѣненную минуту блаженства доставили мы мнѣ! Ни на какія въ мірѣ сокровища не промѣнялъ бы ея!

Въ письмѣ своемъ вы хвалитесь гг. офицерами расположенной въ Рожественѣ * 2-й батарейной роты и любуетесь братскимъ согласіемъ и дружествомъ, между ними существующимъ. Не удивляйтесь сему: въ артиллеріи ведется то издавна — и съ сей стороны я также считаю себя счастливымъ, и если бы не обстоятельства, объ которыхъ я неоднократно уже изустно и письменно съ вами изъяснялся, то, конечно, никогда бъ не подумалъ объ оставленіи службы, которая доставляетъ молодому человѣку такое общество, въ коемъ, кромѣ образцовъ истиннаго благородства, дружескаго согласія и безкорыстной другъ къ другу любви, онъ ничего не видитъ. Въ слѣдующемъ письмѣ я изъяснюсь о семъ по подробнѣе, а равно изложу вамъ свои намѣренія въ разсужденіи службы.

Вы желаете знать каковы наши квартиры? Такія, какихъ мы еще никогда не имѣли. Мы расположены на лѣто въ слоб. Бѣлогорьѣ, въ полуверстѣ отъ Дона. Время проводимъ весьма пріятно: въ будни, свободные часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна

---

* Село Рожествено (см. выше стр. 63) въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дер. Батовой, родоваго имѣнія Рылѣевыхъ.

сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противоположномъ берегу растущаго, погружаемся мы въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни, и чрезъ минуту уничтожаемъ оные; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ — и наконецъ, посмѣявшись всему, возвращаемся каждый къ себѣ и въ объятіяхъ сна ищемъ успокоенія. Иногда посѣщаемъ живущую въ слободѣ вдову генералъ-маіоршу Анну Ивановну Бедрагу; у нея лечится теперь сынъ ея, подполковникъ гвард. конно-егерскаго полка, раненый при Бородинѣ. Домъ весьма почтенный и гостепріимный и мы въ ономъ приняты, какъ нельзя лучше. Въ праздничные дни ѣдемъ къ другимъ помѣщикамъ, а я чаще на зимнія свои квартиры въ с. Подгорное, гдѣ также живетъ добрый, гостепріимный и любезный помѣщикъ, г-нъ Тевяшевъ; въ семействѣ его мы также приняты какъ свои и проводимъ время весьма, весьма пріятно.

Сдѣлайте милость пишите чаще... Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ въ Петербургѣ одинъ изъ нашихъ офицеровъ и, имѣя отъ меня къ вамъ письмо, заходилъ въ домъ, но, какъ онъ сказываетъ, никого не засталъ, ибо всѣ, не исключая Петра Ѳедор., были въ то время въ деревнѣ. Онъ же говорилъ мнѣ, что въ Вырѣ на почтѣ сказывали ему, что Петръ Ѳедор. не всѣ деревни продалъ; я было утѣшился сею мыслію, но письмо ваше лишило меня сего. Жаль, весьма жаль. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня по подробнѣе обо всѣхъ дѣтяхъ и перецалуйте всѣхъ ихъ за меня.

Я весьма нуждаюсь теперь въ платьѣ; сдѣлайте милость, пришлите изъ С.-Петербурга суконъ: чернаго мнѣ нужно... всего 8 аршинъ; изъ нихъ четыре аршина купите лучшаго; сѣраго сукна нужно 4 аршина; сверхъ того необходимо нужны мнѣ одна пара эполетъ съ 11-мъ нумеромъ и шарфъ, который у меня еще все тотъ же, который купленъ мнѣ при моемъ выпускѣ. Сдѣлайте милость, поспѣшите присылкою сихъ вещей:

насъ въ октябрѣ будетъ смотрѣть, какъ говорятъ, самъ государь. Служащій у насъ Ѳедоръ Петровичъ Миллеръ, сынъ бывшаго нашего исправника, кланяется вамъ; онъ бывалъ у васъ съ Бреклиномъ. Кстати не имѣете ли вы какого свѣдѣнія объ немъ...

Письма свои надписывайте: Воронежской губерніи, въ г. Павловскъ, конно-артиллерійской № 11-го ротѣ.

Увѣдомьте меня, не сдѣлали-ли вы чего въ разсужденіи кіевскаго дѣла, по письму Зубковскаго. *

На дняхъ пріѣхалъ въ нашу дивизію служившій въ елисаветградскомъ гусарскомъ полку—генералъ-маіоръ Рылѣевъ; онъ у насъ будетъ бригаднымъ генераломъ. На будущей недѣлѣ я надѣюсь быть у него. Генеральша Барчукова давно желаетъ меня видѣть, но обстоятельства службы препятствовали мнѣ до сего побывать у нея. Прощайте...

Сл. Бѣлогорье. Августа 10 дня, 1817.

8.

Давно уже примѣтилъ я, что съ самаго того времени, какъ я только въ состояніи сталъ разсуждать, ни вы, ни я совершеннымъ счастіемъ еще не наслаждались. Долго изыскивалъ я сему причину. Наконецъ примѣтилъ, что разстроенныя домашнія обстоятельства главною и настоящею тому виною. — Ахъ, сколько разъ увлекаемый порывомъ какой нибудь страсти виновный сынъ вашъ предавался удовольствіямъ и могъ забывать тогда о горестяхъ и заботахъ своей матери! Но, благодаря ангелу хранителю, это заблужденіе не долго продолжалось. Первый предметъ, напоминавшій мнѣ васъ, извлекалъ меня изъ онаго; мнимое мое

---

* См. въ приложеніяхъ.

счастіе исчезало, а мѣсто онаго заступало мучительное безпокойство въ разсужденіи васъ. Не однажды, среди самаго веселаго общества, взирая на прочихъ товарищей, на лицахъ коихъ свѣтлѣла безпечность и удовольствіе, ни чѣмъ неотравляемыя, задумывался и говорилъ самъ себѣ: «почему подобно имъ и я не могу быть счастливымъ?» Такъ протекло около четырехъ лѣтъ; въ продолженіе оныхъ я непрестанно придумывалъ средства, кои бы, поправивъ домашнія обстоятельства, могли спокойствіе ваше сдѣлать прочнымъ; но по сіе время минутные, но частые восторги пылкой и неопытной юности, препятствовали разсудку моему найти ихъ. Наконецъ, теперь, случай открылъ и, можетъ быть, рѣшилъ все. Но не распространяясь далѣе, скажу короче: посѣщая довольно часто живущаго отъ Бѣлогорья въ 30 верстахъ, добраго и почтеннаго помѣщика Михаила Андреевича Тевяшева, и бывъ принятъ въ домѣ почти какъ за роднаго, я имѣлъ пріятные случаи видѣть двухъ дочерей его, видѣть — и узнать милыя и добродѣтельнѣйшія ихъ качества, а особливо младшей. Не будучи романистомъ, не стану описывать ея милую наружность, а изобразить душевныя ея качества почитаю себя весьма слабымъ; скажу только вамъ, что милая Наталія, воспитанная въ домѣ своихъ родителей, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ, и не видѣвшая никогда большаго свѣта, имѣетъ только тотъ порокъ, что не говоритъ по французски. Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость, и умъ, обработанный самою природою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи содѣлать счастіе каждаго, въ комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю ее, любезнѣйшая матушка, и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно, ибо я предался оной не вдругъ, какъ сродно пылкому юношѣ; нѣтъ, я напротивъ въ первый разъ видѣлъ ее весьма равнодушно, но уже по прошествіи нѣсколькихъ посѣщеній, узнавъ нѣкоторыя достоин-

ства милой Наталіи, а особенно доброту души ея, я полюбилъ ее, и теперь, время отъ времени любовь моя болѣе и болѣе увеличивается; но я, однако, имѣлъ твердость еще не открыться, хотя твердо надѣюсь, что и она меня любитъ взаимно, и почтенные родители ея, любя ее особенно отъ прочихъ дѣтей своихъ и будучи ко мнѣ весьма отлично расположены, не захотѣли бы лишить насъ нашего счастія. И такъ, любезнѣйшая матушка, отъ васъ зависитъ благословить сына вашего и, позволивъ ему выйти въ отставку, заняться единственно вашимъ и милой Наталіи счастіемъ. Знаю, что неприлично въ такой молодости оставить службу, и что четырехлѣтнія безпокойства недостаточная еще жертва съ моей стороны отечеству и государю, за тѣ благодѣянія, коими я отъ нихъ осыпанъ... Но развѣ не могу и не въ военной службѣ доплатить имъ то, чего не додалъ въ военной; а равно и разстроенное имѣніе, годъ отъ году болѣе и болѣе уменьшающееся, не есть ли самый справедливый предлогъ, на которомъ основываясь, я могу оправдаться и въ глазахъ своихъ родственниковъ и всѣхъ благоразумныхъ людей. Облагодѣтельствованный Петромъ Ѳедор. на всю жизнь свою, и зная сколь живое участіе принимаетъ онъ во всемъ, что касается до нашей фамиліи, я почитаю за непростительный проступокъ и неблагодарность приступить столь къ важному дѣлу, не спрося у него совѣта и благословенія; почему и прошу у васъ покорнѣйше, люб. матушка, показать ему сіе письмо. Каковъ бы отвѣтъ ни былъ, я клянусь слѣдовать оному, хотя бы то было съ утратою моего спокойствія; но только поспѣшите отвѣтомъ, дабы я могъ принять надлежащія мѣры. Письмо сіе посылаю страховымъ. Ради Бога, отвѣчайте поскорѣе.

С. Бѣлогорье. Сентября 17 дня, 1817.

9.

Въ прошедшемъ письмѣ я увѣдомлялъ васъ о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, дабы только жить для васъ и для милой Наталіи, и просилъ вашего на то позволенія; не получая по сіе время никакого на сіе отвѣта, я уже теряю надежду, чтобы желаніе мое могло въ нынѣшнемъ году совершиться, ибо уже приближается то время, когда болѣе не будутъ принимать просьбъ объ отставкахъ; а какъ теперь произошла у насъ перемѣна въ формѣ мундировъ: прежніе отмѣнены, а положено теперь имѣть однобортный колетъ и вицъ-мундиръ по образцу драгунскихъ, только съ петлицами и красною выпушкою кругомъ, сверхъ того велѣно имѣть лядунку съ золотою перевязью на манеръ гвардейской конной артиллеріи, съ тою только разницею, что у насъ на лядункѣ, вмѣсто орла, должны быть крестообразно пушки; эполеты золотые, такіе же точно какъ въ гвардіи, но съ прибавкою нумеровъ; у насъ они должны быть съ 11-мъ нумеромъ; протупея къ саблѣ также золотая, все прочее остается по прежнему. Вся обмундировка, по приказу корпуснаго командира, должна непремѣнно кончиться до февраля мѣсяца будущаго года, ибо около того времени мы выступимъ на смотръ къ государю. На всю сію необходимую обмундировку нужно: 1) темно-зеленаго (не **черн**аго) сукна на колетъ, вицъ-мундиръ и двое панталонъ 6½ арш.; 2) сукна сѣраго для шинели 6 арш. и сукна сѣраго получше для рейтузъ 2 арш., и ½ арш. лучшаго краснаго; 3) лядунку съ золотою перевязью; 4) къ саблѣ золотую протупею; 5) двѣ пары эполетъ золотыхъ съ серебряными нумерами; 6) петлицъ двѣ же пары золотыхъ на черномъ сукнѣ и 7) два темляка. Не имѣя никакой возможности все сіе самъ исправить, осмѣливаюсь я безпокоить васъ, люб. матушка! Знаю, сколь сіе васъ опечалитъ, но дѣлать нѣчего: обстоятельства и судьба расположили такъ.

Прибѣгните съ просьбою къ Петру Ѳед., если сами не въ состояніи; онъ самъ увидитъ нашу необходимость и поможетъ, а мы, съ помощію Божіею, современемъ отблагодаримъ его. Сдѣлайте милость только, люб. матушка, поспѣшите присылкою упомянутыхъ вещей до февраля мѣсяца, дабы я могъ быть исправенъ къ смотру государя, который непремѣнно будетъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Вы не повѣрите, люб. матушка, какъ больно мнѣ, что сіе письмо обезпокоитъ васъ! Одинъ Богъ свидѣтель, что̀ у меня теперь на сердцѣ!

Про Наталію и ея родителей напишу въ слѣдующемъ письмѣ обстоятельнѣе; а теперь нѣкогда: спѣшу отправить сіе письмо.

Сл. Подгорная. Ноября 31 дня, 1817 г.

10.

Письмо ваше, которымъ вы увѣдомляете меня вторично о тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находитесь вы теперь, по случаю предстоящаго срока ко взносу денегъ въ ломбардъ, я получилъ на сихъ дняхъ. Изъ онаго также вижу я, что вы не менѣе безпокоитесь и въ разсужденіи меня, касательно обмундировки; почему и спѣшу увѣдомить васъ, люб. матушка, дабы вы въ разсужденіи сего были покойны; ибо я увѣренъ, что подполковникъ нашъ, зная, что я уже писалъ къ вамъ и просилъ позволенія оставить службу, не станетъ принуждать меня сдѣлать новую обмундировку. Изъ того же письма вижу я, что вы писали ко мнѣ въ разсужденіи моей женитьбы, но какъ я сего письма не получалъ, то и прошу васъ покорнѣйше л. м., увѣдомить меня вторично. При семъ скажу вамъ откровенно, что отъ вашего рѣшенія зависитъ моя участь: вашъ отказъ погубитъ меня. Не подумайте, что любовь ослѣпляетъ меня. Я все разсмотрѣлъ прежде,

нежели рѣшился просить вашего благословенія, и нашелъ, что тогда только буду счастливъ, когда вы согласитесь на мою просьбу. Полагаю, что и ваше собственное спокойствіе отъ сего же зависитъ. Вамъ извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, какъ разстроено ваше имѣніе! Кто жъ другой долженъ заняться устройствомъ онаго, какъ не я? И такъ уже много прошло времени въ службѣ, которая никакой не принесла мнѣ пользы, да и впередъ не предвидится, и съ моимъ характеромъ я вовсе для нея неспособенъ. Для нынѣшней службы нужны ......, а я къ счастію не могъ имъ быть и по тому самому ничего не выиграю. Прошу также увѣдомить меня, какого о семъ мнѣнія П. Ѳед.

На всякій случай прилагаю здѣсь адресъ, по которому вы можете, если заблагоразсудится, писать къ Матренѣ Михайловнѣ, супругѣ Михаила Андреевича Тевяшова.

Л. м., пришлите сдѣлайте милость книжку съ узорами, для вышиванія по канвѣ, а также и разноцвѣтнаго бисеру. Наталья Михайловна старалась сама достать въ Воронежѣ, но не нашла. Сдѣлайте милость, пришлите.

Апрѣля 7 дня, 1818.

11.

Слезы текли изъ глазъ моихъ, когда я читалъ письмо ваше; чувствовалъ всю цѣну совѣтовъ вашихъ, разсуждая, испытывалъ себя, и наконецъ, чувствуя, что я буду несчастнѣйшій человѣкъ, если не соединюсь съ Наташей, показалъ родителямъ ея ваше письмо. Кажется, они были довольны симъ поступкомъ. Спрашивали Наташу, и на другой день объявили мнѣ ея и собственное свое согласіе, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы я вышелъ въ отставку. Скажите, л. м.,

какъ было мнѣ не согласиться для Наташи оставить службу. Могъ-ли я отказаться отъ нея? А это было бы все равно.

Такъ какъ намъ въ октябрѣ мѣсяцѣ походъ опять въ Орловскую губернію, объ чемъ я извѣстилъ и почтеннаго Михаила Андреевича, то онъ и положилъ было такъ: дабы я, получивъ отставку, съѣздилъ къ вамъ получить благословеніе; но когда я изъяснилъ ему, что поѣздка въ такую даль будетъ сопряжена съ значительными издержками, и что я письмомъ могу исходатайствовать ваше благословеніе, то онъ согласился и на то, дабы я вдругъ по полученіи отставки пріѣхалъ къ нему.

Такъ какъ у Наташи есть здѣсь 25 душъ крестьянъ, то онъ меня и спрашивалъ: гдѣ я, здѣсь или въ вашей деревнѣ намѣренъ жить? Я отвѣчалъ на сіе, что это будетъ въ волѣ Натальи Мих., но что намъ непремѣнно надобно будетъ ѣхать въ Петербургъ къ вамъ, на что тогда же всѣ согласились и положили во всемъ отдаться на вашу волю. Вотъ, л. м., что произошло послѣ полученія вашего письма. Объ свойствахъ Наташи я повторять не стану; я уже писалъ къ вамъ, что они ангельскія, и вы это сами скажете, когда узнаете ее.

Въ прошедшемъ письмѣ я просилъ васъ, дабы вы писали къ Матренѣ Михайловнѣ, супругѣ Михаила Андреевича. Сдѣлайте милость, л. м., пишите, а равно и пришлите мнѣ благословеніе, а также исходатайствуйте оное и отъ П. Ѳедор.

Л. м., я уже писалъ къ вамъ, что я имѣю крайнюю надобность въ деньгахъ, и дѣйствительно, я такъ обносился, что даже стыдно. Бѣлье скоро совсѣмъ нельзя будетъ носить, а въ платьѣ не знаю какъ и исправиться, потому что нѣтъ денегъ и сверхъ того, какъ я еще изъ Мценска писалъ къ вамъ, долженъ товарищамъ. Это-то самое и было причиною, что я почти ничего не могъ сдѣлать себѣ на свое жалованье, ибо

я онымъ уплачивалъ имъ данныя ими мнѣ деньги, когда меня обокрали подъ Мценскомъ. Теперь я остался долженъ 300 р. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ хотя 500 р., а равно и суконъ, дабы я могъ одѣться по цивильному, ибо я уже не намѣренъ обмундировываться по военному.

Долженъ я еще увѣдомить васъ, что у насъ было случилась въ ротѣ весьма непріятная исторія: С-тъ, дабы перессорить между собою офицеровъ, представилъ младшихъ къ повышенію чиновъ. Это догадались и всѣ пошли къ нему. Тѣ, которыхъ онъ представилъ, сказали ему, что они не чувствуютъ, дабы они сдѣлали для службы что либо отличное противу своихъ товарищей; а тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ-было обойти, сначала довольно учтиво, а наконецъ, видя, что онъ не унимается, съ неудовольствіемъ доказали ему — какъ онъ несправедливъ. Видя-же, что и это его не трогаетъ, всѣ офицеры, и представленные и обойденные, подали къ переводу въ кирасиры; меня же тогда при штабѣ не случилось. Ѳедоръ-же Петровичъ Миллеръ, находясь въ числѣ обиженныхъ, будучи имъ весьма дерзко оскорбленъ, вынужденъ былъ поступить съ нимъ какъ съ п......мъ. Но, слава Богу, все обошлось хорошо. Корпусный начальникъ артиллеріи пріѣзжалъ нарочно въ Бѣлогорье, дабы успокоить гг. офицеровъ и увѣрить С-та, что онъ кругомъ виноватъ. Послѣ сего, хотя онъ и примирилъ офицеровъ съ нимъ, но этотъ миръ не продолжится долго, ибо всѣ рѣшилися разными дорогами выбраться изъ роты. Ѳед. Пет. выходитъ въ отставку. Кажется, что и С-тъ послѣ полученнаго отъ него подарка долженъ оставить службу.

Впрочемъ будьте спокойны, я теперь совершенно уволенъ отъ штабныхъ занятій и стою особенно въ Подгорномъ съ командою, слѣдственно со мною ничего случиться не можетъ. А равно и то, что я подаю въ сентябрѣ въ отставку, С-тъ не можетъ причесть

къ послѣдствіямъ случившихся въ ротѣ неудовольствій, ибо намѣреніе мое ему давно было извѣстно...

Наша рота переименована 12-ою. Адресъ все старый.

P. S. Если будете писать къ Матренѣ Мих., то вложите въ мое письмо.

Іюня 18 дня, 1818.

12.

Больно, очень больно мнѣ, что я умножаю ваши печали; но видно Богу такъ угодно. Въ этомъ мірѣ ничего нѣтъ вѣчнаго и потому несчастія наши должны когда нибудь кончиться. Я уже писалъ вамъ, какимъ образомъ я сіе намѣренъ сдѣлать, и просилъ вашего благословенія. Вы ничего въ отвѣтъ не пишите; не знаю чему приписать ваше молчаніе! Если оно есть знакъ вашего несогласія, то почему вы не изъявите онаго прямо, дабы я могъ изложить яснѣе свои мнѣнія. Когда вы полагаете меня слишкомъ молодымъ, дабы сдѣлать столь важный шагъ, то я-бы могъ вамъ на сіе представить тысячи опроверженій къ моему оправданію. Если почитаете за неприличное въ такихъ молодыхъ лѣтахъ оставить службу, то я уже на сей конецъ писалъ къ вамъ, что служить можно не въ одной военной службѣ. Впрочемъ все мечта! Человѣкъ родится не для другихъ только, онъ долженъ заботиться и о себѣ — и потому, кажется довольно........ пяти лѣтъ; пора подумать и о своихъ!—Между тѣмъ, л. м., если Богъ поможетъ вамъ прислать мнѣ вещи, объ которыхъ я писалъ къ вамъ, то я постараюсь ихъ хорошо сберечь до сентября, дабы съ позволенія вашего подавши въ отставку, могъ бы оные, хотя съ нѣкоторою уступкою продать. Объ переводѣ же я болѣе не думаю; все равно годъ гдѣ бы ни было дослужить. Впрочемъ, скажу вамъ откровенно, что я не безъ сожалѣнія разстанусь съ своими товарищами.

P. S. Если бы вы знали, чего мнѣ стоило написать письмо къ П. Өедор.; если бы я не зналъ его, то никогда бы на то не рѣшился.

Сл. Подгорная. Января 31 дня, 1819.

13.

Покорнѣйше благодарю васъ, л. м., за присылку гостинцевъ на праздникъ, съ которымъ имѣю честь поздравить, и желаю провести оный въ радости и удовольствіи.—Отъ Настасьи Мих. и отъ Матрены Мих. мы получили на дняхъ письма. Настинька, слава Богу, здорова и почти все говоритъ; такъ по крайней мѣрѣ пишутъ; но тамъ случилось другое несчастіе—Настасья Мих. лишилась мужа. Александръ Даниловичъ скончался на второй недѣли поста, 23 февраля, въ домѣ Матрены Мих. Онъ пріѣхалъ проводить Алексѣя Михайловича, который пріѣзжалъ изъ полка въ отпускъ; пошелъ въ баню; вышедши выпилъ 4 стакана холоднаго квасу и получилъ горячку; ее однако успѣли перервать; мать его пріѣхала; пріѣхали еще два лекаря; но мокроты, скопившись въ груди, кончили жизнь его; онъ погребенъ въ Сагунахъ, гдѣ жилъ. Старуха мать, какъ убитая; лишилась послѣдняго сына. Теперь проситъ Настасью Михайловну, чтобы не покинула ее на старости и жила бы съ нею. Я писалъ къ Настасьѣ Мих. и какъ умѣлъ, старался утѣшить ее; а равно писалъ я и къ старухѣ. Съ наступающимъ праздникомъ прошу васъ покорнѣйше поздравить Катерину Ивановну, Наталью Никитишну и дѣтей.

Вотъ надгробная Рыжку.

Когда ты одаренъ чувствительной душею,
Вздохни, прохожій, глубоко;
Подъ сею насыпью простою,
Увы, лежитъ Рыжко!

Его завидовали долѣ
Всѣ лошади окрестныхъ деревень!
И не дождаться имъ во вѣкъ подобной холи!
Бывало, кучеру нѣтъ воли
Рыжка кнутомъ стегнуть за лѣнь;
Ему особенное стойло,
И сѣна вдоволь и овса
И въ Оредижи было пойло...
Работы жъ въ мѣсяцъ—три часа.
(Апрѣль, 1824).

IX. ПИСЬМА КЪ СВОЯЧИНИЦѢ И ЖЕНѢ.

1.

Воронежъ, января 14 дня, 1819.

Милая, несравненная сестрица, Настасья Михайловна! Вы желаете знать объ новостяхъ и веселостяхъ воронежскихъ? Что я скажу вамъ объ нихъ, когда я почти ни у кого и нигдѣ не бываю? Мнѣ здѣсь такъ грустно, такъ грустно, что я и выразить того не въ состояніи. Будучи разлученъ съ вами и съ милою, несравненною вашею сестрицею, какія могу я вкушать радости?... Одно, одно только удовольствіе осталось мнѣ: оно состоитъ въ воспоминаніи о прошедшемъ и въ ожиданіи блаженства въ будущемъ—вотъ единственное мое утѣшеніе, которымъ я еще наслаждаюсь.— Странно, чѣмъ ближе я къ своему блаженству, тѣмъ болѣе опасеній и боязни для моего сердца! Представьте себѣ... я вообразилъ, ужъ не заболѣлъ ли кто въ вашемъ домѣ!... Наконецъ, узнаю я, что всѣ вы здоровы и веселы. Это обрадовало меня и вмѣстѣ опечалило. Можно ли быть тому веселымъ, кто въ разлукѣ съ тѣмъ, кого любитъ! Ахъ, я по собственному опыту знаю, что невозможно. Къ тому-жъ сестрица ваша еще и насмѣш-

ница! Желаетъ мнѣ «проводить въ Воронежѣ въ радости и въ удовольствіи все время!» Не значитъ ли это думать, что я въ состояніи безъ нея радоваться и быть счастливымъ? Не значитъ ли это не довѣрять чувствамъ моего сердца? Богъ съ нею; пусть теперь сомнѣвается во мнѣ; время оправдаетъ меня и, можетъ быть, наградитъ такою-же точно любовію ко мнѣ Натальи Михайловны, какую я теперь и всегда питаю къ ней и буду питать въ душѣ своей. Можетъ ли она сомнѣваться во мнѣ?... Я въ Воронежѣ, но мысли мои, но сердце мое, но душа моя у васъ въ Подгорномъ. А здѣсь...

Ахъ, нѣтъ ея со мной! Безцѣнная далеко!
И я въ разлукѣ съ ней, сталъ точно сиротой!
Брожу въ уныніи, въ печали одинокой!
И все мнѣ говоритъ: ахъ, нѣтъ ея со мной!

Но, пройдетъ двѣ съ половиною недѣли и, можетъ быть, я въ силахъ буду сказать:

Какъ сладко вмѣстѣ быть!... Какъ тѣ часы отрадны,
Когда прелестной я могу сто разъ твердить:
Люблю, люблю тебя, мой ангелъ ненаглядный!
Какъ мило близъ тебя! какъ сладко вмѣстѣ быть!

Въ разсужденіи новостей, я ничего болѣе не могу вамъ сказать, какъ только то, что губернаторъ завтра, т. е. въ четвергъ, уѣзжаетъ въ С.-Петербургъ, гдѣ займетъ по министерству финансовъ мѣсто директора по части государственнаго хозяйства. Мѣсто важное, означающее къ нему довѣріе государя, который также прислалъ ему на проѣздъ 20,000 р., да за губернію 5000 десятинъ земли! Носятся слухи, что вся Россія будетъ раздѣлена на генералъ-губернаторства, какъ при Ека-

теринѣ — на намѣстничества, и что въ Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерніяхъ будетъ генералъ-губернаторомъ князь Голицынъ.

Да, позабылъ разсказать вамъ довольно забавный анекдотъ, недавно здѣсь случившійся, про который довольно долго здѣсь шумѣли. Извѣстно, что почти всѣ находящіеся здѣсь кабаки сняты Маринымъ, Чарыковымъ и, подъ чужимъ именемъ, и самимъ вицъ-губернаторомъ. Крѣпостные ихъ люди, продающіе въ кабакахъ вино, надѣясь одни на родство, а другіе на дружбу ихъ господъ съ Солнцевымъ, безъ всякой совѣсти обмѣривали покупщиковъ. Это разнеслось повсюду. Петръ Александровичъ, желая на опытѣ испытать то, въ партикулярномъ платьѣ, ночью поѣхалъ по кабакамъ. Пришедъ въ одинъ изъ нихъ, онъ дѣйствительно застаетъ сидѣльца, который обмѣривалъ... «Что ты дѣлаешъ братецъ? Зачѣмъ обмѣриваешь?» спросилъ Солнцевъ. Сидѣлецъ, не узнавъ вицъ-губернатора, отвѣчалъ: «И, баринъ, кому-жъ и обмѣривать, какъ не намъ? Нашъ вить баринъ-то родня Петру Александровичу!» (человѣкъ сей былъ Марина). Сей анекдотъ, который конечно бы должно было скрыть, самъ Солнцевъ по неосторожности разсказалъ за столомъ у своего тестя при многочисленной публикѣ. Но вотъ новость, которая вѣрно будетъ весьма пріятна Мих. Андреевичу и Матренѣ Мих.—при 306-мъ нумерѣ Инвалида увидѣлъ я, что приказомъ государя, отданнымъ отъ 26-го декабря, въ С.-Петербургѣ, конно-артиллерійской № 12 роты прапорщикъ Рылѣевъ увольняется отъ службы подпоручикомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. (Михайло Андреевичъ! За это можно выпить рюмку водки). И такъ теперь я свободенъ, или покрайней мѣрѣ очень скоро буду такимъ. Признаться, когда я прочелъ этотъ приказъ въ комиссіи, то такъ обрадовался, что даже на минуту позабылъ, что я не въ Подгорномъ!... Прилагаю при семъ два узора; радъ если понравятся вамъ; но извините, что такъ

худо срисовалъ: спѣшилъ. Надѣюсь, что и Ангелъ Херувимовна проститъ мнѣ то...

Прошу, м. с., не забыть бѣднаго, разлученнаго съ милѣйшими для него существами воронежскаго труженика, который отъ 6 часовъ утра до 3 вечера безпрестанно мерзнетъ въ комиссаріатскихъ лабазахъ, стараясь поскорѣй отдѣлаться отъ послѣднихъ хлопотъ службы. Попросите также милую сестрицу вашу, чтобы и она написала ко мнѣ, да чуръ побольше, какъ она проводитъ время, помнитъ ли меня? и проч...

2.

Харьковъ. Іюня 28 дня, 1822.

Милый другъ мой, Наташинька! Мы пріѣхали въ Харьковъ вчера, т. е. въ воскресенье, поутру. Наканунѣ ночевали отъ Харькова въ 6 только верстахъ на постояломъ дворѣ, ибо хотя и было еще рано, но по грязной дорогѣ лошади едва волочили бричку... Отсюда надо завтра на почтовыхъ на Ахтырку, Роменъ и Прилуки. Слѣдовательно, могу надѣяться быть у Алексѣя Мих. Подорожную я получилъ уже отъ губернатора. Прекраснѣйшій человѣкъ! Меня принялъ весьма ласково, распрашивалъ—зачѣмъ я въ Харьковѣ, и когда я ему сказалъ, то онъ весьма хвалилъ г-на Роберти.

Мишенька послѣ меня сталъ скучать и просился на время ко мнѣ, но г. Роберти не отпустилъ его. Онъ хотя и не сѣчетъ, но строго содержитъ учениковъ; они его любятъ, но вмѣстѣ и боятся... Самъ Роберти съ женою и дѣтьми кушаетъ всегда вмѣстѣ съ учениками. По русски почти не говорятъ, а все по французски или по нѣмецки.

Пиши ко мнѣ въ Кіевъ съ первою же почтою, ибо

я буду въ немъ, съ Божіею помощію, дня чрезъ четыре. Прощай.

Мой другъ! Хранитель Ангелъ мой!
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но гдѣ для страсти выраженья!

3.

Кіевъ. Іюля 7 дня, 1822.

Я былъ у братца Алексѣя Мих. въ эскадронѣ, но къ сожалѣнію не засталъ его, и пробывъ полторы сутки, принужденъ былъ поспѣшить въ Кіевъ, поручивъ капитану Балабину объявить ему о смерти почтеннѣйшаго батюшки... * Ты я думаю весьма удивилась, что я въ письмѣ изъ Харькова не послалъ даже и поклона Настинькѣ; мнѣ хотѣлось немножко разсердить тебя. Увѣдомляю тебя, что я не пробуду здѣсь и мѣсяца; все идетъ хорошо. Не знаю какъ будетъ далѣе.

Новостей я здѣсь не слышалъ. Только недѣль шесть назадъ случилось здѣсь весьма трагическое происшествіе. Одинъ гвард. офицеръ нашелъ въ Выборгѣ, что въ Финляндіи, портретъ одной прекрасной дамы и влюбился въ нее. Долго искалъ онъ оригинала въ Петербургѣ и другихъ городахъ, наконецъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ и находитъ то, къ чему стремился всею душею. Это была дочь генерала Рейхеля. Представь какое для него восхищеніе! Онъ старается познакомиться въ домѣ. Его полюбили и дали слово выйдти за него. Онъ пишетъ къ родителямъ своимъ. Между тѣмъ,

---

* Т. е. отца Натальи Михайловны.

невѣрная Лиза вдругъ перемѣняется и отказываетъ ему. Несчастный проситъ, умоляетъ ее возвратить ему прежнюю любовь, уже поздно. Вѣтреница уже полюбила другаго, и назначила день свадьбы. Бѣднякъ, получивъ письмо отъ отца, который позволялъ ему жениться, бѣжитъ съ онымъ въ домъ невѣрной; но жестокая принимаетъ его такъ холодно, такъ холодно, что несчастный схватываетъ пистолетъ, чтобы застрѣлиться; отецъ невѣсты вырываетъ у него оный, но онъ, выбѣжавъ на улицу, вскричавъ еще разъ: «Лиза, Лиза!» предъ ея окошками стрѣляетъ себѣ въ самое сердце! Въ оставленномъ письмѣ онъ просилъ, дабы портретъ невѣрной положили съ нимъ. Онъ похороненъ недалеко отъ города, въ дубовой рощѣ, безъ всякаго обряда, какъ самоубійца!—Жестокая Лиза чрезъ недѣлю обвѣнчалась съ другимъ! Вотъ каковы женщины!...

4.

Москва. 1824 года, декабря 9.

Я сей часъ ѣду въ Петербургъ. Москвою я чрезвычайно доволенъ: я былъ здѣсь принятъ, какъ нельзя лучше, гдѣ только ни былъ. Представь себѣ: я встрѣтилъ здѣсь Черновыхъ—Константина и Сергѣя Пахомовичей; они пріѣхали сюда стрѣляться съ Новосильцовымъ и уже чуть не было дуэли, наконецъ все кончилось миромъ. Отецъ и мать Новосильцова позволили ему жениться наконецъ, и скоро будетъ свадьба. Слава Богу, что такъ благополучно кончилось. Здѣсь только и говорятъ объ этомъ. Наводненіе въ Петербургѣ было ужасное, а равно и въ Кронштадтѣ корабли ходили по улицамъ. Не описываю тебѣ подробностей до пріѣзда въ Петербургъ... Я очень здоровъ: все еще дѣйствуетъ подгоренскій воздухъ...

Изъ Петербурга напишу объ своемъ пребываніи въ Москвѣ подробно къ тебѣ, такъ и къ Бедрагамъ. Теперь скажи имъ, что Денисъ Давыдовъ кланяется имъ.

5.

С.-Петербургъ. Декабря 14 дня, 1824.

Наконецъ я добрался до Петербурга. Ты, я думаю, уже слышала о бывшемъ здѣсь наводненіи и объ ужасахъ, которые оно произвело. Представь же себѣ мое удивленіе, когда я, въѣхавъ въ городъ, едва могъ замѣтить слѣды онаго. Не смотря на то, многіе однакожъ пострадали и еслибъ не пособія правительства и людей частныхъ — голодъ и нищета довершили бы зло, причиненное водою. Теперь почти всѣмъ потерпѣвшимъ сдѣлано возможное вспоможеніе. Мы же съ тобой должны благодарить Алекс. Алекс. Бестужева: наши люди совершенно потерялись, и еслибъ не было его, то мы лишились бы всей мебели и всего, что было въ комодахъ. Бестужевъ прежде сталъ законопачивать двери; когда же вода начала пробираться въ щели и сквозь полъ, онъ приказалъ мебели ставить однѣ на другія и выбирать изъ комодовъ все, и находясь почти попоясъ въ водѣ, до тѣхъ поръ не оставилъ квартиры, покуда все не прибралъ. Такимъ образомъ онъ спасъ все почти, и твой мѣхъ; попортились только мое бюро, письменный столъ, твой рабочій столикъ, половина моей библіотеки и еще кое-что. Прочее все спасено; да потонула корова. Въ комнатахъ воды было выше полтора аршина. Катерина Ивановна также пострадала; она съ дѣтьми провела около сутокъ на чердакѣ и лишилась довольно мебели; а что всего хуже потеряла Вѣрочку: крошечка умерла отъ простуды, точно тою-же болѣзнію, какъ и нашъ

Саша. * Теперь слава Богу ей помогли, и есть надежда, что царь назначитъ ей пенсіонъ. Веберъ ужасно пострадалъ; потери много. Прасковья Алексѣевна больна и живутъ въ одной гостиной и въ ужасной сырости. Наша прежняя квартира стоитъ теперь безъ оконъ; въ ней жилъ Нелидовъ и все потерялъ. Слава и благодареніе Богу, что мы выѣхали. По 16 линіи, гдѣ ни взглянешь, вездѣ опустошеніе. Передъ Вебера домомъ лежало нѣсколько утопшихъ. Представь себѣ ужасъ его. Множество домовъ совершенно снесено. Кронштадтъ также весьма пострадалъ. Но будь покойна: скоро не останется и слѣдовъ ужаснаго бѣдствія. Все, что можно было сдѣлать людямъ, люди все сдѣлали.

Объ себѣ скажу тебѣ, что я до Москвы отъ Воронежа ѣхалъ уже на саняхъ. Въ Москвѣ пробылъ недѣлю и никогда не забуду этого времени. Гостепріимная старушка Москва очень мила. Меня приняли и знакомые и незнакомые, какъ нельзя лучше, и я едва могъ выбраться: затаскали по обѣдамъ, завтракамъ и ужинамъ. Супруга Владиміра Ивановича барона Штейнгейль проситъ, что бы ты, во время проѣзда своего чрезъ Москву, остановилась въ ихъ домѣ; она обѣщаетъ показать тебѣ все любопытное. Я у нихъ былъ принятъ какъ родной — и это врѣзалось въ сердцѣ моемъ...

Касательно Мишеньки, я уже справлялся. Нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить его въ измайловскій полкъ. А это право нехудо... Бестужевы кланяются тебѣ; они уже пріѣхали...

---

* Сынъ Рылѣева умеръ ребенкомъ. Онъ былъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

6.

С. Петербургъ. Января 27 дня, 1825.

Письмо твое, въ которомъ увѣдомляешь меня о пріѣздѣ братца Алексѣя Мих., я получилъ вчера.... Объ себѣ скажу, что я благодаря Бога, здоровъ; но только часто страдаю припадкомъ скуки.... Какъ я былъ здоровъ въ Подгорномъ! Самъ удивляюсь и не знаю чему это чудо приписать: подгоренскому климату или подгоренскому добродушію.

Сколько разъ жалѣю я, что непреодолимыя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу, тогда какъ слабость здоровья, расположеніе, душевное желаніе, поэзія и чувства влекутъ меня на Украйну.

Сей часъ была у меня Татьяна Николаевна.... добрая женщина по сію пору плачетъ о маменькѣ.... Дома все благополучно.... Въ гостиной перекладывали печь; наводненіе совершенно ее испортило. Въ спальнѣ нашей велю также перекласть, но не прежде весны; тогда же будутъ и красить комнаты; у насъ въ комнатѣ воды было выше аршина. Впрочемъ большаго вреда не было. В. С. получила по случаю наводненія 2500 р. Въ деревнѣ продолжаютъ возить лѣсъ: уже привезено до 200 бревенъ. Весною съѣзжу въ деревню на недѣлю и займусь поправкою дома и флигеля къ твоему пріѣзду....

Могилка Саши цѣла.

7.

Вотъ я уже пишу къ тебѣ третье письмо изъ Петербурга, а ты еще только однимъ порадовала меня. Это, дружечикъ мой, стыдно и грѣшно. Пожалуста пиши хоть два раза въ мѣсяцъ: мнѣ очень скучно безъ твоихъ писемъ. Хочется знать обо всѣхъ васъ; ждешь почты; она приходитъ и вдругъ—ничего даже досадно.

Я по большей части сижу дома; принялся за Полярную Звѣзду: надѣюсь выдать къ Святой. Теперь же еще скопилось много дѣлъ по Компаніи, которыя всѣ въ этомъ мѣсяцѣ надобно будетъ окончить; хлопотъ пропасть. При тебѣ все бы шло веселѣе. Впередъ и на мѣсяцъ не разлучусь съ тобою. Пиши ко мнѣ.... у тебя столько предметовъ, объ которыхъ можешь писать ко мнѣ чуть не каждый день полъ-листа, а ты лѣнишься.

Здѣшніе всѣ здоровы.... Бестужевъ Николай произведенъ въ слѣдующій чинъ и уже щеголяетъ въ большихъ эполетахъ ... Локоны получишь передъ масляницей.

8.

Февраля 10 дня, 1825. С.-Пбургъ.

Письмо твое милое я получилъ на самой масляницѣ. Оно тѣмъ болѣе было мнѣ пріятно, что утѣшило въ скукѣ. Нынѣшняя масляница была мнѣ не въ масляницу.... Желаю, чтобъ ты провела лучше; да иначе быть не могло: находишься въ кругу добрыхъ родныхъ, съ которыми все мило.... а я былъ въ совершенномъ почти одиночествѣ — настоящій сирота. Одинъ только Бестужевъ могъ разсѣять грусть мою, но на ту пору и у него было свое горе—и мы вдвоемъ довольно мрачно проводили вечера. Къ этому еще захворалъ нервическою горячкою бѣдный Яковъ и нѣсколько дней находился въ опасности. Теперь, благодаря Бога, началъ онъ поправляться мало по малу. Теперь собралось много дѣлъ въ Компаніи, сверхъ того начато печатаніе Полярной Звѣзды—это все вмѣстѣ заняло меня и нѣсколько разсѣяло скуку и пустоту душевную наполнило.... На счетъ Мишеньки мнѣніе мое не перемѣнилось. Науки онъ можетъ еще лучше кончить здѣсь, въ Петербургѣ, подъ моимъ надзоромъ и при знаком-

ствѣ моемъ съ лучшими профессорами. Къ тому-жъ расходы будутъ тѣже; быть можетъ еще умѣреннѣе, жительствуя съ нами. Что же касается до большихъ, будто бы, издержекъ для содержанія его въ гвардіи, я болѣе ничего сдѣлать не могу, какъ только указать на Мих. Петр. Малютина и сотню другихъ гвард. офицеровъ, служащихъ здѣсь при самомъ ничтожномъ вспомоществованіи со стороны родныхъ. При томъ же лучше двѣ-три тысячи издержать лишнія, но видѣть за то молодаго человѣка въ хорошемъ обществѣ и быть покойнымъ на счетъ его нравственности и образованія, теперь для каждаго необходимомъ. Знакомство мое будетъ и для него знакомствомъ; а тебѣ извѣстно, что я онымъ счастливъ.

9.

Изъ письма 20 февраля, 1825. С.-Пбургъ.

Я по прежнему сижу все дома вмѣстѣ съ Бестужевымъ и работаемъ для Полярной Звѣзды. Напечатано больше половины....

10.

С.-Петербургъ, февраля 26 дня, 1825 г.

Письмо твое, отъ 2-го числа февраля, получилъ. Вижу, что ты тоскуешь очень, не получивъ отъ меня около двухъ недѣль письма. Не понимаю, отчего письма мои не доходятъ къ тебѣ: я пишу постоянно чрезъ двѣ недѣли и часто каждую. Только предъ послѣднимъ письмомъ не писалъ недѣли три: былъ въ хлопотахъ какъ по службѣ, такъ и по изданію Полярной Звѣзды. Сверхъ того самъ грустилъ и при всемъ этомъ боялся

за Якова, который былъ при смерти. А ты, мой другъ, могла написать, что я можетъ быть тебя забылъ! Мнѣ это очень больно и обидно. Будто въ столько лѣтъ ты не могла увѣриться въ моей къ тебѣ любви и привязанности. Чѣмъ сомнѣваться въ чувствахъ моихъ, ты взяла бы подорожную, сѣла въ сани и пріѣхала бы сюда—это было бъ лучше. Въ другомъ мѣстѣ письма твоего ты думаешь, что сержусь на тебя. Но зачто? Какъ тебѣ не стыдно такой вздоръ думать, и еще болѣе плакать. Видно, что ты стала слишкомъ грустить я и самъ грущу безъ тебя, мой милый ангелъ, но чтоже дѣлать! мы сами виноваты: ты въ томъ, что осталась на такое долгое время въ Подгорномъ; а я, что позволилъ тебѣ остаться. Впередъ этой милости отъ меня не ожидай... Мишеньку непремѣнно надобно привезти сюда, а то онъ много потеряетъ время, да и лучше ѣхать съ братомъ. Денегъ я на дорогу вышлю тебѣ чрезъ недѣли три. Если же почему либо ты не получишь оныхъ въ половинѣ мая, то достань сама и выѣзжай съ подорожною по-почтѣ. Лошадей я раздумалъ покупать въ вашихъ краяхъ. Впрочемъ объ этомъ я еще буду писать къ тебѣ. Во всякомъ случаѣ я болѣе тысячи, рублей не въ состояніи буду послать тебѣ. Не позабудь одѣть Настиньку потеплѣе, да дорòгой не давай ей воды безъ вина.... Бестужевы кланяются тебѣ и всѣ упрекаютъ меня, что я рѣшился разстаться съ тобою на восемъ мѣсяцевъ. Тебѣ также достается и по-дѣламъ...

11.

Очень радъ, что ты успокоилась моими письмами. Благодарю тебя и сестрицу за увѣдомленіе объ Настинькѣ. Поцалуй ее и благослови за меня. На счетъ раздѣла твое дѣло, а я на все буду согласенъ, на что ты будешь согласна, чтобъ сдѣлать угодное братцу Алексѣю Мих. Не знаю, почему сестрицѣ не выйти за Раевскаго...

Вчера здѣсь былъ пожаръ; сгорѣлъ до тла новый деревянный театръ, который былъ построенъ у Чернышева моста. Въ немъ и двадцатипяти разъ не успѣли съиграть; пожаръ былъ 12 час. ночи; я ѣздилъ съ Бестужевымъ смотрѣть—ужасная картина!

Дома у насъ все благополучно... Все въ цѣлости, только не выкрашены стѣны, что сдѣлаю я въ концѣ апрѣля. Готовься къ дорогѣ; я скоро пришлю деньги; уговори матушку послать передъ святой недѣлею за Мишею, чтобъ онъ не задержалъ тебя. Всѣ вы вмѣстѣ съ братцемъ Алексѣемъ Мих. затѣяли вздоръ, вздумавъ опредѣлить его по министерству. Ему необходимо служить въ гвардіи: расходовъ лишнихъ не будетъ, это я беру на себя. Только, ради Бога, привези его съ собою; я писалъ объ этомъ къ Алексѣю Мих...

3 Марта, 1825.

12.

Письмо твое, я имѣлъ удовольствіе получить. Благодарю и цалую тебя за него. Одно мнѣ только досадно и на тебя и признаться на всѣхъ васъ, даже и на почтеннѣйшую матушку Матрену Мих. Это за вашу общую нерѣшимость насчетъ Мишеньки: Не понимаю, какъ можно думать, что лучше и дешевле кончить въ Харьковѣ. Я кажется писалъ объ этомъ довольно обстоятельно. А я вижу: тутъ замѣшалась слабость маменьки, которую поддерживаетъ слабость сестрицы и словà братцевъ, что въ гвардіи содержаніе дорого, такъ для этого надо служить по министерству. Кто же вамъ сказалъ, что по министерству служба дешевлѣ? Таже—если не дороже. Я повторяю, что если можно служить Малютину, то можно и Тевяшеву. Да если и желаете вы, чтобы онъ выгоднѣе началъ службу, то все таки лучше въ гвардіи. Прослуживъ года четыре, онъ можетъ вступить въ службу гражданскую, прямо

*

титулярнымъ совѣтникомъ, а пять—такъ коллежскимъ ассесоромъ или надворнымъ совѣтникомъ. Ради Бога, уговори маменьку отправить его съ тобой, иначе Миша пропадетъ. Пусть хоть послѣднее время не пропадетъ у него даромъ. На первый годъ болѣе тысячи, а можетъ и болѣе 800 р. не будетъ нужно; а въ Харьковѣ все дороже. Прощай, будь здорова, на слѣдующей почтѣ вышлю къ тебѣ деньги.

Апрѣля 3 дня, 1825.

13.

Не знаю застанетъ ли мое письмо тебя въ Острогожскѣ, но на всякой случай пишу. На оборотѣ найдешь росписаніе станцій отъ Воронежа и сколько на каждой должно будетъ платить за 4 лошади. Сверхъ того давай вездѣ копѣекъ по 20 на водку, если хорошо и бережно будутъ везти. Разсчетъ пускай В... ведетъ, если онъ ѣдетъ съ тобой. Подорожную возьми на три лошади, а плати вездѣ за четыре—лучше везти будутъ. Береги себя и Настиньку; останавливайся ночевать, когда устанете. Въ Воронежѣ купи хорошаго вина, чтобъ дорогою подкрѣплять и себя и Настиньку. Прощай, мой другъ, будь здорова и поспѣшай къ другу, который стосковался по тебѣ...

Апрѣля 30 дня, 1825.

X. ПЕРЕПИСКА СЪ ЖЕНОЮ ИЗЪ КРѢПОСТИ.

1.

Увѣдомляю тебя, другъ мой, что я здоровъ. Ради Бога, будь покойна. Государь милостивъ. Положись на

Бога—и молись. Настиньку благословляю. Увѣдомь меня о своемъ и ея здоровьѣ. Твой другъ К. Рылѣевъ. *

19 декабря, 1825.

—

Отвѣтъ. Другъ мой, не знаю какими чувствами, словами изъяснить непостижимое милосердіе нашего Монарха. Третьяго дня обрадовалъ меня Богъ: Императоръ прислалъ твою записку и вслѣдъ за тѣмъ 2000 р. и позволеніе посылать тебѣ бѣлье. Теперь умоляю тебя, молись небесному Творцу: все существо наше въ его власти. Наставь меня, другъ мой, какъ благодарить отца нашего отечества. Я не такъ здорова; Настинька подлѣ меня про тебя спрашиваетъ и мы всю надежду нашу возлагаемъ на Бога и на Императора. Остаюсь любящая тебя Наталья Рылѣева. Пиши мнѣ, ради Бога. При семъ посылаю тебѣ двѣ рубашки, двое чулокъ, два платка, полотенце.

Декабря 21, 1825.

—

На оборотѣ этого письма, ровно черезъ полгода, около 21 іюня 1826 г., было набросапо рукою Рылѣева: Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій

---

* Жена К. Ѳ. Рылѣева 19 декабря подала прошеніе на Высочайшее имя, объ объявленіи ей, гдѣ находится ея мужъ и о разрѣшеніи допускать ее къ нему. Между тѣмъ, покойный Государь еще наканунѣ разрѣшилъ Рылѣеву переписываться съ женою. Оффиціально-же объявлено ей, 23 декабря, что на прошеніе ея соизволенія не послѣдовало.—Всѣ письма Рылѣева адресованы: «Натальѣ Михайловнѣ Рылѣевой. У Синяго моста, въ домѣ Россійско-Американской Компаніи»; а ея письма: «Кондратію Ѳедоровичу Рылѣеву» и на каждомъ иной рукою выставленъ № 17, т. е. № казамата, въ которомъ онъ былъ заключенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

и политическихъ правилъ. Такъ, Государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно; но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, Государь! будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я, съ самаго вступленія моего въ Думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую и твое милосердіе и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной. *

2.

Милосердіе Государя и поступокъ Его съ тобою потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить Его. Молись, мой другъ, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ Онъ Россію своимъ царствованіемъ. Ты пишешь, что ты

---

* Рылѣевъ началъ сперва такъ: «Послѣ 10-лѣтнихъ заблужденій моихъ», потомъ: «Богъ насильно привлекъ меня къ себѣ» и пр. Въ самомъ наброскѣ помарки незначительны.

не такъ здорова. Ради Бога, береги себя. Положись на Всевышняго и на милосердіе Государя и укрѣпи себя. Настиньку поцалуй и благослови за меня. Сего дня день ея именинъ: поздравь ее. За бѣлье благодарю тебя; чрезъ недѣлю пришли опять. Я, благодаря Бога, здоровъ. Безпокоюсь о тебѣ. Ради самого Создателя, береги себя. Увѣдомляй меня о себѣ и о Настинькѣ; также о родныхъ нашихъ. Успокой матушку свою и сестрицу, и засвидѣтельствуй имъ мое почтеніе. Вѣрѣ Сергѣевнѣ мое душевное почтеніе Попроси ее, чтобы она тебя навѣщала чаще. Въ твоемъ горѣ ея совѣты могутъ быть для тебя полезны; тебя же, мой другъ, прошу простить меня; чувствую какъ ужасно я огорчилъ тебя.—Съ бѣльемъ незабудь прислать фуфайку.

23 Декабря, 1825.

Отвѣтъ. Ахъ, другъ мой, благодарю тебя за утѣшительное письмо твое: я его получила въ самый день праздника Рождества Христова. Оно облегчило нѣсколько мое сердце. Настинька, слава Богу, здорова и я съ нею. Молю Всемогущаго, да утѣшитъ меня извѣстіемъ, что ты невиненъ. Заклинаю тебя не унывай, въ надеждѣ на благость Господню и на сострадавіе ангелоподобнаго Государя Императора! Неизъяснимы милости, вновь оказанныя. Добродѣтельнѣйшая Императрица Александра Ѳедоровна прислала мнѣ 22 числа, т. е. въ именины Настиньки, тысячу рублей. Чѣмъ я могу, несчастная сирота, возблагодарить милосерднѣйшую Монархиню? Богъ видитъ слезы благодарности: онѣ проводятъ меня до могилы. Но до тѣхъ поръ, да сохранитъ Спаситель твое здоровье. На Бога и на милосердіе Государя нашего надѣюсь. Отъ маменьки * и сестрицы я получила письма: онѣ, слава Богу, здоровы, но къ нимъ еще не могу рѣшиться писать. Въ моемъ

---

* Матрена Михайловна Тевяшева.

несчастіи Прасковья Васильевна * меня не оставляетъ. Вѣра Сергѣевна была у меня одинъ разъ и то на минуту. Анна Ѳедоровна тебѣ кланяется. Настинька тебя все дожидаетъ: она думаетъ, что ты въ Москвѣ. Пиши мнѣ, ради Бога.... Фуфайку пришлю съ бѣльемъ.

Декабря 26-го, 1825.

На этомъ письмѣ рукою Рылѣева: Катер. Ив. Малютиной 2000. Булдакову 3500. Компаніи 3000. За деревню въ ломбардѣ 8000 (каждый годъ съ 2 іюля по 700 или 800 р.). За серебро 2200. Разнымъ лицамъ 1000. (Всего) 19.700.—На Пущинѣ около 1500 р. Онъ оставилъ объ томъ письмо отцу своему, сенатору.—У Петра Александр. Муханова надо будетъ спросить: кому онъ поручилъ домъ въ Кіевѣ; за нимъ по моему счету еще 2000 р.; 5 тыс. онъ переслалъ ко мнѣ въ разное время чрезъ Пущина. За Орлицкимъ 200 р. За Миллеромъ 100 р. Въ Военной типографіи до 200 экз. Полярной Звѣзды на 1825 годъ. У Сленина 100 экз. Думъ. У Селивановскаго въ Москвѣ по 50 экз. Думъ и Войнаровскаго.—Въ бюро: крѣпости и 10 акцій Р. Амер. Компаніи. На Ѳ. П. Миллерѣ 100 р.

Приписные къ деревнѣ 1 чел. Прокофьева и 1 Неймана.—Мишка и Олимпіада должны быть вольные: они имѣютъ на то право и это желаніе покойной матушки.

О кіевскомъ домѣ надо писать къ надв. сов. Ивану Семен. Зубковскому или стат. сов. Матвѣю Вас. Могилянскому. Документы на домъ сей и планъ потеряны Ѳ. П. Миллеромъ. Въ Кіевѣ еще въ Главномъ Судѣ есть вексель въ 1000 р. за каретникомъ Книппе. Домъ и вексель сей, на который въ десять лѣтъ наросло еще 1000 р., я дарю Аннѣ Ѳедоровнѣ. Жалѣю, что больше не могу. Я самъ получилъ изъ Кіева вмѣсто 10000 только 5000 р. по милости Муханова. Домъ мо-

* Устинова.

жетъ она сейчасъ продать, а о деньгахъ надо похлопотать и просить кн. Александра Сергѣевича Голицына, чтобы онъ далъ отъ себя свидѣтельство, что онъ отъ иска на покойномъ батюшкѣ отказывается: подобныя свидѣтельства отъ 6-ти братьевъ ужъ получилъ. *

3.

Ради Бога, не унывай, мой добрый другъ; безъ воли Всемогущаго ничего не дѣлается! я здоровъ; береги свое здоровье—оно нужно для нашей малютки. Молись Богу за императорскій домъ. Я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицею глубоко врѣзались въ сердце мое. Что̀ бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ. Быть можетъ, скоро позволятъ мнѣ увидѣться съ тобою; тогда привези и Настиньку. Впрочемъ, если она думаетъ, что я въ Москвѣ, то не лучше-ли будетъ оставить ее въ сихъ мысляхъ. Сдѣлай, какъ найдешь лучше. Благодари за меня почтеннѣйшую Прасковью Васильевну, за то, что она тебя не оставляетъ. Истинные друзья узнаются въ несчастіи. Скажи ей, что моя благодарность къ ней вѣчна. Богъ видитъ сердце мое. Здорова ли Катерина Ивановна и ея семейство. Засвидѣтельствуй ей мое почтеніе. Сестрицу благодари и кланяйся. Настиньку обойми; тебѣ должно беречь себя. Отъ твоего спокойствія зависитъ мое. Положись на Всемогущаго: Онъ благъ, Государь милосердъ.

Декабря 28 дня, 1825.

Отвѣтъ. Милый другъ мой, ты пишешь, безъ воли Всемогущаго ничего не дѣлается; я это знаю—и полага-

---

* Писано, вѣроятно, около 13 апрѣля 1826 г.

юсь твердо на Него. Напоминаешь, чтобъ я молилась Богу за Императорскій домъ; я молюсь и буду молиться до гроба съ невинною малюткою: Богъ услышитъ ея моленія. Мое существованіе напоминаетъ мнѣ, что благость Всемогущаго и милосердіе августѣйшаго дома подкрѣпляютъ бытіе мое. При всей несчастной участи, я еще могу ходить, говорить, видѣть и слышать, то кто благодѣтель сему, какъ не Всевышнее существо и милосердіе Монарха, отца нашего. Ты могъ заблуждаться и можешь впредь, но быть неблагодарнымъ не можешь: эти слова твои, какъ истиннаго христіанина, чистое раскаяніе. Молись, мой другъ, Всевышнему—да укрѣпитъ тебя въ добромъ намѣреніи; я знаю чистую душу твою, надѣюсь, что ты постараешься загладить поступокъ свой и возвратить милость и любовь отца отечества нашего. Быть можетъ, ты говоришь, мой другъ, будетъ позволено съ тобою видѣться. Я нѣсколько разъ читала; не вѣрю глазамъ, что ты пишешь; нѣтъ, это мечта; я, кажется, не доживу этой минуты. Ты знаешь душу мою, мои чувства; представь себѣ мое положеніе: одна въ мірѣ съ невинною сиротою! Тебя одного имѣли и все счастіе полагали въ тебѣ. Николай Ив. и Марья Ѳедор. тебѣ кланяются; они меня навѣщаютъ. Кат. Ив. съ семействомъ здорова. Пр. Вас. кланяется. Настинька кланяется и ручку цалуетъ. Прощай, другъ мой, будь здоровъ.

Декабря 30-го, 1825.

4.

Изъ письма твоего вижу, мой милый другъ, какъ ты страдаешь. Прошу тебя, ради Создателя, не изнуряй себя горестью. Вспомни, что у тебя дочь. Покорись волѣ Всемогущаго и уповай на благость его святую. Старайся устроить хозяйственныя дѣла наши; всѣ бумаги и документы лежатъ въ бюро. Счеты по опеку-

ству надъ дѣтьми Катерины Ивановны тамъ же. Ихъ надо сохранить для отчета. Марьѣ Ѳед. и Ник. Ив. мое душевное почтеніе и благодарность. Я прошу ихъ навѣщать тебя. Кат. Ивановнѣ и всему семейству пожелай всякаго благополучія и здоровья. Почтеннѣйшей Праск. Вас. мое почтеніе. Увидѣться съ тобою надѣюсь скоро. Государь обѣщалъ. На счетъ мой будь покойна. Повторяю: отъ твоего спокойствія зависитъ мое. Обнимаю тебя и Настиньку; поцалуй ее за меня. Я здоровъ.

Января, 4 дня, 1826.

Ради Бога увѣдомь меня откровенно о своемъ здоровьи; не обманывай меня; я не могу повѣрить, что бы ты была здорова. О Настинькѣ также. Если Настинька захвораетъ, то пожалуста возьми опять Зеланда; а если ты—Сальмона. Повторяю, что твоя обязанность беречь себя—и молиться Богу. Матушку свою старайся приготовить къ горестному извѣстію обо мнѣ. Прежде напиши, что я нездоровъ.

Отвѣтъ. Милый мой другъ, страданіе мое не прекратится по тѣхъ поръ, какъ я увижу тебя свободнымъ и достойнымъ вѣрноподданнымъ отцу отечества нашего. Тогда страданія кончатся, тогда здоровье мое возвратится, тогда свободно буду дышать. Впрочемъ чистосердечно скажу тебѣ, мой горестный другъ, я не лежу въ постели, но не знаю сама, что я. Между страхомъ и надеждою, жду рѣшительной минуты. Покоряюсь волѣ Всемогущаго, уповаю на благость его. Настинька здорова; она ѣздила вчера съ Пр. Вас. къ Іордани и слушала, какъ пушки палили. Я ее предупреждаю, что скоро поѣдемъ въ Москву къ папенькѣ. Она рада, суетится, спрашиваетъ: скоро-ли? и молится усердно Богу. Я много обязана Авдотьѣ Петровнѣ: она меня не оставляетъ; Настиньку очень ласкаютъ; она тамъ почти всякій вечеръ у дѣтей и тебѣ кланяются. Что ты не пишешь, не нужно-ли бѣлья? Ради Бога, мой

другъ, пиши мнѣ о своемъ здоровьи. Настинька тебѣ ручку цалуетъ. Остаюсь любящая по гробъ мой тебя.

Января 7-го, 1826.

5.

Очень радъ, мой другъ, что ты подкрѣпляешь себя вѣрою. Ты всегда была добрая христіанка: Богъ тебя не оставитъ въ горѣ твоемъ. Жди рѣшительной минуты съ надеждою на благость Всемогущаго и милосердіе Государя. Думаю, что минута сія недалека. Ты безпокоишься о моемъ здоровьи напрасно. Увѣряю тебя, что я совершенно здоровъ, хотя правда нѣсколько дней и былъ немного боленъ, но это было слѣдствіемъ прежней простуды. Я не нахожу словъ для изъявленія душевной моей благодарности почтеннѣйшей Праск. Вас.: вижу, что она у тебя безпрестанно. Богъ воздастъ ей за то. Почтеннѣйшей Авд. Петр. мое почтеніе. Равно Ивану Вас. * Чувствую, какъ онъ и прочіе гг. директоры въ правѣ негодовать на меня. Виноватъ. Богъ видитъ душу мою. Настиньку поцалуй и благослови. Скажи, чтобы она у Праск. Вас. и у Авд. Пет. поцаловала ручки, за то, что не оставляютъ ее и маминьку. Бѣлья пришли мнѣ полную перемѣну, да сверхъ того два бѣлыхъ шейныхъ платка, да два колпака. Прощай, мой другъ.

14 Января, 1826.

Отвѣтъ. Будь покоенъ, мой другъ, что я истинная христіанка, вѣрю что есть создавшій насъ Творецъ и пекущійся объ насъ. Но что я говорю—за кого воплотился, поруганъ, мучимъ, пролилъ кровь, чтобъ обмыть нашу совѣсть, искупить погибшихъ; претерпѣлъ

---

* Прокофьевъ—одинъ изъ директоровъ Р. А. Компаніи.

смерть, чтобъ даровать намъ жизнь, съ тѣмъ, чтобъ мы были причастники славы Его; чистое раскаяніе грѣшника пріемлетъ паче праведнаго, то въ чемъ могу я усомниться? Накажи, испытай, но не до конца прогнѣвайся на насъ. Милосердъ Творецъ! Неужели пріемлющій образъ его на земли не подобенъ ему. Нѣтъ! скорѣе повѣрю, что будетъ вѣчная тьма на землѣ, нежели правосудіе Божіе и чадолюбиваго Отца отечества нашего не будетъ существовать. Мы не на словахъ, но на самомъ дѣлѣ видимъ милосердіе его къ намъ. Ты говоришь, что Богъ видитъ сердце твое: если оно чисто, то и дѣла также; Богъ милосердъ, Государь справедливъ. — Въ прежнихъ письмахъ твоихъ, другъ мой, ты утѣшалъ меня скорымъ свиданіемъ, но въ послѣднемъ ни-слова. Что это значитъ? Вѣрно ты очень боленъ или что скрываешь отъ меня; увѣдомь, ради Бога, меня. Отъ маменьки и сестрицы я получила письмо: онѣ тебѣ кланяются. Настинька ручку цалуетъ; собирается къ тебѣ ѣхать. Бѣлье посылаю все, что ты просилъ, нужное для тебя. Прощай, мой другъ, дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ.

16-го января, 1826.

6.

Ты напрасно безпокоишься, мой милый другъ, о моемъ здоровьи. Я истинно здоровъ, и не стану обманывать тебя. Я уже писалъ тебѣ, что я былъ нѣсколько боленъ прежде, но это было слѣдствіе прежней простуды; теперь же я совершенно оправился. Безпокоюсь только о тебѣ; боюсь, чтобы ты въ своемъ горѣ не впала въ какую нибудь болѣзнь; ты и безъ того такъ часто страдала грудью. Ради Бога, береги себя, другъ мой. Я это пишу къ тебѣ во всякомъ письмѣ и все боюсь, что ты просьбы моей не исполняешь. Пожалуста увѣдомь меня подробно о состояніи своего здоровья и кто

тебя лечитъ. Также о Настинькѣ. Бѣлья больше мнѣ не нужно, а пришли мнѣ пожалуста всѣ 11 томовъ Карамзина Исторіи; но не тѣ, которые испорчены наводненіемъ, а лучшіе: они кажется стоятъ въ большомъ шкапу; да прикажи также пріискать въ книжныхъ лавкахъ книгу: О подражаніи Христу, перевода М. М. Сперанскаго.

Изъ того, что я не писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ о нашемъ свиданіи, которое мнѣ обѣщано, ты заключила, что я долженъ быть боленъ. Я и теперь больше ничего не могу тебѣ написать касательно сего, какъ только то, что я надѣюсь скоро увидѣться съ тобой; тогда ты увидишь, что я точно здоровъ; а до того пиши ко мнѣ и пришли книги. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ, и особенно Прасковьѣ Вас., мое почтеніе. Настиньку обнимаю.

21 Января, 1826.

Отвѣтъ. Милый другъ мой, ради Бога, не безпокойся обо мнѣ: я здорова. Береги ты свое здоровье—оно дороже для Настиньки, нежели мое: ты ей можешь счастіе составить, а я—ничего. Сдѣлай одолженіе, мой другъ, не унывай, положись на Бога и милосердіе нашего Монарха. Ты спрашиваешь, мой другъ, кто меня лечитъ? Кто можетъ лечить отъ душевной скорби, кромѣ Бога! Твои письма—мое лекарство. Ежели-бъ не царское милосердіе надъ нами, то вѣрно-бы я уже не могла этого перенесть. Съ каждымъ твоимъ письмомъ я получаю новыя силы и надежду. И теперь я здорова, молюсь Богу съ Настинькою за императорскій домъ и надѣюсь на милосердіе. Настинька, слава Богу, здорова; она съ такимъ удовольствіемъ письма твои слушаетъ, когда я читаю, и спрашиваетъ: скоро-ли папенька пріѣдетъ? Наши всѣ здѣшніе родные и знакомые здоровы и кланяются тебѣ. Отъ маменьки и сест-

рицы не получаю писемъ. Настинька тебѣ ручку цалуетъ. Прощай, мой другъ, будь здоровъ.

Января 25-го 1826.

7.

Послѣднее письмо твое меня много успокоило насчетъ твоего здоровья; ради Бога, не разстроивай его скорбью: мать нужнѣе дочери нежели отецъ. Положись на Создателя: Онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Благодарю тебя за твои письма, мой милый другъ. Можешь представить себѣ какое удовольствіе доставляютъ они мнѣ. Пожалуста увѣдомляй меня подробнѣе о Настинькѣ. Благодарю тебя также за присланную книгу: она питаетъ меня теперь. Совѣтую тебѣ снова прочесть ее: въ часъ скорби она научаетъ внятнѣе, и высокія истины ея тогда доступнѣе. Роднымъ и знакомымъ нашимъ мое почтеніе скажи. Я, благодаря Бога, здоровъ. Настиньку поцалуй и благослови.

Февр. 5. 1826. Я просилъ тебя прислать Карамзина Исторію; ты вѣрно позабыла. Пожалуста пришли.

Отвѣтъ. Мой милый другъ, какъ мучительно провела я время! Такъ долго не получала отъ тебя отвѣта на послѣднее мое письмо. Ты можешь себѣ представить! Слава Богу, теперь успокоилась: все утѣшеніе мое въ нихъ; перечитываю ихъ нѣсколько разъ и будто съ тобою бесѣдую. Наконецъ, чтожъ съ надеждою душа моя обращается къ Всевышнему: онъ видитъ сердце мое осиротѣвшее, неужели лишитъ того, въ комъ я полагала все счастіе и спокойствіе моей жизни. Пишешь, мой другъ, что мать нужнѣе дочери; правда, но не въ такомъ положеніи. Настинька, слава Богу, здорова. Отъ маменьки я получила (письмо) и отъ сестрицы; онѣ тебѣ кланяются; наши всѣ знакомые кла-

няются. Пиши мнѣ, ради Бога, чаще. Прощай... Настинька ручку цалуетъ. Очень рада, мой другъ, что книга «Подражаніе Христу» приноситъ тебѣ удовольствіе. Исторію Карамзина я не посылаю, боясь препятствія въ оной пересылкѣ.

9-го февраля, 1826.

8.

Ты пишешь мнѣ, мой милый другъ, что ты мучилась, долго не получая отъ меня отвѣта на послѣднее твое письмо. Вѣрю, другъ мой; но надобно имѣть болѣе твердости и надежды на Создателя. Если сердце твое съ надеждою обращается къ Нему, какъ пишешь ты, то не унывай и будь увѣрена, что Онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ и все устроитъ къ лучшему. Я совершенно предался Его святой волѣ и съ тѣхъ поръ совершенно успокоился, какъ въ разсужденіи тебя съ Настинькой, такъ и на счетъ участи, какую предназначаетъ мнѣ милосердіе Государя. Тебѣ тоже надо сдѣлать. Я, благодаря Бога, здоровъ. Поцалуй Настиньку и скажи, чтобы она училась прилежнѣе. Роднымъ и знакомымъ засвидѣтельствуй мое почтеніе, особенно-же Прасковьѣ Васильевнѣ. Что бѣдная Прасковья Михайловна и дочери ея? Какъ переносятъ они горе свое.

Февраля 15, 1826.

Отвѣтъ. Милый мой другъ, какая радость для меня: я совсѣмъ не полагала такъ скоро отъ тебя получить письмо. Спѣшу и къ тебѣ писать. Чувствую какое удовольствіе можетъ приносить переписка въ такой горестной жизни. Сколько разъ перечитываю. Забудусь — какъ будто съ тобой говорю и слушаю твои наставленія. Истинно ничѣмъ невозможно перемѣнить участь нашу, кромѣ Бога и милосердаго отца нашего,

Государя. Да будетъ воля ихъ. Совершенно полагаюсь: отъ нихъ зависитъ жизнь и счастіе, какъ твое, равно и мое, съ невинною нашею малюткою. Молю Всевышняго, да сохранитъ и продлитъ жизнь всему благословенному дому Императора нашего. Молю, да спасетъ тебя и подкрѣпитъ меня Его святая воля. Настинька и я здоровы. Пиши, мой другъ, твои письма для меня пища. Маменька и сестрица тебѣ кланяются. Пр. Мих. и дочери тоже въ горести. Пр. Вас. благодаритъ, что ты ее помнишь; она со мною неотлучно; я ей много благодарна. Родные и знакомые наши тебѣ кланяются. Прощай, мой другъ, будь здоровъ... Вѣра Серг. тебѣ кланяется; она теперь нездорова.

20 февраля, 1826.

На оборотѣ набросано, съ помарками, рукою Рылѣева: Полагая необходимымъ привести въ устройство дѣла свои и будучи не въ состояніи самъ заняться тѣмъ, прошу тебя принять въ полное свое распоряженіе, какъ имѣніе мое, состоящее С.-Петербургской губерніи, Софійскаго уѣзда, въ деревнѣ Ботовѣ, такъ равно домъ, находящійся въ Кіевѣ, и десять акцій Россійско-Американской компаніи, мнѣ принадлежащія, съ правомъ все упомянутое имущество мое или по твоему усмотрѣнію какую либо часть изъ онаго, въ случаѣ надобности, продать для уплаты долговъ моихъ разнымъ лицамъ. Равномѣрно прошу тебя принять на себя ходатайство по производящемуся въ Кіевскомъ Главномъ Судѣ дѣлу покойнаго родителя моего, подполковника Ѳедора Андреевича Рылѣева съ кн. Александромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, и по всѣмъ симъ дѣламъ, или по какимъ либо могущимъ встрѣтиться, подавать отъ имени моего прошенія и за меня подписываться, и что ты по онымъ ни сдѣлаешь, или тотъ, кого ты уполномочишь, я спорить и прекословить не буду. Въ чѣмъ я тебѣ вѣрю.

---

9. *

Ты я думаю, мой другъ, чрезвычайно безпокоилась, такъ долго не получая отъ меня извѣстія, но напрасно: я здоровъ и съ дня на день болѣе и болѣе успокоиваюсь, возлагая всю мою надежду на Создателя. Повѣрь, мой другъ, что самое несчастіе мое принесло мнѣ уже важныя пользы. Пробывъ три мѣсяца одинъ съ самимъ собою, я узналъ себя лучше, я разсмотрѣлъ всю жизнь свою — и ясно увидѣлъ, что я во многомъ заблуждался. Раскаяваюсь и благодарю Всевышняго, что онъ открылъ мнѣ глаза.[1] Чтобы со мной ни было, я столько не утрачу, сколько пріобрѣлъ отъ моего злополучія;[2] жалѣю только, что я уже болѣе не могу быть полезнымъ моему отечеству и Государю, столь милосердному. Ради Бога, и ты имѣй, мой милый другъ,[3] болѣе твердости и надежды на благость Творца. Я знаю твою душу и совершенно увѣренъ, что Онъ ни тебя, ни малютки нашей не оставитъ безъ своего покровительства. Надѣйся и на милосердіе Государя и молись Богу не за одного меня, но за всѣхъ, кто пострадалъ вмѣстѣ со мною.[4] Скажи мое истинное почтеніе Прасковьѣ Васильевнѣ. Благо-

---

* Это письмо доставлено г-жѣ Рылѣевой взамѣнъ написаннаго ея мужемъ отъ 11 марта, которое тогда было удержано, но послѣ смерти К. Ѳ. выдано вдовѣ вмѣстѣ съ ея письмами.

[1] Этой фразы не было въ письмѣ отъ 11 марта.

[2] Въ письмѣ отъ 11-го было: Благодарю за то каждый день Всевышняго и жалѣю объ одномъ только и пр., а подчеркнутыхъ далѣе словъ не было.

[3] Было: Ради Бога, мой милый другъ.

[4] Въ письмѣ отъ 11-го было далѣе: многіе изъ нихъ истинно достойны милосердія царскаго и заслуживаютъ лучшей участи. Скажи и пр.

дарю ее душевно, что она тебя въ твоемъ горѣ не оставляетъ. Да воздастъ ей за то Богъ. Дай Богъ, чтобы это письмо застало уже Вѣру Сергѣевну здоровою. Здорова ли Катерина Ивановна съ семействомъ, а также Николай Ивановичъ и Марья Ѳедоровна. Увѣдомь меня о себѣ и о Настинькѣ. Прощай, мой милый другъ, да ниспошлетъ тебѣ Господь спокойствіе и твердость.

Марта 13 дня, 1826 г.

Отвѣтъ. Мой милый другъ! Въ несчастіи ко всему привыкнешь. Долго не получала отъ тебя извѣстія; теперь, слава Богу, успокоилась нѣсколько. Ты пишешь, что здоровъ и покоенъ; а я не могу имѣть такого духу. Женщина, убитая горестью, имѣю въ глазахъ несчастную сироту, которая многаго требуетъ попеченія и заботъ; да и все, на что ни взгляну, такъ разстроено—не знаю, какъ и приступить. Надѣялась по письмамъ твоимъ, что скоро буду видѣться и посовѣтуюсь съ тобою, мой другъ, но и по сю пору нѣтъ свиданія. Что дѣлать! Будь воля Божія и милосердіе добраго нашего Государя; повинуюсь ихъ волѣ. Ты пишешь, увѣдомить объ Настинькѣ—она, слава Богу, здорова и учится порусски читать; я также здорова; первую недѣлю говѣла и пріобщалась святыхъ таинъ. Ты совѣтуешь мнѣ, мой милый другъ, молиться не за тебя одного, но и за всѣхъ, пострадавшихъ съ тобою. Есть долгъ каждаго христіанина молиться за всѣхъ: я это очень помню. Отъ маменьки и сестрицы часто получаю письма: онѣ, слава Богу, здоровы и тебѣ кланяются. Вѣрѣ Серг. есть теперь лучше; она поправляется въ своемъ здоровьи. Кат. Ив. съ семействомъ, слава Богу, здоровы; Бѣлавины также; Пр. Вас. и всѣ наши знакомые кланяются. Настинька тебѣ ручку цалуетъ; все тебя дожидаетъ. Пиши мой

*

другъ, ради Бога мнѣ чаще. Прощай. Молю Всевышняго, да облегчитъ твои страданія и подкрѣпитъ твои силы.

Марта 17-го, 1826.

10.

Прости меня великодушно, мой милый другъ, я иногда Богъ знаетъ что пишу къ тебѣ, чтобы только тебя успокоить: могу ли быть покоенъ, когда ты и несчастная наша малютка безпрестанно предъ моими глазами. Мой милый другъ, я жестоко виноватъ предъ тобой и ею: прости меня, ради Спасителя, которому я каждый день васъ поручаю; признаюсь тебѣ откровенно, только во время молитвы и бываю я покоенъ за васъ. Богъ правосуденъ и милосердъ: онъ васъ не оставитъ, наказывая меня. Тебѣ должно беречь себя: ты мать. Къ тому-жъ, повторяю, что писалъ къ тебѣ прежде: отъ твоего спокойствія зависитъ и мое. О свиданіи нашемъ опять не могу тебѣ болѣе ничего сказать какъ только: надѣйся и моли Бога. Ежели же эту милость намъ окажутъ, то обдумай хорошенько, брать ли съ собой Настиньку. Лучше откажусь отъ сладкаго утѣшенія видѣть ее, если она отъ свиданія со мною разстроитъ свое здоровье; она такъ слаба. Матушкѣ твоей и сестрицѣ мое душевное почтеніе; также всѣмъ здѣшнимъ роднымъ и знакомымъ, и особенно Праск. Вас. Прощай, мой другъ, да будетъ надъ тобой и мною и нашею малюткою Божіе благословеніе.

Тотъ образъ, которымъ благословила насъ матушка на смертномъ одрѣ, пришли пожалуста ко мнѣ. Тѣ же пять живописныхъ образовъ, которые обѣщаны мною въ Подгоренскую церковь, вели привезти бережно изъ деревни и отошли къ матушкѣ своей. Въ такомъ случаѣ ихъ надо будетъ снять съ рамокъ и накатать на палку. Ты посовѣтуйся объ этомъ. Образа

не нужно ли будетъ поновить, — спроси Ив. Васильевича. *

—

Отвѣтъ. Прости и меня, несчастный мой другъ, если я написала, что могло тебя огорчить. Неужели ты думаешь—я могу вѣрить, что ты покоенъ. Знаю твою душу, другъ мой, на что повторять: виноватъ предъ нами. Ради Бога, не пиши и не думай, чтобъ я могла тебя винить: на все есть власть Божія. — Ты никогда не желалъ зла, не только намъ, но и посторроннимъ; всегда дѣлалъ добро. На счетъ свиданія молю Бога и нетерпѣливо ожидаю. Настиньку непремѣнно возьму; она желаетъ тебя видѣть и спрашиваетъ, скоро ли поѣдемъ въ Москву къ папенькѣ. Образъ, мой другъ, посылаю и поручаю его милосердію, да подкрѣпитъ тебя въ страданіи. Не безпокойся объ насъ; положись на благость Божію. Настинька цалуетъ твою ручку и молится усердно за насъ Богу. Прости, несчастный мой страдалецъ, да будетъ благость Божія съ тобою. **

Марта 20, 1826.

---

11. ***

Марта 27 дня, 1826.

Ты знаешь, мой другъ, что для уплаты долговъ покойной матушки я долженъ былъ заложить деревню.

---

* Число не обозначено, но судя по предъидущему и слѣдующему отвѣтамъ, относится ко времени между 17 и 20 марта,

** На оборотѣ рукою Рылѣева набросано начерно письмо отъ 27 марта, печатаемое нами вслѣдъ за симъ по листку, переписанному имъ на бѣло.

*** Письмо это какъ сказано въ предыдущемъ примѣчаніи, сохранилось еще и въ черновомъ наброскѣ на 2 свободныхъ страницахъ письма жены отъ 20 марта. Добавки, находящіяся въ черновомъ, поставлены нами въ скобкахъ.

Я надѣялся, что при хорошемъ жалованьи, которое получалъ я, и при трудахъ уплата каждогоднаго взноса въ Ломбардъ не будетъ намъ тягостна. Въ теперешнихъ же обстоятельствахъ боюсь, чтобы долгъ сей тебя необремѣнилъ. Къ тому же за деревней нуженъ личный присмотръ, а тебѣ и родство и собственное хозяйство не позволятъ остаться въ Петербургѣ, а потому и полагаю я необходимостью (мою) деревню продать и уплативъ долги, остальную сумму положить въ Банкъ, дабы процентами съ оной ты могла воспитать нашу малютку и помогать себѣ. Марья Ѳедотовна Донаурова давно имѣетъ желаніе купить деревню нашу: она для нея и необходима, находясь въ срединѣ ея имѣній. Дядя Пелагѣи Моисѣевны, Посниковъ, также хотѣлъ купить ее, и какъ мнѣ сказывали еще при матушкѣ предлагалъ за оную 50.000 р., но я полагаю, мой другъ, что деревни съ подобными удобностями и такъ близкой отъ столицы за сію цѣну отдать нельзя (хоть въ ней и всего 48 душъ). Если же Донаурова или Посниковъ согласятся дать 60.000 р., то отдай. Когда жъ примутъ они на себя ломбардный долгъ, то придется получить 52.000 р. Дай имъ объ этомъ знать (и увѣдомь меня), а я между тѣмъ буду просить позволенія выдать тебѣ полную довѣренность. * Ты мать и вѣрно лучше каждаго будешь заботиться о судьбѣ своей дочери. Между тѣмъ не позабудь, что 2-го іюля должно будетъ внести въ Ломбардъ около 700 р. Объ этомъ отнесись въ Ломбардѣ къ чиновнику Уткину: онъ всегда мнѣ услуживалъ. Въ деревнѣ прикажи овесъ и сѣно продать. Серебро, отобравъ которое найдешь нужнымъ, также можно будетъ продать. Долгъ мой

---

* Далѣе въ черновомъ слѣдовало: «Что со мною ни будетъ, мнѣ ничего не нужно. Я заслужилъ во всякомъ случаѣ нищету и всякое страданіе. Притомъ-же я одинъ, а ты съ малюткой». Этими словами и оканчивается набросокъ.

Компаніи проси Ив. Вас. и прочихъ гг. Директоровъ простить мнѣ: когда не по заслугамъ, такъ хоть по теперешнимъ моимъ обстоятельствамъ; взысканіе онаго не такъ мнѣ, какъ семейству моему, будетъ тягостно. Мих. Матв. Булдакову можно будетъ возвратить купленныя мною у него акціи; но объ этомъ посовѣтуйся съ Ив. Вас.; теперь цѣна на акціи возвысилась; притомъ скоро и прибыли будутъ раздаваться. О другихъ дѣлахъ напишу въ слѣдующемъ письмѣ. До того да будетъ съ тобою и крошкою нашею благословеніе Создателя и да подкрѣпитъ Онъ тебя. Прощай.

Я, благодаря Бога, здоровъ. Мой поклонъ всѣмъ.

12.

Апрѣля 13 дня, 1826.

Мнѣ позволили, мой другъ, выдать тебѣ довѣренность * и ты скоро ее получишь, если уже не получила; я тебя уполномочилъ во всемъ. Дай Богъ, чтобы ты все устроила благополучно. Аннѣ Ѳед. я отдаю домъ кіевскій и вексель на иностранца Книппе, по которому теперь считается за нимъ 2000 р. Вексель сей находится въ Кіевскомъ Главномъ Судѣ по дѣлу съ княземъ Алекс. Серг. Голицынымъ, котораго надо будетъ Аннѣ Ѳед. просить, что (бъ) онъ выдалъ ей на мое имя актъ (на 3-хъ руб. листѣ), что онъ отъ иску на покойнаго родителя моего отказывается за себя и за наслѣдниковъ своихъ. Онъ въ этомъ не откажетъ, ибо всѣ другіе братья его подобные акты мнѣ выдали; его же я самъ не успѣлъ просить. Чтобъ однажды навсегда кончить съ А. Ѳ., ты покажи ей это письмо и ей ли самой, или кому она довѣритъ, выдай довѣренность, какъ на ходатайство по дѣлу съ княземъ Голи-

---

* Ср. выше, стр. 273.

цынымъ, такъ и на продажу дома, если она разсудитъ его продать, и пусть она дѣлается сама, какъ хочетъ; тебѣ же не слѣдуетъ въ это мѣшаться. Крѣпость на домъ и планъ потеряны Ѳ. П. Миллеромъ, но это не помѣшаетъ, ибо домъ написанъ на имя Орловскаго, который заявилъ объ этомъ въ судѣ. Я совѣтую Аннѣ Ѳед. поговорить объ этомъ съ Александр. Яков. Перреномъ; можетъ быть онъ имѣетъ въ Кіевѣ знакомыхъ, которымъ можетъ поручить продажу дома. Также пусть она напишетъ въ Кіевъ къ Ст. Сов. Матв. Вас. Могилянскому и Над. Сов. Ив. Семен. Зубковскому и посовѣтуется съ ними. Болѣе я ничего не могу сдѣлать для нея: я самъ получилъ вмѣсто 10.000 только 5.000 р. по милости Муханова. О долгѣ моемъ Катер. Ив. теперь я не могу ничего сказать, и потому пришли мнѣ записку мою изъ бумагъ по опекѣ, въ которой я отмѣчалъ, кому сколько мною заплачено было долговъ покойнаго Петра Ѳед. Скажи К. И., чтобъ она не безпокоилась; что ей все будетъ отдано съ процентами. Портному Яухце отдай теперь же 571 р., а 295 тогда, когда узнаешь, что Каховскій не въ состояніи заплатить, ибо я поручился за него. При отдачѣ возьми росписку. Деревню поручи Якову и вели ему все принять отъ Кондратія, а то онъ надѣлаетъ пакостей безъ меня. Сѣно продай за то, что даютъ. Увѣдомь, былъ отвѣтъ отъ Донауровой и увѣдомила ли ты Посникова о деревнѣ. Попроси Петра Петр. Миллера, чтобы онъ сказалъ о продажѣ и своимъ сосѣдямъ. Я, благодаря Бога, здоровъ и на прошедшей недѣлѣ удостоился пріобщиться св. таинъ. Это много меня успокоило прости меня и ты, какъ простилъ меня Создатель: я много виноватъ предъ семействомъ своимъ. Поцалуй Настиньку и засвидѣтельствуй мое истинное почтеніе Прасковьѣ Васильевнѣ; также роднымъ и знакомымъ. Да поможетъ тебѣ Создатель и да подкрѣпитъ тебя. О человѣкѣ Ивана Вас. посовѣтуйся съ нимъ. Также и о повѣренномъ.

—

Отвѣтъ. Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ принятіемъ святыхъ таинъ; благодарю Создателя и молю, да подкрѣпитъ твое здоровье и утвердитъ въ надеждѣ Его милосердіе. Ты пишешь о довѣренности. Я еще не получила. На счетъ деревни ничего, мой другъ, сказать не могу. Донаурова, какъ я вижу, хочетъ за самую малую цѣну. Еще приходилъ помѣщикъ Диринъ, но и тотъ болѣе 40.000 р. не даетъ. Къ Посникову я посылала; отвѣта настоящаго еще не получила. Всегда въ несчастіи, мой другъ, хотятъ за ничто послѣднее взять. Я не знаю, не припечатать ли въ газетахъ лучше. Съ Ив. Вас. видѣлась и дала прочитать письмо твое. Онъ мнѣ сказалъ, написать тебѣ: гдѣ акціи, купленныя тобою у Булдакова. Болѣе на письмо онъ мнѣ ничего не сказалъ. Человѣка Авдотья Петр. хочетъ перевесть на имя сестры своей. Яухце не соглашается взять 571 р., а требуетъ всѣ. Записку на счетъ опеки посылаю. Пр. Вас. тебѣ кланяется и желаетъ здоровья; всѣ наши знакомые здоровы; слава Богу, здоровы и родные. Настинька тебѣ кланяется и ручку цалуетъ; Молю Бога, чтобы ты дождалъ праздника Воскресенія Христова въ добромъ здоровьи и благополучіи. Прощай... Яухце я уже сегодня отдала 571 р. и росписку получила отъ него. Да еще, мой другъ, напиши мнѣ пожалуста, что мнѣ дѣлать съ «Думами»; такъ много экземпляровъ.

15 Апрѣля, 1826.

13.

Христосъ воскресъ!

Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ наступившимъ праздникомъ. Молю Создателя, да ниспошлетъ онъ тебѣ твердость и силы къ перенесенію тѣхъ бѣдствій, которыя я причинилъ моему семейству. Я, бла-

годаря Бога, здоровъ; что-то ты и наша малютка. Поздравь ее отъ меня съ праздникомъ и поцалуй. Также всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. О деревнѣ припечатай въ газетахъ: попроси объ этомъ Крестьяна Ив. Да не забудь упомянуть, что кромѣ 700 десятинъ земли, показанныхъ на планѣ, при деревнѣ 200 десят. строеваго лѣсу особнякомъ, на который плана не взято изъ Сената. Ты пишешь, что Диринъ даетъ 40.000 р., но не увѣдомляешь, всего ли даетъ столько, или сверхъ того беретъ на себя и уплату ломбарднаго долга. Я долго обдумывалъ и полагаю, что въ твоемъ положеніи деревню непремѣнно надобно будетъ продать, хотя съ убыткомъ; и потому думаю, что въ крайности надобно будетъ рѣшиться отдать ее за 50.000 или съ переводомъ долга въ Ломбардъ за 42.000. Въ газетахъ цѣны не надо выставлять. Акціи мои лежатъ въ бюро въ верхнемъ ящикѣ съ лѣвой стороны; тамъ же крѣпость на деревню и другіе разные документы. Узнай, когда будутъ раздаваться прибыли на акціи и по скольку; тогда можно будетъ сообразить, чего онѣ стоятъ. Думы и Войнаровскаго отдай Ивану Васильевичу Слёнину на коммисію; у него еще прежнихъ 100 экземпляровъ Думъ.

Пущинъ (Ив. Ив.) остался мнѣ долженъ около полуторы тысячи рублей, о чемъ и отецъ его извѣщенъ. Имѣй это въ виду, но сама не посылай за долгомъ. Пришлютъ—хорошо; нѣтъ—что дѣлать! Къ тому жъ я давалъ Пущину, какъ другу, и не напоминалъ о томъ и прежде, а теперь напомнить грѣшно. Другіе долги небольшіе за генеральшей Палицыной и за Миллеромъ тебѣ извѣстны. При случаѣ напомнишь. Попроси Кат. Ив., чтобы она дала тебѣ записку, сколько и когда она и дѣти ея отъ меня получали, равно кому сколько заплатилъ я кредиторамъ ея. Матушку свою, сестрицу и братьевъ поздравь съ праздникомъ отъ меня. Прощай, мой другъ, да будетъ съ тобой Богъ.

Апрѣля 20 д. 1826.

—

Отвѣтъ. Во истину воскресъ! Равно и тебя, мой милый другъ, поздравляю съ наступившимъ праздникомъ и молю Создателя, чтобъ ты былъ здоровъ и покоенъ. Я и Настинька, благодаря Всевышняго, здоровы и тебя заочно цалуемъ. О деревнѣ, мой другъ, скажу, что Диринъ всего на всё даетъ 40.000 р., а въ Ломбардъ должна я внести. Кромѣ же его никто не покупаетъ. Теперь постараюсь припечатать въ газетахъ. Что будетъ. Я сдѣлала вычисленіе по ревизскимъ сказкамъ и дворовой описи: съ исключеніемъ умершихъ, на лицо всѣхъ съ новорожденными 42 души муж. пола. Объ акціи, какъ скоро узнаю, то подробно увѣдомлю тебя, мой другъ. Счетъ Кат. Ив. тебѣ посылаетъ. Родные и знакомые наши всѣ тебѣ кланяются.. Кат. Ив. мнѣ говорила, что это тѣ деньги, что она тебѣ дала 500 р. на похороны матушки; такъ изъ тѣхъ денегъ она все получала по мелочи. Прости, мой другъ, поручаю Создателю и молю, да подкрѣпитъ тебя въ перенесеніи несчастія твоего... Еще, мой другъ, я сегодня получила довѣренность на деревню. *

Апрѣля 22-го, 1826.

14.

Мая 6 дня, 1826.

Въ бумагахъ опекунскихъ находится, мой другъ, нѣсколько счетовъ, по которымъ я платилъ долги покойнаго Петра Ѳедоровича. Потрудись пожалуста и сдѣлай изъ нихъ краткую выписку. Многаго я не могу припомнить, и потому очень бы хотѣлъ увидѣться съ тобою. Увѣдомь меня, припечатала ли ты въ газетахъ

---

* На оборотѣ рукою Рылѣева написанъ списокъ повидимому уплатъ и долговъ, всего 25 счетовъ на 4649 р.

о продажѣ деревни и есть ли кромѣ Дирина другіе покупщики, а также и объ акціяхъ, если узнала, когда будутъ выдавать на нихъ прибыли и по скольку. Не присылала ли также опять Донаурова. Съ А. Ѳ. постарайся поскорѣй кончить, чтобы и меня и себя успокоить. Увѣдомь меня, знаетъ ли твоя матушка о нашемъ положеніи. Если знаетъ отчасти, то предупреди ее лучше заранѣе и напиши обо всемъ, что сдѣлалъ для насъ Государь, чтобъ она не отчаявалась. Какъ я предъ всѣми вами виноватъ. Здорова ли ты съ Настинькою. Я, благодаря Бога, здоровъ. Скажи мое почтеніе всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ, и особенно почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ.

—

Отвѣтъ. О деревнѣ, мой другъ, я припечатала въ газетахъ. Покупщиковъ очень много, даже наскучили, а цѣну даютъ малую: никто больше 40.000 не даетъ; а Диринъ для Донауровой торгуетъ: онъ ея племянникъ—я это узнала стороною. На счетъ лѣсу говорятъ, что это мертвый капиталъ: рѣка несудоходная, а гужомъ доставлять нѣтъ выгодъ; то и цѣнятъ однѣ души и доходы. Я не знаю, что и дѣлать. Съ Ив. Вас. я говорила о прибыляхъ акцій. Онъ сказалъ, если и будутъ прибыли, то осенью, да и то не навѣрное; бываетъ и такъ, что не только прибыли, но и настоящую сумму теряютъ; то я хочу рѣшиться, и онъ совѣтуетъ ихъ отдать въ Компанію, тогда они заплатятъ долгъ твой Булдакову и компанейскій долгъ они прощаютъ; боберъ также взяли обратно. Гг. директоры очень добрые люди; я ими много обязана; они меня до сей поры квартирою не безпокоятъ; я все въ той же квартирѣ живу и такъ, какъ и при тебѣ, мой другъ. А. Ѳ. по твоему письму недовольна и говоритъ, что она не привыкла хлопотать о такихъ вещахъ, которыя невѣрны; говоритъ, что я должна хлопотать, а не она, и написала мнѣ предерзкое письмо. Я послѣ этого съ

нею не видалась. Ради Бога, наставь меня, что дѣлать съ нею. На счетъ моихъ родныхъ будь покоенъ: они все знаютъ и полагаются на власть Божію и милосердіе Государя; молятъ Создателя о тебѣ, мой милый другъ. Сестрица моя больна лихорадкою близъ года и я отъ нихъ уже давно не получаю писемъ и не знаю, что съ ними тамъ дѣлается. По счетамъ опеки мудрено сдѣлать выписку: такъ все глухо—въ которомъ году и кѣмъ уплачено — не сказано. По запискамъ же К. И. и М. П. по сложности значительная сумма, но неизвѣстно, по всѣмъ ли дѣланы выдачи; также есть черновая просьба въ Надворный Судъ о запрещеніи имѣнія твоего и ея дома. При семъ, что могла, посылаю выписку.—Пожалуста увѣдомь, много ли взято книгъ въ магазинѣ Смирдина и какія? Они требуютъ отъ меня. Прощай, мой милый другъ, Божіе милосердіе съ тобою. Пиши пожалуста чаще.

Рукою дочери: «Миленькій папенька цалую ручку».

Кондратій Өедоровичъ, Настинька къ тебѣ сама пишетъ; у нея большая охота писать и рисовать: все занимается этимъ. — Присемъ препровождаю четыре счета. *

Мая 8-го, 1826.

—

Письмо Нат. Мих. Мой милый другъ, я на прошедшей недѣлѣ ѣздила въ деревню съ Пр. Вас. и пробыла тамъ сутки. Отслужила на гробѣ панихиду по маменькѣ. Священникъ опять прежній—Василій Агапіевъ, а тотъ умеръ. Я его просила, чтобъ обѣдню 2-го іюня онъ служилъ и панихиду на гробѣ. Сѣно продано по 30 к., только не все еще перевезли. Ста-

* На оборотѣ рукою Рылѣева написано: «расходъ въ 1824». Всего 40 счетовъ на 7111 р., за тѣмъ «ост. 2720» и итогъ 9830.

роста все тотъ же; онъ теперь старается загладить прежній свой поступокъ. Я нашла все въ порядкѣ и клянется, что онъ никогда болѣе пить не будетъ. На счетъ продажи деревни, теперь торгуетъ колл. сов. Веселковъ, пріѣзжій изъ Перми. Вчера былъ у меня, отобралъ нѣкоторыя подробности и просилъ позволенія туда ему съѣздить посмотрѣть. По возвращеніи оттуда, какой конецъ будетъ, я тебя, мой другъ, увѣдомлю. Послѣднюю цѣну ему сказала 50.000 р. и крѣпость его. Ты пишешь, мой другъ, распоряжайся—мнѣ ничего не нужно.* Какъ жестоко сказано! Неужели ты можешь думать, что я могу существовать безъ тебя? Гдѣ бы судьба ни привела тебѣ быть, я всюду слѣдую съ тобою. Нѣтъ, одна смерть можетъ разорвать священную связь супружества. У насъ есть дочь; мы должны вмѣстѣ раздѣлять участь, постигшую насъ, и общимъ попеченіемъ стараться о будущей ея судьбѣ— вотъ все, чѣмъ могу себя утѣшать въ моемъ несчастіи; иначе я не переживу; ты знаешь мои чувствованія. Отъ маменьки и сестрицы получила письмо: слава Богу, здорова; сестрица все также больна и тебѣ кланяются. О прочихъ дѣлахъ въ будущемъ письмѣ увѣдомлю. Я и Настинька здоровы и молимъ Создателя о твоемъ здоровьи, да подкрѣпитъ твои силы. Поручаю въ его покровительство и милосердіе Государя. Прости, мой другъ, да будетъ благость Божія съ тобою.

Мая 18-го, 1826.

Рукою дочери: «Любезный папенька, цалую вашу ручку; пріѣзжайте поскорѣе, я по васъ скучилась; поѣдемте къ бабинькѣ».

Въ бытность мою въ деревнѣ я была у Ю., купчихи. Она считаетъ за маменькой кромѣ 250 р. еще по счетамъ сына ея большое количество забора. Хотѣла доставить счетъ всей суммы. Для меня сомнительно, по-

---

* Этого письма не сохранилось.

чему у маменьки нѣтъ въ запискѣ кромѣ 250 р. По счету Дюкло уплачено 599 р., остается 441 р. 50 к.; въ аптеку 6 апрѣля 1821 г. уплачено 50 р., 1823 г. декабря 18-го остальные 94 р. 55 к. отданы. Еще, мой другъ, какъ ты присовѣтуешь: я думаю лошадей продать; мнѣ некуда ѣздить; одинъ убытокъ. Я посылала на конную — даютъ только 300 р.; также нѣкоторые знакомые смотрѣли и говорятъ, что у вороной переднія ноги попорчены; а другая въ лѣтахъ. Не знаю, какъ рѣшиться; въ этомъ ты болѣе знаешь; пожалуста увѣдомь.

15.

Хорошо сдѣлала, мой милый другъ, что побывала въ деревнѣ, но Кондратія напрасно оставила старостой. Теперь особенно надо за нимъ присматривать. Ю—ѣ кромѣ 250 р. мы ничего не должны. Въ противномъ случаѣ матушка не забыла бы записать, да и сама она вдругъ бы по смерти матушки о томъ меня увѣдомила. Это должны быть плутни сына ея и Кондратія, какъ это уже и было разъ. Съ нетерпѣніемъ жду увѣдомленія о деревни и чѣмъ кончила ты съ Веселковымъ. Авось-либо хотя въ немъ пошлетъ Богъ покупщика совѣстнаго. Посылала ли ты къ П. П. Миллеру? Онъ можетъ найти покупщиковъ. Попроси его. Лошадей продай. Я прежде полагалъ, чтобы отправить на нихъ нѣкоторыя вещи въ Подгорную при отъѣздѣ твоемъ туда, но это можно будетъ сдѣлать и на наемныхъ. Не сердись на меня за то, что я сказалъ: мнѣ ничего не нужно. Я пишу тебѣ то, что мнѣ внушаютъ чувства и ты никогда не думай, чтобы я согласился и допустилъ тебя раздѣлять со мною участь мою. Ты не должна забывать, что ты мать. Впрочемъ, мой другъ, надѣйся на благость Божію и милосердіе Государя. Какъ ни велико преступленіе мое, но по

сію пору обращаются со мною не какъ съ преступникомъ, а какъ съ несчастнымъ, и потому не предавайся отчаянію. У Бога все возможно и все, что ни творитъ Онъ, все творитъ къ лучшему. Молись Ему вмѣстѣ съ малюткою нашею и что̀-бы ни постигло меня, прими все съ твердостію и покорностію Его святой волѣ.

Настиньку цалую и молю Бога, да устроитъ Онъ ея судьбу и здѣсь и тамъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Пр. Вас. Благодарю ее душевно, что не покидаетъ тебя и была съ тобою въ деревнѣ. Воображаю, какъ она плакала надъ гробомъ друга своего.

Мнѣ бы желалось, мой другъ, чтобы ты, устроившись, положила въ Банкъ рублей сто и билетъ отдала въ Рожественскую церковь съ тѣмъ, чтобы за проценты на него тамошній священникъ каждогодно отслуживалъ 2-го іюня панихиду на гробѣ матушки, когда и насъ не будетъ. Здорова ли Кат. Ив. и ея семейство, а также Пр. Мих. съ дочерьми. Давно ли ты была у нихъ? Всѣмъ и роднымъ и знакомымъ мое почтеніе. Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе.

Мая 24 дня, 1826.

Отъ Смирдина потребуй записку, какія книги считаетъ онъ на мнѣ, и скажи ему, что эту записку ты пошлешь ко мнѣ.

Отвѣтъ. Мой милый другъ! Веселковъ еще не былъ въ деревнѣ, его что-то удержало, а поѣдетъ въ пятницу и тогда чѣмъ Богъ рѣшитъ. Донаурова еще присылала съ тѣмъ, что она даетъ 40.000, крѣпость и всѣ расходы беретъ на себя. Я не знаю, мнѣ говорятъ, что крѣпость и прочіе расходы будутъ стоить 2.500. Правда ли это? Но я рѣшительно сказала, менѣе 50.000 не отдаю, и если ломбардъ возьметъ на себя, то 42.000. Не знаю, что будетъ. Теперь только двое покупщиковъ — Веселковъ и она, а болѣе никто не торгуетъ. Мой другъ, я заказала для Сашеньки памятникъ и

кругомъ рѣшотку. Стишки твои нашла, которые ты ему написалъ, будутъ надписаны ему. * На этой недѣли будетъ конченъ. — Къ Петрову я посылала за книгами. Онъ прислалъ по хозяйственной части и болѣе никакихъ, говоритъ, у него нѣтъ. Онъ уѣхалъ въ Кіевскую губернію въ партикулярную должность.—Къ Смирдину я отослала книги, на которыхъ есть нумера его лавки; о прочихъ просила дать записку, но онъ сказалъ, чтобъ я не безпокоилась, только нѣтъ ли Исторіи Рейналя 6-ти частей, которыхъ я не нашла въ твоихъ книгахъ. Не помнишь ли ты, кто взялъ ихъ у тебя? По совѣту твоему я писала къ А. Ѳ. Она мнѣ отвѣчала тѣмъ, что сама будетъ въ воскресенье — и была. Сначала много горячилась и, чтобы рѣшить, я прочитала ей твои слова въ письмѣ, то она утихла и сказала, что согласна взять довѣренность, которую я постараюсь къ ней доставить скоро. Маменька и сестрица кланяются тебѣ, мой другъ, также всѣ родные и знакомые здоровы. Настинька ручку цалуетъ и благодаритъ, что не забылъ ея рожденія. Прости, будь благость Божія надъ тобою. Настинька цалуетъ ручку и молитъ Бога, да ниспошлетъ тебѣ силы и терпѣніе.

Мая 26-го, 1826.

На оборотѣ рукою Рылѣева. О милая душой подруга! — О милый другъ, твой духъ скорбитъ и мнѣ скорбнѣе стало. Я........ ** но нашелъ душѣ отраду. Мы душой стремимся другъ къ другу, но оболочка раздѣляетъ. Мы стремились къ нравственному, духовному міру, оболочка увлекла насъ за собою. Кто же духъ отъ тѣла разрѣшитъ? Христосъ. Въ немъ единомъ весь духовный міръ, единый, истинный и вѣчный. Но гдѣ же

---

* См. выше, стр. 177.

** Не разобрано.

онъ? Въ груди твоей. Нетлѣнной плотію своей онъ пріобщилъ тебя духовной, безпредѣльной сущности своей — міру духовному; нетлѣнной кровію своей онъ пріобщилъ тебя вѣчной любви, т. е. жизни Творца. Въ ней единой истина, спокойствіе и благо. Она все прощаетъ, примиряетъ и къ лучшему концу приводитъ, всѣму учитъ и все исправляетъ. Въ Христѣ она явилась міру; въ Немъ единомъ ты найдешь ее. Полюби ее, о мой милый другъ, въ глубокомъ уединеніи сердца и она неизъяснимо тебя утѣшитъ... Ты любовью соединился съ миромъ физическимъ, временнымъ; Христомъ ты долженъ соединиться съ міромъ духовнымъ, вѣчнымъ, и соединивъ въ себѣ два міра, всей душею подчинить себя любовію вѣчности. Вотъ, м. д., предназначеніе наше. Мы должны любовью подчинить Христу физическій міръ и въ Немъ, какъ въ духовномъ мірѣ, подчинить себя вѣчной любви: Богу, ради Бога, по любви Христа.

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.

Ты правъ: Христосъ—спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

*

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовной.

Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:

«И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
«Васъ будутъ гнать и предавать,
«Осмѣивать и дерзостно безславить,
«Торжественно васъ будутъ убивать;
«Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить—
«И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять
«Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ.
«Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
«Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
«Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
«Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ».

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ орелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

*

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный
Какъ Моисей съ горы Наваъ
Увидитъ край обѣтованный.

Примѣчаніе. Окончаніе стихотворенія, съ стиха «И страшны-ль тѣ» и пр. набросано на оборотѣ письма жены отъ 4 іюня. Судя по черниламъ, приведенная здѣсь проза и стихи написаны одновременно или вскорѣ послѣ напечатаннаго ниже письма К. Ѳ—ча отъ 21 іюня. Къ этому же времени надо отнести и цѣлый листъ, въ которомъ половина занята разсужденіями о физическомъ и духовномъ мірѣ, вѣчной жизни, любви и пр., какъ въ приведенномъ наброскѣ. Въ концѣ листа помѣщены выписки изъ 50 псалма (ст. 9, 11, 12, 13 и 19). На другомъ листѣ, между математическими чер-

*

тежами и вычисленіями, набросаны названія добродѣтелей (самоотверженіе, смиреніе и пр.) и смертныхъ грѣховъ, и два четверостишія:

Благой Отецъ! се часъ приходитъ мой!
Прославь меня, и сынъ тебя прославитъ;
Ему дана святая власть тобой,
Да въ плоти онъ жизнь вѣчную возставитъ.

На оборотѣ листа:

Какъ человѣкъ предъ Богомъ былъ прекрасенъ
Во дни невинности своей!
Какъ былъ умомъ и простъ и ясенъ,
Душою чистъ, свободенъ отъ страстей.

—

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ привести еще два стихотворенія, написанныя въ крѣпости. Е. П. Оболенскій, находившійся въ заключеніи рядомъ съ Рылѣевымъ, разсказываетъ въ «Запискахъ» своихъ («Девятнадцатый вѣкъ», стр. 325—328), что получилъ отъ него въ день своихъ именинъ, 21 января 1826 г., слѣдующіе стихи:

Прими, прими, святой Евгеній,
Дань благодарную пѣвца,
И слово пламенныхъ хваленій,
И слезы, каплющи съ лица.
Отнынѣ день твой до могилы
Пребудетъ святъ душѣ моей:
Въ сей день твой соименникъ милый
Освобожденъ былъ отъ цѣпей.

За тѣмъ, уже лѣтомъ, Рылѣевъ переслалъ ему черезъ сторожа стихотвореніе, наколотое иглою на кленовыхъ листьяхъ:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію.
Весь міръ какъ смрадная могила!

Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ:
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши.

Оболенскій отвѣтилъ запиской дня черезъ два и получилъ вновь кленовыя листья съ словами: «Любезный другъ, какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О! какая это была молитва, какія это были слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній — за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за Государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку; словомъ за весь міръ. Давно ли ты, люб. другъ, такъ мыслишь скажи мнѣ: чужое ли это или твое? Ежели это рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга Чужое ли оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности, духа и вещества».—Потомъ тѣмъ же путемъ Р. прислалъ Оболенскому и приведенное выше стихотвореніе: «О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой» и пр.

16.

Мая 27, 1826.

Я писалъ тебѣ, что въ крайности можно деревню уступить и за 45.000; разумѣется, въ такомъ случаѣ расходы покупщика. Впрочемъ, мой другъ, дѣлай, какъ найдешь лучшимъ, или какъ заставятъ обстоятельства. Дѣлать нечего. Одного меня должно винить во всемъ. Надо однакожъ подождать рѣшительнаго отвѣта отъ

Веселкова. Очень радъ и благодарю Бога, что А. Ѳ. одумалась и что ты скоро кончишь съ нею. Книги къ Смирдину, на которыхъ были нумера его лавки, ты напрасно отослала. Многія у него куплены съ нумерами. Увѣдомь меня, сколько книгъ и на какую сумму ты отослала ему. Боюсь, чтобы ты не отослала лучшія книги, который могли бы пригодиться и Настинькѣ современемъ. Книгъ Смирдина, кромѣ бывшихъ у Петрова, у меня немного было.

Сколько расходовъ будетъ при совершеніи купчей не знаю, но также полагаю, что не менѣе 2.500 р. Въ такомъ случаѣ, и если Донаурова, кромѣ расходовъ, возьметъ на себя и ломбардный долгъ, то можно будетъ отдать деревню за 36.000 р. Но это только мнѣніе мое. Ты себя не связывай имъ, а дѣлай, какъ почтешь полезнѣйшимъ. Не забудь, что ко 2 іюля надо внести въ Ломбардъ около 700 р. Пошли объ этомъ справиться въ Ломбардѣ къ чиновнику Уткину. Онъ не доставилъ еще и квитанціи за прошлогодній взносъ. Что ты не увѣдомишь меня: довольна ли Катер. Ив. моимъ распоряженіемъ. За крестьянами 400 р. Сколько кому и когда дано, ты найдешь въ записной книгѣ. Половину долга прости имъ, а другую половину пусть Кондратій соберетъ съ нихъ и отдай ихъ ему же въ награду. Ему же отдай и всѣ вещи въ деревнѣ, которыя оставишь. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ скажи мое почтеніе. Я, благодаря Бога, здоровъ и молю Его, да ниспошлетъ онъ на тебя и Настиньку свое благословеніе. Матушку и сестрицу душевно благодарю. Давно ли писалъ къ тебѣ Алексѣй Мих., и каково его здоровье. Прасковья Мих. здорова ли съ семействомъ. Благодарю тебя, другъ мой, за памятникъ Сашинькѣ.

Отвѣтъ. Я думаю ты, мой другъ, соскучился, что я долго тебѣ не отвѣчаю. Я сама измучилась — всѣ друзья въ благополучіи, а въ несчастіи нѣтъ ни одного. Ужасное положеніе женщины — имѣть дѣла съ тѣми,

кто радуется ея погибели, готовы все отнять. Нѣсколько времени я молчала, не хотѣла тебя огорчить. Одна нѣсколько смягчилась, другая возстала. — Ты знаешь эту женщину, какова она! Продажа деревни и довѣренность—ихъ совѣсть совсѣмъ обнаружили. Мой другъ, болѣе не скажу, какъ: Богъ все видитъ, на него уповаю. Мнѣ также ничего не надо. Въ теченіе всего времени я на многихъ надѣялась; думала, что мнѣ помогутъ и устроятъ всѣ мои запутанныя дѣла и подадутъ дружескій совѣтъ; но вижу, что пустая надежда; только на словахъ. Принужденною нашлась взять стряпчаго Соколова, переписавъ счетъ твой, какъ ты писалъ, а твоей руки оставила у себя. Переписанный онѣ подписали и отдали мнѣ. Потомъ я написала просьбу о снятіи запрещенія съ имѣнія нашего, пошла къ ней и просила, чтобъ она подписала бумагу и подать куда слѣдуетъ. Она никакъ не соглашается; говоритъ, что я не могу подписаться прежде, пока не разсмотрю дѣла, и когда найду справедливымъ, тогда подпишусь. Она мнѣ говорила, что по опекѣ большое упущеніе, что ты ни о чемъ не старался. Если жъ она не возьметъ на себя отвѣтственность, то мнѣ сказали знающіе законъ люди, что я не могу продать и здѣсь не совершатъ крѣпость, а надо въ Москвѣ или въ какой либо губерніи, то поспѣши, мой другъ, меня увѣдомить обо всемъ, о чемъ я къ тебѣ пишу. Веселковъ по сіе время не бывалъ и не знаю, что значитъ; однакожъ какъ скоро будетъ, то увѣдомлю. Къ Уткину я посылала; за прошедшій годъ квитанцію мнѣ доставилъ; за нынѣшній годъ надо внести іюля 3-го проценты 672 р. Книгъ осталось дома изъ присланныхъ Петровымъ: «Кругъ хозяйственныхъ свѣдѣній» 3 книги, «Экономическій журналъ» Кукольника — 3, «Хозяйственныя записки»—3, «Основаніе сельскаго домоводства» — 1, «Журналъ практич. правовѣдѣнія и стряпчества» — 1, «Хозяйственныя записки» — 3. Отослано Смирдину 10, по хозяйственной части же, его книги.

Еще, мой другъ, дай мнѣ наставленіе, что дѣлать съ сиротами Олимпіадою и братомъ ея Мишкою? Ты знаешь, что покойная маменька обѣщалась ихъ на волю, то какъ я приступлю къ этому дѣлу: они не имѣютъ вида. Лошадей продала за 350 р. и очень рада: онѣ совсѣмъ испорчены, чуть насъ не убили, коляску попортили; я отдала въ починку. Миллеръ Ѳедоръ Петр. опредѣлился по таможенной части и очень выгодная должность; уѣхалъ уже давно отсюдова и сюда, говорятъ, пріѣдетъ мѣсяцевъ черезъ 5. Я напомнила отцу его о долгѣ; онъ обѣщался со мною видѣться скоро и между тѣмъ 3 недѣли его нѣтъ, а на-дняхъ проходилъ мимо окошка—и ни слова, будто не знаетъ меня. Отъ маменьки и сестрицы я получаю письма. Сестрица мнѣ писала, что и братья всѣ здоровы, но я ни отъ одного не получала ни строчки и не знаю, здоровъ ли братецъ Алексѣй М., или нѣтъ. Маменька и сестрица тебѣ кланяются; Пр. Мих. и дочери ея, слава Богу, здоровы—я недавно съ ними видѣлась; всѣ наши знакомые и родные, слава Богу, здоровы. Настинька кланяется и ручку цалуетъ. Пр. Вас. одна, которая во все время меня не покидаетъ, раздѣляетъ вмѣстѣ со мною мою горесть; рѣдкая женщина! Прощай, мой другъ, будь здоровъ. Божіе и царское милосердіе надъ тобою. Ради Бога, пиши мнѣ, мой другъ.

Іюня 4-го, 1826.

17.

Іюня 21 дня, 1826.

После свиданія нашего * я не могъ къ тебѣ писать скоро; я былъ сильно разстроенъ и свиданіемъ и ми-

---

* Свиданіе дозволено по просьбѣ, поданной Государю женою Рылѣева. О разрѣшеніи извѣстилъ ее Дежурный Генералъ Потаповъ слѣдующей запиской: «Милостивая Государыня.

лосердіемъ великодушнаго Государя, но теперь, успокоившись, спѣшу отвѣчать на послѣднее письмо твое.

Я предугадывалъ, что съ нею не обойдется безъ непріятностей и что наше несчастіе подастъ ей случай свою ненависть къ намъ обнаружить явно. Но ты, мой милый другъ, ради Бога этимъ не тревожься. Богъ видитъ все и не дастъ тебя въ обиду. Скажи своему повѣренному, что два билета, принадлежащіе дѣтямъ покойнаго П. Ѳ. находились въ Надворномъ Судѣ въ обезпеченіе иска Лелекина на покойномъ, и какъ дѣло сіе завязалось надолго, то упомянутые билеты по желанію Кат. Ив. выданы, одинъ ей, а другой мнѣ, съ наложеніемъ запрещенія на ея и мое имѣніе. Деньги по моему билету употреблены на уплату долговъ покойника, признанныхъ и ею и мною за справедливые; причемъ кредиторы по моему настоянію и стараніямъ сдѣлали важныя уступки. Остальная сумма, въ 4 тысячахъ состоящая, включая въ то число и проценты, должна быть представлена обратно въ Надворный Судъ при совершеніи купчей. Счеты долговые и мою записку о расходѣ денегъ ты уже имѣешь у себя. Другой билетъ находится у К. И., проценты съ суммы сей, какъ и съ той, которая находится въ вѣдомствѣ опеки, она употребляла на домашній расходъ. Оброкъ съ людей получала сама, а слѣдовательно сама и должна подать во всемъ этомъ отчетъ. Еслибы даже она ис-

Имѣю честь увѣдомить Васъ, м. г., что Государь Императоръ, снисходя на прошеніе Ваше, дозволяетъ Вамъ имѣть свиданіе съ супругомъ Вашимъ. Почему и остается Вамъ адресоваться къ Коменданту Петропавловской крѣпости Г. Генералъ-Адъютанту Сукину, который о таковомъ Высочайшемъ дозволеніи увѣдомленъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, Милостивая Государыня, вашъ покорный слуга Алексѣй Потаповъ. № 1015-й. 9 іюня 1826. — Ея Высокоб. Рылѣевой».

тратила и всѣ 6000 р. съ процентами по билету ей отданному, то и то не бѣда. За это отвѣчаетъ домъ ея. А потому и не думаю, дабы что либо могло попрепятствовать совершенію купчей. Да еслибы и случились какія препятствія, то ты можешь отвратить ихъ, сдѣлавъ при совершеніи купчей денежное обезпеченіе, какое опека или Надв. Судъ признаетъ нужнымъ, и потомъ весть дѣло съ нею судебнымъ порядкомъ.

Дней черезъ десять пошли къ Донауровой сказать рѣшительно, что ты деревню уступаешь за 36.000, съ тѣмъ чтобы она взяла на себя ломбардный долгъ и расходы при совершеніи купчей. Не забудь, что 3 іюля надо внести проценты за деревню. Олимпіадѣ и Мишкѣ дай отпускныя и по 50 р. и скажи крестной ихъ матери, чтобы пріискала имъ мѣсто въ ученье.

Поцалуй Настиньку. Какъ она у тебя худа. Ради Бога, береги ее. Прошу тебя, постарайся кончить дѣла свои чрезъ мѣсяцъ и уѣзжай къ матушкѣ. Это необходимо и для тебя и для малютки.

О какихъ 10 тысячахъ говорила ты мнѣ по счетамъ К. Ив.?

Почтеннѣйшую Праск. Вас. душевно, сердечно благодарю за ея къ тебѣ дружбу. Ѳ. В.* мой дружескій поклонъ. Здоровъ ли почтенный дядя его и что его процессъ. Каково здоровье Вѣры Серг.? Прощай мой другъ и уповай на Бога и милосердіе Государя.

Отвѣтъ. Мой милый другъ, могу вѣрить тебѣ, что ты разстроился. Я по сію пору не вѣрю, что я тебя видѣла. Точно сонъ или мечта — такъ краткое время! Я не нашлась ничего поговорить съ тобою; теперь не имѣю мысли писать къ тебѣ. Вся душа моя наполнена однимъ: сегодня день торжества, день рожденія того, отъ кого зависитъ все счастіе Россіи. О

* Булгарину.

всещедрый Отецъ и сердцевидецъ, ниспошли на него вся благая, онъ подобенъ тебѣ въ милосердіи. Сегодня многіе будутъ благословлять имя сего милосердаго отца и прольютъ сердечныя слезы благодарности предъ престоломъ Всевышняго. Какое утѣшеніе въ несчастіи—упованіе на Бога, надежда на правосуднаго и милосердаго Государя. Мы первые должны во всю свою жизнь чтить его ангеломъ хранителемъ нашимъ. Ты, мой другъ, пишешь объ Настинькѣ, что она худа,— она была очень больна, теперь только начала поправляться. Я благодарна Соломону — онъ ее пользовалъ. Еще спѣшу тебя увѣдомить: Веселковъ деревню не покупаетъ; говоритъ, что мужики очень бѣдны и избалованы; надо много суммы, чтобы привесть въ порядокъ, чтобъ имѣть доходъ. Теперь должно рѣшиться съ Донауровой; что будетъ. Ты спрашиваешь, о какихъ я 10 тыс. говорила Кат. Ив.? По выправкѣ ея въ Надворномъ Судѣ на 12 тысячъ слѣдуетъ ему, Малютину, со всего капитала по 27 октября 1823 г. получить процентовъ 4.897 р. 69 к., т. е. по день полученія оныхъ билетовъ. Она говоритъ, что ты ихъ получилъ; она не знала и потому не можетъ взять всей обязанности на себя и просить о снятіи запрещенія съ нашего имѣнія. Однакожъ я еще буду ее просить, и если она не согласится, тогда буду поступать по твоему наставленію. Я не понимаю, что тебѣ, мой другъ, хочется, чтобъ я ѣхала къ маменькѣ, и какъ ты легко судишь, могу ли я гдѣ либо быть покойна безъ тебя. Для меня не страшно какое бы ни было несчастіе, но съ тобою вмѣстѣ раздѣлить. Нѣтъ ужаснѣе для меня съ тобою разлуки: я не перенесу—и тогда что будетъ съ нашею несчастною сиротою? Не будемъ ли отвѣчать предъ Создателемъ! Неужели ты отчаяваешься въ милосердіи Государя, что онъ этого не позволитъ. Нѣтъ, онъ самъ супругъ и отецъ, и правосуденъ. Проси сего единаго блага и надѣйся, а я буду стараться устроить всѣ дѣла. Прошу твоего совѣта, что мнѣ дѣлать съ

мебелью? Я не знаю, что стоитъ, также и библіотека. Ты молчишь. Увѣдомь, ради Бога. Прости, мой несчастный другъ. Пиши. Одно мое утѣшеніе. Родные и всѣ знакомые тебѣ кланяются.—Настинька кланяется и ручку цалуетъ; хотѣла сама тебѣ писать, да карандашъ свой гдѣ-то потеряла и въ большой печали, что не можетъ писать тебѣ. *

(25 іюня, 1826).

18.

13 іюля, 1826.

Богъ и Государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроптал во все время моего заключенія и за то Духъ Святый давно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ, и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ. Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай

* На оборотѣ этого письма рукою Рылѣева написано: «Черновъ». «Новосильцевъ». Потомъ переписанъ весь 6-й псаломъ: Господи, да не яростію твоего обличиши мя.

совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня; равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Кат. Ив. и дѣтямъ ея кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за М. П. *—не я его вовлекъ въ общую бѣду. Онъ самъ это засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою; но раздумалъ, чтобъ не разстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. Настиньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства—и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ его Святая воля.

Твой истинный другъ К. Рылѣевъ.

---

* Мих. Петр. Малютинъ, сынъ Кат. Ив., былъ замѣшанъ въ дѣло.

У меня осталось здѣсь 530 р. Можетъ быть отдадутъ тебѣ.

—

Увѣдомленіе коменданта.

Милостивая Государыня, Наталья Михайловна! Во исполненіе сообщеннаго мнѣ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ Высочайшаго повелѣнія, препровождая при семъ къ Вамъ оставшіяся послѣ Кондратія Ѳедоровича Рылѣева деньги, пятьсотъ тридцать пять рублей ассигнаціями, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ, Милостивая Государыня, вашъ покорный слуга А. Сукинъ.

№ 875.
С.-Петербургская крѣпость.
25 іюля 1826.

Ея благородію Н. М. Рылѣевой.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. ПИСЬМА КЪ РЫЛѢЕВУ.

1. ОТЪ ИВ. СЕМ. ЗУБКОВСКАГО. *

М. Г., Кондратій Өедоровичъ! Письмо ваше отъ 20 іюля я имѣлъ честь получить 31 августа, на которое долгомъ моимъ поставляю увѣдомить, что все движимое имущество покойнаго родителя вашего тотчасъ послѣ его смерти по претензіи кн. Голицыной, ** простирающейся до 80.000 р., по опредѣленію кіевскаго повѣтоваго суда, за учиненіемъ описи и оцѣнки, взято въ секвестръ, и къ оному, до окончанія дѣлаемаго тѣмъ судомъ противъ бумагъ у покойнаго найденнымъ и отъ стороны Голицыной представленнымъ разсчета и рѣшенія дѣла, опредѣлены опекунами: дядюшка вашъ Михайло Николаевичъ и по его уже желанію и я къ нему въ помощь. Изъ числа заарестованнаго имѣнія платье, бѣлье и лошади, по причинѣ, что первое подвержено тлѣнію, а лошади требовали присмотра и содержанія, по опредѣленію повѣтоваго суда проданы съ аукціона

* Помѣщаемъ это письмо для характеристики имущественныхъ дѣлъ Рылѣева.

** Варвара Васильевна, рожд. Энгельгардтъ. Она умерла 2 мая 1815 г. (род. 1757 г., 12 марта).

и вырученныя деньги отданы въ ростъ; прочія жъ вещи, не подверженныя порчѣ, остаются въ цѣлости и хранятся въ моемъ домѣ.

Дѣло покойнаго родителя вашего весьма критическое, и сомнительно, чтобы оное кончилось въ вашу пользу; но такъ какъ предъявившая въ судѣ свою претензію кн. Голицына умерла, а остались наслѣдники ея сыновья, пять братьевъ князей Голицыныхъ, по моему мнѣнію весьма бы хорошо было, ежели бы вы нашли какое средство отозваться письменно отъ себя, чрезъ посредство благодѣтелей вашихъ, къ старѣйшему изъ князей, кн. Ѳедору Сергѣевичу, который женатъ на княгинѣ Прозоровской, * представивъ ему на уваженіе, что вы совсѣмъ не причиною тому, ежели покойный родитель вашъ дѣйствительно сдѣлалъ во время управленія его имѣніями какой убытокъ, да и претензія ихъ такъ велика, что оставшимся по покойномъ малымъ имуществомъ и десятой доли пополнить не можно, ежели они лишаются девяти, то все равно для ихъ состоянія, что и десятая доля останется не пополненною, а оная для вашего бѣднаго состоянія и на службѣ пребыванія была бъ великою помощію. А потому и просите его убѣдительно, чтобы онъ, по великодушію своему и изъ уваженія на сиротство ваше, приказалъ заведенное матерью его объ отчетѣ за управленіе покойнымъ батюшкою вашимъ ихъ деревнями дѣло уничтожить и при-арестованное имущество и деньги отдать вамъ.

Вотъ вамъ искренній мой совѣтъ, которому послѣ-

---

* У члена госуд. совѣта, генерала отъ инфантеріи кн. Сергѣя Ѳедоровича Голицына (1748—1810) было всего 10 сыновей, изъ которыхъ въ живыхъ оставалось въ то время пятеро, въ томъ числѣ и второй сынъ кн. Ѳедоръ, егермейстеръ, женатый на кн. Аннѣ Александровнѣ Прозоровской. Онъ умеръ въ 1826 г.

довать зависитъ отъ воли вашей, а я съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ пребуду, М. Г., вашимъ покорнѣйшимъ слугой Иванъ Зубковскій.

Сентября 3-го, 1816 г. Кіевъ.

---

2. ОТЪ П. А. МУХАНОВА.*

13 Апрѣля (1824).

Ты привыкъ получать отъ меня письма объ дѣлахъ твоихъ, но на сей разъ не ожидай ничего новаго. Дѣла твои въ томъ же видѣ, потому что Могилянскаго нѣтъ въ городѣ. — Войнаровскій, твой почтенный дитятко, попалъ къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ; онъ побывалъ у всѣхъ здѣшнихъ любителей стиховъ и съѣздилъ въ Одессу. ** Я тебѣ говорю объ отрывкахъ, которые завезены сюда, не знаю кѣмъ. Я весьма сожалѣю, что ты не считаешь меня достойнымъ познакомиться съ твоимъ сыномъ, но я не пропустилъ случая сего сдѣлать.—Войнаровскій твой отлично хорошъ. Я читалъ его М. Орлову, *** который имъ любовался; Пушкинъ тоже, и тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить. Вы, жители Петербурга, со всякимъ днемъ становитесь лѣнивѣе. Если ты позволишь сказать тебѣ то, что юго-западные русскіе литераторы говорятъ о твоемъ дитяткѣ, то слушай хладнокровно и меня не брани, ибо я то говорю, что̀ подслушалъ.

---

* Подпись на письмѣ неразборчива, но есть основаніе предполагать, что оно писано изъ Кіева Петромъ Александровичемъ Мухановымъ, впослѣдствіи тоже бывшимъ въ числѣ осужденныхъ по дѣлу 14 декабря. Ср. выше на стр. 264 и 280 упоминаніе о Могилянскомъ и Мухановѣ.

** Вѣроятно возилъ авторъ письма, на что указываютъ приводимые имъ ниже разговоры съ Пушкинымъ, который тогда былъ въ Одессѣ.

*** Михаилъ Ѳедоровичъ, тоже членъ общества.

1. Описаніе Якутска хорошо, но слишкомъ коротко. Видно, что ты боялся его растянуть, между тѣмъ какъ эпизодъ сей, новостью предметовъ, былъ-бы очень оригиналенъ. Представя разительно Сибирь, ты-бы написалъ картину новую совершенно.

2. Описаніе охоты Войнаровскаго должно быть тоже нѣсколько пространнѣе, ибо ты можешь изобразить дикую природу, занятіе ссыльныхъ и жителей, которые проводятъ свои дни съ звѣрями, и тѣмъ болѣе выказать родъ жизни Войнаровскаго. Тогда прекрасное описаніе бѣга оленя будетъ болѣе кстати. Теперь онъ кажется выведеннымъ на сцену какъ-бы нарочно, чтобы заставить познакомиться Миллера съ Войнаровскимъ.

3. Пушкинъ находитъ строфу «и въ плащъ широкій завернулся» единственною, выражающею совершенное познаніе сердца человѣческаго и бореніе великой души съ несчастьемъ. Но разсказъ плѣнныхъ, самъ по себѣ будучи очень удаченъ, требовалъ-бы нѣкотораго введенія, ибо «я изъ Батурина недавно» могло-бы быть предшествуемо описаніемъ плѣнныхъ и, сверхъ этого, представить картину людей, толпящихся узнать о своемъ отечествѣ. — Стихъ «дивились мы его уму» очень нехорошъ, ибо можно было дивиться его характеру, духу и пр., а не уму. Вообще находятъ въ твоей поэмѣ много чувства, пылкости. Портретъ Войнаровскаго прекрасенъ. Все это шевелитъ душу; но много нагихъ мѣстъ, которыя ты долженъ-бы украсить описаніемъ мѣстности. Орловъ говоритъ, что соединивъ высокія твои чувства съ романтизмомъ, ты-бы чрезвычайно украсилъ свою поэму. «Онъ вѣрно боялся растянуть дѣйствіе, но эпизоды въ модѣ. Съ его сильнымъ чувствомъ можно-бы оригинальными красками представить картину земли изгнанья».

Вотъ, любезный другъ, что̀ я подслушалъ. Да откровенность моя не разсердитъ тебя: дитя моего друга и для меня должно быть очень мило, тѣмъ болѣе, что я съ живымъ удовольствіемъ слушалъ всѣ похвалы ему.

Надѣюсь, что къ новому году, а можетъ быть и ранѣе, мы будемъ читать не краденые списки, но печатную книжку. — Изъ «Литературныхъ Прибавленій» Булгарина я вижу, что ты Баратынскаго печатаешь; * поздравляю тебя съ сей покупкой. Постарайся сдѣлать хорошее изданіе, ибо я надѣюсь пріобрѣсти элегіи и мелкія стихотворенія А. Пушкина и буду просить тебя наблюдать за печатаніемъ оныхъ—подъ одну форму съ Баратынскимъ. Не выдавай секрета; жду изъ Одессы рѣшительнаго отвѣта по сей почтѣ.

У меня есть начало «Разбойниковъ» и первая пѣснь «Вадима»; прислалъ бы тебѣ, но авторъ ихъ назначилъ къ истребленію и поэтому не хочетъ, чтобы ходили по рукамъ и даже говорили объ оныхъ. Но, зная твою аккуратность, можетъ быть, сдамся, получа убѣжденіе въ сохраненіи ихъ въ тайнѣ. Будь здоровъ и покоенъ.

---

3. ОТЪ О. М. СОМОВА.

Ноября 11 дня, 1824 г. С.-Петербургъ.

Успѣваю только сказать тебѣ, почтенный и любезнѣйшій другъ, Кондратій Өедоровичъ, нѣсколько словъ о случившемся здѣсь всеобщемъ бѣдствіи. Александръ ** взялся извѣстить тебя о собственно твоихъ потеряхъ; я буду молчать о моихъ, а скажу тебѣ вообще, что галерная гавань почти не существуетъ. По

* Въ «Литературныхъ Листкахъ» Ө. Булгарина на 1824 г. (ч. I, № 5, стр. 194) въ числѣ литературныхъ новостей заявлено, что «К. Ө. Рылѣевъ, съ позволенія автора, вознамѣрился издать» сочиненія Е. А. Баратынскаго и что это будетъ «истиннымъ подаркомъ для просвѣщенной публики». Изданіе не состоялось въ то время и книжка стиховъ Баратынскаго появилась только въ 1827 г.

** Бестужевъ.

петергофской дорогѣ деревни: Емельяновка, Екатерингофъ, Афтова и пр. разрушены; селеніе литейно-чугуннаго завода также. Вообще по той дорогѣ считаютъ до 600 человѣкъ утопшими, а въ городѣ донынѣ уже отыскано болѣе 1500 тѣлъ. Невскіе острова и прилежащія къ нимъ деревни перековерканы; Кронштадтъ также ужасно пострадалъ. Вода такъ быстро прибывала, что пока мой человѣкъ успѣлъ добѣжать изъ комнатъ въ главное управленіе и спросилъ у меня: что дѣлать? то по возвращеніи насилу могъ войти въ комнату и кое-что положить на шкафы, какъ уже вода поднялась до оконъ. За то книги, книги... Но я очень спокойно сносилъ бѣду и страдалъ не за себя. Александръ насилу вырвался изъ твоихъ комнатъ, гдѣ все убиралъ, и прибѣжалъ ко мнѣ наверхъ почти поколѣна въ водѣ. Компанія сама по себѣ очень мало потеряла... Бѣдный нашъ Корниловичъ пострадалъ съ своей «Стариной», печатаемой у Гюета, * за то и «Сѣверные Цвѣты» подмокли въ луковицахъ и вѣроятно не скоро разцвѣтутъ. Александръ говоритъ, что они вѣроятно были прежде очень сухи, а теперь слишкомъ водяны. — На сей же недѣли получишь ты свои книги и тетради, которыя только-что въ воскресенье получены мною отъ Корниловича. Онъ, какъ кажется, отдавалъ кому-то читать. Не можешь вообразить себѣ общаго бѣдствія, запустѣнія, неопрятности, безпорядка и зловонія: Cela soulevait le coeur, какъ сказалъ-бы французъ. Первый вечеръ городъ не былъ освѣщенъ: вездѣ разбило и сбросило фонари. Мы пріютились всѣ въ главномъ правленіи... Всѣ жившіе въ нижнихъ этажахъ очень пострадали.

---

* Александръ Осиповичъ Корниловичъ, товарищъ Рылѣева по Обществу, въ то время печаталъ «Русскую Старину», альманахъ, составленный изъ собственныхъ его статей по русской исторіи.

4. ОТЪ НЕГО-ЖЕ.

Ноября 25 дня, 1824 г. С.-Петербургъ.

По общему совѣту съ Александромъ мы положили, что если и пошлемъ къ тебѣ Исторію Малороссіи и Войнаровскаго, то вѣроятно они не могутъ дойти прежде твоего отъѣзда изъ Воронежа и потому опредѣлили: означенныхъ книгъ къ тебѣ не посылать, а нетерпѣливо ждать твоего сюда пріѣзда. Онъ по многимъ отношеніямъ необходимъ для Компаніи, по сближающемуся времени отправленія депешъ и промышленниковъ въ Америку; а для насъ, чтобы ты самъ распорядился нужными въ квартирѣ твоей поправками послѣ наводненія. Нѣкоторыя уже сдѣланы: печи исправлены, нѣкоторыя мебели по возможности приведены въ порядокъ; а за книгами имѣетъ хожденіе самъ Александръ. Я до сихъ поръ живу подъ гостепріимнымъ твоимъ кровомъ... Книги мои всѣ грѣются у печей; кромѣ шести, плававшихъ на столѣ и потому не подмокшихъ, всѣ прочія, кажется, вышли изъ библіотеки наядъ... М. Кюхельбекеръ возвратился на «Аполлонѣ» изъ колоній нашихъ и донельзя хвалитъ Муравьева, Хлѣбникова и др. Нашъ Кутуз. въ горѣ: Ѳ. П. Уваровъ умеръ и онъ не знаетъ еще останется ли при мѣстѣ... Оба наши директоры, а также и Кусовъ, * когда бываетъ, безпрестанно о тебѣ спрашиваютъ и ждутъ нетерпѣливо твоего возврата. Александръ тебѣ кланяется. Онъ теперь ополчается на Воейкова всею силою драгунской своей полемики за переводъ «Осады Коринѳа», Байрона. Съ И. В. Прокофьевымъ мы очень дружны: я и Александръ обѣдаемъ у него довольно

---

* Николай Ивановичъ, Спб. городской голова и масонъ. Его масонскія бумаги были сообщены Е. И. Ламанскимъ А. Н. Пыпину (Вѣстн. Евр. 1872, № 1, 176).

часто, и находимъ тамъ Булгарина, Греча, Батенькова и пр. и пр., вообще довольно много нашихъ знакомыхъ...

II. БУМАГИ О ДУЭЛИ
НОВОСИЛЬЦОВА СЪ ЧЕРНОВЫМЪ.

П. И. Бартеневъ, напечатавшій эти документы въ сборникѣ своемъ: «Девятнадцатый вѣкъ» (1872, стр. 333—337), предпослалъ имъ слѣдующее поясненіе:

«На третьей бумагѣ означено, что она составлена Рылѣевымъ и кажется была подана Спб. ген.-губ. графу Милорадовичу. Рылѣевъ былъ двоюроднымъ братомъ Константина Пахомовича и Екатерины Пахомовны Черновыхъ (матери ихъ родныя сестры), дѣтей генералъ-маіора Чернова, находившагося тогда при войскахъ въ Могилевской губерніи, генералъ-аудиторомъ 1-й арміи. Въ нашихъ рукахъ находится собраніе подлинныхъ писемъ (Черновыхъ, Новосильцова, гр. Строганова, Галямина, Александра Бартенева и др.), излагающихъ всѣ переходы этой трагедіи. Въ августѣ 1824 г. старикъ-отецъ Чернова уже собирался изъ Стараго-Быхова на свадьбу дочери. Въ ноябрѣ того же года Сергѣй Черновъ писалъ брату Константину о необходимости отмщенія: «Желательно, чтобы Новосильцовъ былъ нашъ зять; но ежели сего нельзя, то надо сдѣлать, чтобъ онъ умеръ холостымъ, хотя сіе прелестное твореніе заслуживаетъ и лучшей участи». Въ январѣ 1825 назначенъ поединокъ, по вызову Чернова; но онъ устраненъ въ Москвѣ (куда К. Черновъ нарочно ѣздилъ) обѣщаніемъ Новосильцова жениться и согласіемъ матери на его бракъ. «Папинька и маминька не довольны твоей поспѣшной поѣздкой въ Москву, писалъ брату въ Петербургъ Сергѣй Черновъ отъ 13 янв.; ибо когда мы тамъ появились, то мать Владиміра Дмитріевича (Новосильцова) тотчасъ извѣ-

стила главнокомандующаго (гр. Сакена), который призывалъ папиньку и удивлялся, что его дѣти осмѣлились сдѣлать такой противозаконный поступокъ. Когда папинька узналъ, что великій князь, зная, для чего ты ѣдешь въ Москву, съ позволенія Государя, самъ тебѣ дозволилъ сію поѣздку, то онъ совершенно успокоился и при моихъ разсказахъ проливалъ слезы восхищенія». Но Новосильцову самому не хотѣлось уже ѣхать въ Старый-Быховъ къ невѣстѣ. Онъ служилъ въ лейбъ-гусарахъ и былъ однимъ изъ блестящихъ флигель-адъютантовъ. «Государь сердитъ за что-то на Владиміра Дмитріевича (мартъ 1825 г.), писалъ Сергѣй Черновъ своему брату, и не принялъ его, когда сей пришелъ являться». Черновъ написалъ ему оскорбительное письмо, и на этотъ разъ (въ іюнѣ 1825 года) самъ Новосильцовъ въ Москвѣ вызвалъ его драться (у Прѣсненской заставы). Роковая встрѣча была отстранена княземъ Д. В. Голицынымъ: Новосильцовъ снова далъ обѣщаніе жениться не позже пяти мѣсяцевъ, и въ Старый-Быховъ отправлены успокоительныя письма отъ родителей жениха. Но сей послѣдній снова прибѣгъ къ уклончивымъ отвѣтамъ и на письменный вопросъ Рылѣева отвѣчалъ письмомъ къ К. Чернову (15 августа), въ которомъ говорилъ, что дѣло будетъ улажено исключительно между нимъ и родителями невѣсты, что посторонніе не должны въ него мѣшаться, что въ сентябрѣ онъ получитъ отпускъ и поѣдетъ въ Могилевскую губернію. Послѣдствіемъ были вызовъ со стороны Чернова и окончательный поединокъ.»

---

1. ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА ЧЕРНОВА.

(писана рукою Александра Бестужева).

Богъ воленъ въ жизни; но дѣло чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вѣроятности обѣщаетъ мнѣ смерть, и потому прошу г-дъ секундантовъ моихъ

объявить всѣмъ роднымъ и людямъ благомыслящимъ, которыхъ мнѣніемъ дорожилъ я, что предлогъ теперешней дуэли нашей существовалъ только въ клеветѣ злоязычія и въ воображеніи Новосильцова. Я никогда не говорилъ передъ отъѣздомъ въ Москву, что сбираюсь принудить его къ женитьбѣ на сестрѣ моей. Никогда не говорилъ я, что къ тому его принудили по пріѣздѣ, и торжественно объявляю это словомъ офицера. Могъ ли я желать себѣ зятя, котораго бы можно было по пистолету вести подъ вѣнецъ? Захотѣлъ ли бы я подобнымъ бракомъ сестры обезславить свое семейство? Оскорбленія, нанесенныя моей фамиліи, вызвали меня въ Москву; но увѣреніе Новосильцова въ неумышленности его поступка заставило меня извиниться передъ нимъ въ дерзкомъ моемъ письмѣ къ нему и, казалось, искреннее примиреніе окончило все дѣло. Время показало, что это была одна игра, вопреки завѣренія Новосильцова и ручательства благородныхъ его секундантовъ. Стрѣляюсь на три шага, какъ за дѣло семейственное; ибо, зная братьевъ моихъ, хочу кончить собою на немъ, на этомъ оскорбителѣ моего семейства, который для пустыхъ толковъ еще пустѣйшихъ людей преступилъ всѣ законы чести, общества и человѣчества. Пусть паду я, но пусть падетъ и онъ, въ примѣръ жалкимъ гордецамъ, и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души.

---

2. УСЛОВІЯ ДУЭЛИ

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА НОВОСИЛЬЦОВА СЪ ПОРУЧИКОМЪ ЧЕРНОВЫМЪ.

Мы секунданты нижеподписавшіеся условились:

1) Стрѣляться на барьеръ, дистанція восемь шаговъ, съ расходомъ по пяти.

2) Дуэль кончается первою раною при четномъ выстрѣлѣ; въ противномъ случаѣ, если раненый сохранилъ зарядъ, то имѣетъ право стрѣлять, хотя лежащій; если же того сдѣлать будетъ не въ силахъ, то поединокъ полагается вовсе и навсегда прекращеннымъ.

3) Вспышка не въ счетъ, равно осѣчка. Секунданты обязаны въ такомъ случаѣ оправить кремень и подсыпать пороху.

4) Тотъ, кто сохранилъ послѣдній выстрѣлъ, имѣетъ право подойти самъ и подозвать своего противника къ назначенному барьеру.

Полковникъ Германъ.
Подпоручикъ Рылѣевъ.
Ротмистръ Реадъ.
Подпоручикъ Шиповъ.

---

3. ЗАПИСКА О ДУЭЛИ НОВОСИЛЬЦОВА СЪ ЧЕРНОВЫМЪ.

(Писана Рылѣевымъ).

Лѣтомъ въ прошломъ 1824 году флигель-адъютантъ Новосильцовъ, познакомясь въ семействѣ генералъ-маіорши Черновой, находившейся тогда въ имѣніи своемъ близъ села Рожествена, объяснилъ ей желаніе свое жениться на ея дочери и объявилъ ей и прибывшему туда мужу ея, генералъ-маіору Чернову, что имѣетъ на то дозволеніе своихъ родителей, получивъ ихъ согласіе. Сговоръ и домашнее обрученіе сдѣланы были въ августѣ мѣсяцѣ того года, а вскорѣ и свадьба назначена; но при наступленіи сего времени, Новосильцовъ, подъ предлогомъ болѣзни отца своего, отправился въ Москву, давъ слово возвратиться чрезъ три недѣли. Съ дороги писалъ онъ своей невѣстѣ, но по прибытіи въ Москву прекратилъ переписку и не только не возвратился къ назначенному времени, но

оставилъ семейство Черновыхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой вѣсти. Въ продолженіе сего времени Новосильцовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, но не только не былъ у невѣсты, но даже не увѣдомилъ о себѣ письменно. Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подпоручикъ Черновъ, братъ невѣсты, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1824 года отправился въ Москву, желая объясниться въ семъ дѣлѣ съ подпоручикомъ Новосильцовымъ и положить конецъ оному. Въ Москвѣ, послѣ объясненія ихъ обоихъ по сему дѣлу, Новосильцовъ объявилъ Чернову въ присутствіи военнаго генералъ-губернатора и нѣкоторыхъ извѣстныхъ особъ съ обѣихъ сторонъ, что никогда не оставлялъ намѣренія жениться на Черновой; послѣ чего Черновъ, называя его женихомъ сестры своей, извинился, что сомнѣвался въ его честности. Мать Новосильцова тогда же письменно изъявила родителямъ Чернова согласіе на бракъ своего сына съ ихъ дочерью. Новосильцовъ далъ обѣщаніе совершить свадьбу въ теченіе шести мѣсяцевъ, желая отложить оную, какъ говорилъ онъ, для того, дабы не дать поводу думать, что онъ былъ къ тому вынужденъ, и Черновъ принятъ былъ матерью и семействомъ Новосильцова какъ родной, пробылъ въ Москвѣ около мѣсяца и отправился въ Петербургъ, куда поѣхалъ также и Новосильцовъ. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, Новосильцовъ сдѣлалъ вызовъ Чернову за разглашенные будто бы симъ послѣднимъ слухи, что принудилъ его жениться. Черновъ объяснилъ ему, что не только никогда не распускалъ такихъ слуховъ, но и не имѣлъ къ сему намѣренія; Новосильцовъ удовольствовался симъ объясненіемъ и объявилъ при посредникахъ, что дѣло ихъ остается въ томъ положеніи, въ коемъ оно въ Москвѣ находилось, т. е. что онъ женится въ теченіе урѣченнаго времени.

Хотя по всѣмъ вышепрописаннымъ обстоятельствамъ все семейство Черновыхъ не желало болѣе имѣть зятемъ Новосильцова, но подпоручикъ Черновъ, по ис-

теченіи положеннаго времени, желая дать сему дѣлу приличный конецъ, требовалъ, чтобы Новосильцовъ отправился къ отцу его въ Могилевъ и тамъ бы кончилъ оное, на что Новосильцовъ и далъ письменное обѣщаніе. Подпоручикъ Черновъ, не видя еще исполненія сего обѣщанія, узналъ, что отецъ его вынужденъ былъ сторонними средствами прислать Новосильцову письменный отказъ, и что по сему случаю имѣлъ генералъ-маіоръ Черновъ сильное огорченіе. * Подпоручикъ Черновъ, чувствуя, что главною причиною сего былъ Новосильцовъ, сдѣлалъ ему вызовъ 8 числа сего мѣсяца, а 10 числа въ 6 часовъ утра они стрѣлялись на пистолетахъ за Выборгскою заставою и оба опасно ранены. **

Обстоятельства, въ сей запискѣ изложенныя, основаны большею частію на письменныхъ доказательствахъ и извѣстны по изустнымъ объясненіямъ самого подпоручика Чернова и нѣкоторыхъ другихъ особъ заслуживающихъ вѣроятія. ***

Сентября 1825 года.

---

* Т. е. отъ своего начальника фельдмаршала графа Сакена, который, желая угодить матери Новосильцова, вѣроятно приказалъ отцу-Чернову, чтобы дѣло было прекращено.

** Новосильцовъ былъ перенесенъ въ ближайшую гостинницу, гдѣ и умеръ. Надъ тѣломъ его, близъ Лѣснаго Института, воздвигнута его матерью церковь.

*** На смерть Чернова есть стихотвореніе, приписанное въ печати В. К. Кюхельбекеру; но въ бумагахъ Ѳ. Булгарина, находящихся нынѣ у г. Сосновскаго, сохранился листокъ съ этими стихами, писанный рукою Рылѣева. Перемарки и поправки указываютъ, что самъ Рылѣевъ былъ авторомъ, а не переписчикомъ этого стихотворенія.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Думы, стихотворенія К. Рылѣева. Москва. Въ т. Селивановскаго. 1825. Въ малую 8 д. л., VIII, 172 и 1 ненум. стр. Въ началѣ приложена виньетка, гравированная Ал. Флоровымъ. Цензурное разрѣшеніе подписано 22 декабря 1824 г. Ив. Давыдовымъ. Послѣ посвященія и предисловія, напечатана 21 Дума, исключая помѣщенныхъ въ нынѣшнемъ изданіи подъ №№ I, VIII, XII, XXII, XXIII и XXV. Отличія отъ первоначальнаго и нынѣшняго текста будутъ указаны ниже. Рецензіи см. въ Библіографическихъ Листахъ 1825, № 13, ст. 184—186 (3 мая) и въ Сѣверной Пчелѣ 1825, № 37 (26 марта).

2. Вадимъ (стр. 3). Напечатано въ Русской Старинѣ 1871, № 1 (стр. 73—74), по рукописи, * принадлежавшей Ѳ. Булгарину. Послѣдніе 2 стиха «думы» были въ Р. Стар. напечатаны невѣрно. При печатаніи указаны незначительныя помарки рукописи и приведенъ сохранившійся списокъ «думъ», которыя Рылѣ-

* Оговоримся однажды, что подъ словомъ «рукописи», мы вездѣ подразумѣваемъ подлинникъ, писанный рукою Рылѣева, а не рукописныя копіи.

евъ, вѣроятно предполагалъ написать: Владиміръ, Рюрикъ, Вадимъ, Владиміръ-Мономахъ, Василько, Гарольдъ и Елизавета, Пожарскій и Мининъ, Марина, Мареа Посадница, Гермогенъ, Мазепа, Софія, Петръ Великій, Лукьянъ Стрѣшневъ, Минихъ, Румянцовъ, Суворовъ, Меньшиковъ, Потемкинъ, Яковъ Долгорукій.

3. Олегъ Вѣщій (стр. 4). Новости Литературы, 1822, ч. 1, № 11 (171—173). Перепечатано въ изд. 1825 г. (1—6).

4. Ольга при могилѣ Игоря (стр. 6). Нов. Лит. 1822. ч. 1, № 12 (187—190). Перепеч. въ изд. 1825 г. (7—13).

5. Святославъ (стр. 9). Соревнователь Просвѣщенія, 1822, ч. XIX, № 7 (79—83). Перепеч. въ Нов. Лит. 1822, ч. 1, № 4 (16—64) и въ изд. 1825 г. (15—21). Строфы 3—9 перепеч. М. Д. Хмыровымъ въ его статьѣ «Святославъ 1-й Игоревичъ» (Спб. 1871, стр. 17—18).

6. Святополкъ (стр. 11). Сынъ Отечества, 1821, ч. 74, № 47 (33—35) Противъ перепечатки въ изд. 1825 г. (23—26) варіанты заключаются въ 4 послѣднихъ стихахъ:

Вотъ въ мірѣ до чего людей
Доводятъ гибельныя страсти!
Навѣрно, будетъ тотъ злодѣй,
Кто не содержитъ ихъ во власти!

7. Рогнѣда (стр. 13). Полярная Звѣзда, 1823 (стр. 45—56). Перепеч. въ изд. 1825 г. (27—44) безъ перемѣны. Посвящена А. А. Воейковой.

8. Боянъ (стр. 22). Соревн. Просв., 1822, ч. XVII, № 3 (330—333). Примѣчаніе къ этой думѣ сдѣлано са-

мимъ Рылѣевымъ, а не Строевымъ. Перепеч. въ изд. 1825 г. (45—49) безъ перемѣнъ въ текстѣ Думы, но текстъ примѣчанія нѣсколько измѣненъ, напр. «Но мнѣ показалось вѣроятнѣе представить Бояна пѣвцомъ подвиговъ» и пр., или: .... «стараго времени. Время Владимірово (980—1015) въ отношеніи ко времени сочинителя Слова о полку Игоревѣ (1185) можетъ почитаться старымъ». Рукопись находится въ Чертковской библіотекѣ. Первая строфа первоначально была написана такъ:

Въ высокой гридницѣ, въ кругу бояръ, князей
Владиміръ-солнце веселился;
Со звономъ гуслей звукъ речей
Мѣшаясь, въ шумъ невнятный слился...

9. Владиміръ Святой (стр. 24). Русская Старина 1871, № 1 (75—77) съ варіантами, по рукописи, принадл. Булгарину. Послѣ 3-й строфы была еще одна, потомъ зачеркнутая

При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи,
И въ пышномъ теремѣ, и въ хижинѣ простой
Его сверкающіе очи
Тѣнь Ярополкову все зрѣли предъ собой.

Послѣ 7-й строфы было написано:

Какъ знакъ души изнеможенной,
........, какъ преступленья знакъ,
Вездѣ тоскою омраченной
Чернѣетъ на моемъ челѣ зловѣщій мракъ.

Другіе варіанты, указанные въ Р. Ст. незначительны и мы только укажемъ ошибку въ варіантѣ 6-мъ къ строфѣ 6-й: «ты избранный мной богъ», а не «испещренный», какъ напечатано въ Р. Ст.

10. Мстиславъ Удалый (стр. 27). Полярная

Звѣзда 1823, (282—284), съ посвященіемъ Ѳ. В. Булгарину; перепечатано въ изд. 1825 г. (51—56) и Р. Ст. 1872 г. № 5.

11. Михаилъ Тверской (стр. 29). Новости Литературы 1822, ч. 2, № 19 (93—96), съ посвященіемъ ему же; перепеч. въ Сынѣ Отеч. 1824, ч. 96, № 39 (277—280), въ изд. 1825 г. (57—63) и Р. Стар. 1872 г. № 5.

12. Димитрій Донской (стр. 31). Сынъ Отеч. 1822, ч. 80, № 40 (315—317). Перепечатано въ изд. 1825 г. (65—71) и Русской Ст. 1872, № 4.

13. Марѳа Посадница (стр. 34). Русская Ст. 1871, № 1 (78) по рукописи, принадл. Булгарину. Дума, повидимому, была совсѣмъ окончена, но продолженіе ея на 2-мъ полулистѣ оторвано; 3-я строфа первоначально была поставлена прежде 2-й, вслѣдъ за которою была набросана еще строфа:

И долго длилась тишина;
Заря на небѣ зажигалась
И вся окрестная страна
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкаго полна.
Повѣялъ холодъ съ береговъ...
Вдругъ съ Ярославова Дворища и пр.

14. Глинскій (стр. 35). Соревнователь Просв. 1822, ч. XIX, № 9 (314—321) и оттиснута отдѣльною брошюрою (Спб. 1822, in 8°, 8 стр.). При этомъ находилось примѣчаніе автора, не вошедшее въ изд. 1825 г. (73—84), именно: «Болѣе неудачное подражаніе, нежели переводъ прекрасной Думы Юліана Нѣмцевича. Глинскій, по вліянію своему на дѣла Россіи и Польши, равно принадлежитъ исторіи обоихъ государствъ. Измѣна его

отечеству и гибельный конецъ весьма поучительны. Это побудило меня сію пьесу Нѣмцевича присовокупить къ собранію Думъ, которое дѣлаю я, избирая предметы изъ отечественной исторіи. Р.» Изъ варіантовъ этого изданія, противъ сдѣланнаго въ 1825 г., мы укажемъ только важнѣйшіе; именно строфа 13 оканчивалась такъ:

Лишилъ меня зрѣнья владыка суровый,
Забывши и славу и старость мою,
На дядю царицы надѣлъ онъ оковы
И свелъ его въ бездну сію.

Этотъ варіантъ былъ сохраненъ и при перепечаткѣ въ Новостяхъ Литер. 1822, ч. 2, № 14 (11—16), но конецъ стихотворенія измѣненъ такъ:

Такъ Глинскій, мужъ Думы и пламенный воинъ,
Погибъ на чужбинѣ, въ тюремной глуши!
Хвалы бы онъ вѣчной былъ въ мірѣ достоинъ,
Когдабъ не надменность души!

Въ послѣднее время эта Дума перепечатана въ Русской Ст. 1872, № 2 (271—275 и 281), съ указаніемъ на недобросовѣстность издателя сочиненій Рылѣева (1861), какого то русскаго (или нѣмца) Л. Л. Л.

15. Курбскій (стр. 40). Сынъ Отеч. 1821, ч. 71, № 29 (129—131); стихотвореніе это названо «Элегіей» и помѣчено «Острогожскъ, іюня 20, 1821». Перепечат. въ изд. 1825 г. (85—89). Въ Русской Ст. 1871 г. № 1 (66—67) напечатано по рукописи, принадл. Булгарину, съ добавкою къ прежнему тексту 4-й строфы: «За то, что изнемогъ отъ ранъ» и пр. и съ измѣненіями въ послѣдней, конецъ которой прежде былъ напечатанъ такъ:

И мрачность на моемъ лицѣ
Веселость шумныхъ пиршествъ множитъ...

Увы! злымъ рокомъ я лишенъ
Семьи отечества драгова.
Сколь жалокъ тотъ, кто осужденъ
Искать въ странѣ чужой покрова.

16. Смерть Ермака (стр. 41). Русскій Инвалидъ 1822, № 14 (55—56), съ примѣчаніемъ редактора, А. Ѳ. Воейкова: «Сочиненіе молодаго поэта, еще мало извѣстнаго, но который станетъ рядомъ съ старыми и славными». Перепечат. въ Соревнователѣ Просвѣщ. 1822, ч. XVIII, № 4 (100—103), въ изданіи 1825 г. (91—99), въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1825 (56—59), въ альманахѣ «Венера» 1831, ч. 2 (117—122) и въ Русской Стар. 1872, № 2. Дума посвящена Петру Александровичу Муханову, товарищу автора по Обществу и брату скончавшагося въ 1872 г. Павла Александровича—предсѣдателя археографической комиссіи. Перепечатывая эту Думу въ Сѣв. Цвѣтахъ, П. А. Плетневъ прибавилъ: «Рылѣевъ избралъ для себя прекрасное поприще. Онъ представляетъ намъ поэтическія явленія изъ отечественной исторіи. Его такъ называемыя Думы содержатъ лирическій разсказъ какого либо событія. Не восходя до оды, которая больше требуетъ восторга, чувствованій и быстроты изложенія, онѣ отличаются благородною простотою истины и поэзіею самаго происшествія. Чистый и легкій языкъ, наставительныя истины, прекрасныя чувствованія, картины природы: вотъ что удовлетворяетъ въ нихъ любопытному вкусу». Замѣтимъ, что Плетневъ самъ подражалъ Рылѣеву въ сочиненіи Думъ, см. напр. «Минихъ» въ Сынѣ Отеч. 1821 г.; подобныя же подражанія были дѣлаемы г. Шидловскимъ, напр. «Карлъ XII», въ Календарѣ Музъ 1827 г.

17. Борисъ Годуновъ (стр. 44). Полярная Звѣзда 1823 (176—180); перепеч. въ изд. 1825 г. (101—107) и въ Русской Ст. 1872, № 4.

18. Димитрій Самозванецъ (стр. 46). Новости Литер. 1822, ч. 1, № 2 (28—31). Въ выноскѣ помѣщено примѣчаніе, не вошедшее въ изданіе 1825 г. (109—115): «Многіе неблагонамѣренные иностранные писатели усиливались доказать, что Самозванецъ былъ истинный Димитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича Грознаго; но знаменитый исторіографъ нашъ блистательно опровергнулъ ихъ умышленное сомнѣніе. Г. Карамзинъ ясно доказываетъ (въ X томѣ Ист. Госуд. Росс., который, къ славѣ отечества, вѣроятно выйдетъ въ концѣ нынѣшняго года) изъ лѣтописей, современныхъ дѣловыхъ бумагъ и переписокъ, что Самозванецъ—былъ Самозванецъ и что истинный Димитрій-царевичъ убіенъ въ Угличѣ». Перепеч. въ альманахѣ «Веѣера» 1831, ч. 2 (77—83) и въ Русской Ст. 1872, № 4.

19. Иванъ Сусанинъ (стр. 49). Полярная Звѣзда 1823 (370—374); перепеч. въ Новостяхъ Литер. 1823 г. и въ изд. 1825 г. (117—125).

20. Богданъ Хмѣльницкій (стр. 53). Русскій Инвалидъ 1822, № 54 (215—216); стихотвореніе это напечатано здѣсь съ невѣрнаго списка и поэтому обилуетъ неточностями и искаженіями. Въ этой редакціи находится и выраженіе: «куда лишь въ полдень проникалъ, скользя по сводамъ лучъ денницы» (ст. 2—3), надъ которымъ такъ глумился Пушкинъ. Въ исправленномъ видѣ Дума перепечатана въ Сынѣ Отеч. 1822, ч. 78, № 23 (130—134), съ примѣчаніемъ издателя: «Авторъ сего стихотворенія проситъ насъ увѣдомить читателей С. О., что оно напечатано въ Русскомъ Инвалидѣ безъ его вѣдома и съ невѣрнаго списка». Отсюда перепеч. въ Соревнователѣ Просв. 1822, ч. XVIII, № 6 (342—345), въ изд. 1825 г. (127—134) съ добавками, и въ Русской Ст. 1872, № 2. При перепечаткѣ въ изд. 1825 г. были добавлены стихи въ строфахъ 4—5: «А ты, пришлецъ.... тебя мое отмщенье ждетъ»; въ строфахъ 7—8:

«Кто ты?... ругаться, зря меня въ цѣпяхъ» и наконецъ полныя строфы 9-я и 14-я. Кромѣ того въ «Соревнователѣ» читались 2—3 стихъ 1-й строфы по прежнему: «Куда лишь въ полдень» и пр., 6-й стихъ 6-й строфы: «Усугубился съ думой сей»; 5-й ст. 8-й строфы: «Бѣги отселѣ, произноситъ», а послѣ 8-го стиха было прямо: «Вотъ мечъ... Мой мечъ, онъ восклицаетъ», и послѣдній стихъ 12-й строфы: «Кипя отвагой молодой». Въ изд. 1825 г. было кромѣ того исключено примѣчаніе къ стиху: «На Воды Желтыя, друзья!» бывшее въ прежнихъ перепечаткахъ: «Въ маѣ 1648 года одержана Хмѣльницкимъ при Желтыхъ Водахъ первая побѣда надъ войсками Республики Польской, бывшими подъ начальствомъ Степана Потоцкаго».

21. Артемонъ Матвѣевъ (стр. 56). Русскій Инвалидъ 1822, № 35 (140), и перепеч. въ изд. 1825 г. (135—142). Въ Русской Ст. 1871, № 1 (86—88) напечатана первоначальная редакція этой Думы съ рукописи, принадл. Булгарину. Разницы заключаются въ слѣдующемъ: въ 1 строфѣ 6-й стихъ читался: «Семь лѣтъ сносилъ позоръ изгнанья», а строфа 3-я:

Знать, были для гражданъ моихъ
Мои усилія не тщетны,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный;
Когда съ родительскихъ могилъ
Народъ мнѣ въ даръ привезъ каменья
И тѣмъ всю нѣжность изъявилъ
Ко мнѣ любви и уваженья!
Всѣ козни и пр.

Четырехъ первыхъ стиховъ въ 5-й строфѣ не было, и за стихомъ «И духъ къ добру...» слѣдовалъ стихъ: «Опалой царской не лишенъ...» Послѣдней строфы въ первоначальномъ спискѣ также не было и стихотвореніе оканчивалось словами Матвѣева.

22. Петръ Великій въ Острогожскѣ (стр. 58).

Соревнователь Просв. 1823, ч. XXI, № 3 (287—290). Перепеч. въ Новостяхъ Лит. 1825, ч. 7, № 15 (46—48), въ изд. 1825 (143—148) и въ Русской Ст. 1871, № 1. Примѣчанiе къ Думѣ сдѣлано самимъ авторомъ; въ изд. 1825 не вошла только выноска о «сердюкахъ».

23. Яковъ Долгорукiй (стр. 61). Русская Ст. 1871, № 1 (78—82), по рукописи, принадл. Булгарину, съ многочисленными варiантами.

Надъ стихотворенiемъ находится помѣта: «Сосва», и кромѣ того еще есть стихотворенiе, въ которомъ Рылѣевъ упоминаетъ объ этой рѣкѣ (стр. 183). Надо полагать, что онъ по порученiю Американской Компанiи былъ на Сѣверѣ въ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ которая нибудь изъ рѣкъ этого имени (одна въ Пермской, другая въ Тобольской губ.).

24. Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ (стр. 63). Девятнадцатый вѣкъ 1872 (370—371), по рукописи Чертковской библiотеки. Въ концѣ было написано еще 6 стиховъ, которые потомъ зачеркнуты:

Взвылъ страшнѣе лѣсъ дремучiй,
Мѣсяцъ спрятался за тучи,
Вѣтръ сильнѣй забушевалъ,
И за ближнею могилой
И ужасно и уныло
Вранъ зловѣщiй прокричалъ...

Село Рожествено находится въ нынѣшнемъ Царскосельскомъ уѣздѣ на р. Оредижи, впадающей въ Лугу. Оно принадлежало царевичу Алексѣю Петровичу. Родовое имѣнiе Рылѣева, дер. Ботова, наход. близъ этого села.

25. Волынскiй (стр. 64). Новости Литер. 1822, ч. 2, № 16 (42—46), съ слѣдующимъ примѣчанiемъ, которое точнѣе и полнѣе составленнаго потомъ Строевымъ. «Оберъ-егермейстеръ и кабинетный министръ, Арте-

мій Петровичъ Волынскій, служилъ государямъ Петру І-му, Екатеринѣ І-й, Петру II-му и Аннѣ. Въ послѣдніе годы царствованія императора Петра І-го былъ онъ астраханскимъ губернаторомъ и участвовалъ въ 1723 году въ усмиреніи калмыковъ. При императрицѣ Аннѣ, вскорѣ по составленіи кабинета, былъ онъ назначенъ кабинетнымъ министромъ и находился въ семъ высокомъ званіи до 1736 года, въ которое время отправленъ былъ вмѣстѣ съ д. т. с. барономъ Шафировымъ и т. с. Неплюевымъ на Немировскій конгрессъ, для переговоровъ съ турками. Возвратившись ко двору, онъ оставался въ кабинетѣ до 1740 года. Тутъ, движимый патріотизмомъ и раздѣляя всеобщую ненависть къ Бирону, воспользовался онъ однажды удобнымъ случаемъ, чтобы подать императрицѣ челобитную, въ коей представлялъ о необходимости удалить Бирона. Мстительный любимецъ узналъ о семъ и рѣшился погубить мужа-патріота. Фельдмаршалъ Минихъ упоминаетъ, что самъ видѣлъ, какъ императрица Анна обливалась слезами, подписывая смертный приговоръ Волынскаго. Преданіе говоритъ, что происшествіе сіе имѣло сильное вліяніе на добрую, но слишкомъ довѣрчивую государыню, и ускорило ея кончину. О характерѣ Волынскаго кн. Шаховской въ Запискахъ своихъ говоритъ, что онъ, разговорами своими, поселялъ высокое мнѣніе о любви своей къ отечеству, о ревности ко славѣ монаршей и усердіи къ пользѣ общественной.—Казнь Волынскаго послѣдовала 8-го іюля 1740 года. Онъ похороненъ на кладбищѣ церкви Самсонія, что на Выборгской сторонѣ, вмѣстѣ съ друзьями своими Хрущовымъ и Еропкинымъ. (Волынскій былъ неостороженъ въ словахъ. Биронъ симъ воспользовался; наряжена была коммисія, составленная изъ его враговъ, чтобы судить Волынскаго. Мужъ сей погибъ на плахѣ; друзья его были частію казнены, частію сосланы. *См. записки Манштейна*)».

Примѣчанiе это не вошло въ изд. 1825 г. (149—156). Въ Русской Ст. 1872, № 1 (62—65) «Дума» помѣщена съ рукописи болѣе точной, чѣмъ прежде напечатанный текстъ. Мы ее взяли отсюда и для нашего изданiя; а въ прежнихъ было:

Стр. 4. Но тотъ, кто съ гордыми въ борьбѣ
Наградъ не ждетъ и ихъ не проситъ,
И забывая о себѣ,
Все въ жертву родинѣ приноситъ.
Стр. 6. И хоть падетъ.
Стр. 7. Вражда къ неправдѣ закипитъ...
Неправосудiе въ обломкахъ...
Душою чистъ и правъ въ дѣлахъ...

Стр. 10 и 11 мы оставили по изданiю 1825 г., ибо не рѣшились пожертвовать ими одной, хотя и прекрасной строфѣ, замѣняющей ихъ въ рукописи:

Проникъ-и осѣнясь крестомъ,
Сказалъ онъ: «за тебя свобода!»
И къ мѣсту казни съ торжествомъ
Шелъ бодро вѣрный другъ народа.
Притекъ... увидѣлъ палача —
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвiе меча —
И кровью освятилась плаха.

26. Видѣнiе императрицы Анны (стр. 67). Русская Ст. 1870, № 11 (524—526), подъ заглавiемъ «Голова Волынскаго», по рукописи, принадл. Булгарину. Что эта рукопись представляетъ окончательную отдѣлку стихотворенiя видно изъ другой, принадлежащей Чертковской библiотекѣ рукописи, съ которой первая переписана почти дословно и потомъ въ ней сдѣланы исправленiя. Въ послѣдней рукописи сначала вся первая строфа была зачеркнута; а надъ 2-й и 3-й поставлены цифры: 1 и 2; наибольшимъ измѣненiямъ подверглась послѣдняя строфа. Заключительные стихи ея сначала были написаны:

Исчезла радость, шумъ затихъ,
На царедворцахъ мракъ угрюмой
И каждый глядя на другихъ,
Спѣшитъ домой съ тревожной думой.

Они имѣли еще варіантъ:

Засуетился весь народъ;
Въ тревогѣ тайной Биронъ бродитъ
И вдругъ онъ, блѣденъ какъ мертвецъ,
Ее въ безпамятствѣ находитъ.

27. Наталія Долгорукова (стр. 70). Новости Лит. 1822, ч. 5, № 30 (61—64), перепеч. въ изд. 1825 г. (157—163). Въ Русской Ст. 1871, № 1 (88—90) напечатана по рукописи, принадл. Булгарину, и представляющей одну изъ первыхъ редакцій стихотворенія. Подъ нимъ помѣта: «Около Павлограда, близъ сл. Дмитріевки, на Самарѣ» (рѣка Екатеринославской губ., впадающая въ Днѣпръ). На томъ же листѣ набросано четверостишіе: «Я помню васъ» (стр. 185). Въ рукописи этой вмѣсто стиховъ, начиная съ 4-го строфы 4-й, и строфъ 5, 6 и 7 было:

Ему я спутницей была
Въ странѣ угрюмой и пустынной
И въ даръ съ рукою принесла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ.
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.
Свершится завтра жребій мой;
Раздастся колоколъ церковный
И я навѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной
О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ и пр.

Строфы 10-й въ рукописи не было; а въ концѣ былъ набросанъ варіантъ:

Вруча на вѣкъ Творцу себя,
Отрекшись жизни сей мятежной,
Не въ-правѣ завтра буду я
Воспоминать о страсти нѣжной!...

28. Державинъ (стр. 72). Сынъ Отеч. 1822, ч. 82, № 47 (31—35), съ посвященіемъ Н. И. Гнѣдичу; перепечат. въ изд. 1825 г. (165—172) и въ Русской Ст. 1871, № 1 и № 11 (565—567); въ послѣднемъ случаѣ по рукописи, принадлежащей дочери автора. Этотъ текстъ вошелъ и въ настоящее изданіе, но такъ какъ онъ очень разнится отъ первоначальной редакціи, то мы и не приводимъ варіантовъ, а отсылаемъ читателей къ 1-й книжкѣ Русской Старины 1871 г.

29. Войнаровскій (стр. 89). Отдѣльное изданіе этой поэмы вышло въ мартѣ 1825 г. «Войнаровскій. Сочиненіе К. Рылѣева. М. Въ тип. С. Селивановскаго.» Цензурное разрѣшеніе подписано Никол. Бекетовымъ 8 января.—Въ 8 долю л., страницъ XXIV и 1—64; изъ нихъ на III посвященіе Бестужеву, на V предисловіе, на VIII—XVII жизнеоп. Мазепы, на XVIII—XXIV тоже Войнаровскаго, на 1—50 поэма и на 51—64 примѣчанія. Изданіе сдѣлано довольно небрежно: нѣкоторые стихи искажены (напр. «насталъ день грустныхъ похоронъ» или: Мазепа подъ костромъ сосновымъ); примѣчанія къ 1-й части, начиная съ 6-го, перепутаны: послѣ 5-го назначено 7-е, но съ 12-го, за пропускомъ 11-го, сравниваются; часть стиховъ отмѣчена, но примѣчаній нѣтъ: 19) Могила уныло съ вѣтромъ говорила, 20) Надъ мною хищный вранъ леталъ, 21) И зрю, покрытая серпяномъ, 22) пропущено, 23) Ужъ близокъ часъ, близка борьба.—Ко второй части примѣчанія вовсе не напечатаны, не смотря на 11 ссылокъ при стихахъ: 1) Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы, 2) Едва на окна ледяныя, 3) Для пользы родины моей, 4) Теперь и брань и поношенье, 5) Когда бъ онъ сталъ

врагомъ народу, 6) Отчизну мнѣ напоминая, 7) Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ, 8) Онъ погубить хотѣлъ народъ, 9) пропущено, 10) Не раздѣлять со мной страданье, 11) Его на быстрой нартѣ мчалъ.

«Предисловіе» приложено къ изданію, повидимому, по особымъ соображеніямъ автора, равно какъ и подстрочныя примѣчанія къ стихамъ. 1) За дѣло чести и отчизны (стр. 107): «Такъ извиняетъ свое преступленіе справедливо и милосердо наказанный Войнаровскій.» 2) Не пожалѣешь за Украйну (стр. 112): «Напрасная забота!, о благѣ Украйны пекся великій преобразователь Россіи.» 3) Иль слава ждетъ иль поношенье (стр. 113): «Какая слава озарила бы Мазепу еслибы онъ содѣйствовалъ Петру въ незабвенную битву полтавскую! Какое безславіе омрачаетъ его за вѣроломное оставленіе побѣдоносныхъ рядовъ Петра!» 4) И Петръ и я—мы оба правы (стр. 118): «Это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавою. — Удивительна дерзость, сравнивать себя съ Петромъ.» 5) Врага страны своей родной (стр. 127) «Татары и поляки.»—Нѣкоторые стихи были измѣнены а другіе вовсе пропущены, иногда даже безъ означенія пропуска точками. Именно по нынѣшнему изданію: 1) стр. 107, ст. 2 снизу пропущенъ; 2) стр. 105, ст 10—13; 3, стр. 107, ст. 14 (Къ чему напрасное моленье); 4) стр. 114, ст. 3; 5) стр. 116, ст. 12, а въ 13-мъ напеч. «отчизны и вождей»; 6) стр. 117, ст. 4 и 5 снизу, а въ предшествовавшемъ напеч. «насъ сгубило», хотя прежде того всѣ 3 стиха появились вполнѣ въ отрывкѣ въ Полярной Звѣздѣ 1824 г.; 7) стр. 119, ст. 20 былъ: «Родство и дружбу и природу», а 22-й: «Когда бъ онъ сталъ врагомъ народу», 8) стр. 122, ст. 17 былъ: «О странникъ, странникъ, всѣ мечтали», а 19: «надежду родины»; 9) стр. 127, ст. 20; 10) стр. 128, ст. 1: «Чтить славныхъ», а ст. 15—18 были пропущены.

Отрывки изъ Войнаровскаго, до появленія полной

поэмы, были напечатаны: 1) въ Полярной Звѣздѣ 1824 г. Юность Войнаровскаго (стр. 82—86) отъ стиха: «Врагъ хищныхъ крымцевъ» до стиха: «И въ милой дѣвѣ запылала»; Бѣгство Мазепы (230—233), отъ стиха: «Полтавскій громъ загрохоталъ», до стиха: «И въ плащъ широкій завернулся.» 2) Въ Сынѣ Отеч. 1824, ч. 91, № 3 (130—132) Якутскъ — начало поэмы до стиха: «Чело злодѣя прояснитъ». 3) Въ Соревнователѣ Просвѣщ. 1824, ч. 25, № 3, (255—257) Смерть Войнаровскаго — конецъ поэмы отъ стиха: «Въ пустынѣ странникъ просвѣщенный». Вся поэма перепечатана съ сокращеніемъ примѣчаній, безъ предисловія и жизнеописанія Мазепы — въ Русской Старинѣ 1871, № 4 485—512). Тамъ же приведено и начало поэмы, по черновому наброску, принадл. Булгарину, до стиха «Огвелъ бесѣдой просвѣщенной». Пропуски были возстановлены отчасти при этомъ печатаніи, а отчасти дополнены впослѣдствіи (№ 5 и № 11, и 1872 г. № 10).

По отпечатаніи настоящаго изданія мы встрѣтили указанія, что на стр. 107, послѣ 13 стиха, слѣдуетъ помѣстить стихъ: «Къ чему напрасное моленье!»

Рецензіи на поэму были напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ 1825 г. № 32 (14 марта) и въ Библіографическихъ Листахъ № 13 (3 мая), ст. 186—188. Книжка продавалась по 6 руб. асс.

30. Отрывки изъ поэмы Наливайко (стр. 141). Напечат. въ Полярной Звѣздѣ 1825 года: Кіевъ (стр. 185—186), Смерть чигиринскаго старосты (стр. 30—31), Исповѣдь (стр. 370—372); перепеч. въ Русской Ст. 1871 г. № 1, и 1872 г. № 5. «Исповѣдь» переведена на языки французскій (два раза, въ прозѣ), итальянскій и голландскій.—М. А. Назимовъ сообщилъ мнѣ, что Рылѣевъ читалъ ему, незадолго до 14 декабря 1825 г., значительную часть поэмы «Наливайко», много подвинувшейся тогда впередъ. Гдѣ эта рукопись, мы не знаемъ.

31. Гайдамакъ (стр. 145). Соревнователь Просвѣщ. 1825, ч. 30, № 4 (97—104); перепечат. въ «Кометѣ», альманахѣ на 1830 г. (стр. 227—237), изданномъ И. В. Селивановымъ, и въ Русской Ст. 1871, № 1 (102—110), при чемъ приведены обширные варіанты по семи черновымъ подлиннымъ спискамъ, принадлеж. Булгарину.

32. Палѣй (стр. 150). Сѣверная Пчела 1825, № 2, на послѣдней стр. Перепеч. въ Русской Старинѣ 1871 г., № 1 (110—111), съ варіантами, по рукописи, принадл. Булгарину.

33. Видѣніе (стр. 152). Литературные Листки, Ѳ. В. Булгарина, 1823, № 3 (39—40), съ подписью: «Рылѣевъ». Къ стихотворенію были присоединены: «примѣчанія издателя»; именно къ стихамъ: 1) Неправды съ правдою святой: «Подъ именемъ святой правды здѣсь подразумѣвается Священный Союзъ, установленный для блага народовъ». 2) Смотри въ движеньи сонмъ царей: «Сіе относится къ Западной Европѣ, гдѣ дерзостные осмѣлились возстать противъ законной, Богомъ установленной власти, и пали на вѣки—и Европа спасена отъ ужасовъ безначалія». 3) Будь Антониномъ на престолѣ: «Исторія не любитъ именовать живыхъ.—Карамзинъ. Истор. Гос. Росс. Т. 9, стр. 427, строка 24».—Перепечат. въ Русской Ст. 1872 г., № 3 (420—422), при чемъ въ 6-й строфѣ 3-й стихъ напечатанъ невѣрно: «Тебя иная ждетъ судьбина». 1-й стихъ 2-й строфы читается еще такъ: «Но вотъ съ устенъ царицы мудрой».

34. Гражданское мужество (стр. 155 и 220). Русская Старина 1871, № 1 (98—101) по неточному списку и потомъ перепечатано тамъ же (№ 11, стр. 562—565) съ подлинной рукописи, принадлежащей Е. И. Якушкину. Отрывокъ по черновому наброску на черновомъ же письмѣ Булгарина былъ напечатанъ, однако далеко

не весь, въ «XIX вѣкѣ» г. Бартенева (1872, стр. 367); онъ возстановленъ нами (стр. 220) по подлиннику, обязательно сообщенному П. И. Бартенёвымъ. Для курьеза замѣтимъ, что въ спискахъ этого стихотворенія встрѣчалась риөма «Бренновъ» и «Цицероновъ»; одинъ издатель (въ 1858) поправилъ и напечаталъ «Цицереновъ», а другой, считающій себя грамотнымъ (Л. Л. Л.), возстановилъ: «Цицероновъ», но исправилъ и напечаталъ: «Бронновъ» (1861 г.).

35. Къ Временщику. Подражаніе Персіевой сатирѣ: Къ Рубеллію (стр. 158). Невскій Зритель 1820, ч. 4, кн. 10, октябрь (26—28), съ подписью: «Рылѣевъ». Первое, по времени напечатанія, стих. Рылѣева. Современники поэта видѣли въ этомъ подражаніи Рубеллію прямую, грозную и крайне смѣлую сатиру на гр. Аракчеева и ждали грозы, но Аракчеевъ не рѣшился узнать себя въ рѣзко-набросанномъ портретѣ. Буквальный переводъ сатиры «Къ Рубеллію», сдѣланный М. В. Милоновымъ гораздо ранѣе, былъ напечатанъ въ журналѣ А. Е. Измайлова: «Цвѣтникъ» 1810, № 10, стр. 63—67, безъ подписи переводчика (см. также стих. Милонова, Спб. 1819, стр. 10—13).—Въ Невскомъ Зрителѣ вслѣдъ за сатирою Рылѣева было напечатано стих. Петра Ракитина: «Польской», съ примѣч., что оно «доставлено издателямъ отъ друга автора, К. Ө. Р—ва». Въ бумагахъ его нашлось еще 2—3 стихотв. изъ напечатанныхъ въ Невскомъ Зрителѣ съ именемъ Ракитина.

36. Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу (стр. 160). Сынъ Отеч. 1821, ч. 74, № 50 (175—178).

37. Къ Каховскому (стр. 163). Напечатано въ Русской Старинѣ 1872, № 1 (65—66) по рукописи, принадлежащей дочери поэта. Въ наше изданіе мы не внесли конецъ стихотворенія, около 15 стиховъ очень слабыхъ.

38. Ѳ. Н. Глинкѣ (стр. 164) Русская Ст. 1871, № 1 (95) по рукописи, принадлеж. Булгарину. Писано одновременно съ думою «Державинъ» (1822).

39. А. А. Бестужеву (стр. 164). Тамъ же, стр 94. Писано въ деревнѣ родныхъ жены поэта, около 1821 г.

40. Къ нему же (стр. 165). Тамъ же, 1870 г., № 7 (88—89) по списку, написанному Мих. Ал. Бестужевымъ.

41. Стансы (стр. 166). Полярная Звѣзда 1825 г. (115—116).

42. В. Н. Столыпиной (стр. 167). Сѣверная Пчела 1825, № 57, послѣдняя стр. Подпись Р. Перепечат. въ Русской Старинѣ 1872, № 2 (280—281).

43. Отрывокъ изъ Путешествія на Парнассъ (стр. 168). По рукописи, принадл. дочери поэта. Все стихотвореніе слабо и растянуто.

44. Заблужденіе (стр. 169). Невскій Зритель 1821, ч. 5, январь (стр. 37).

45. Нечаянное счастіе (стр. 170). Напечатано по рукописи, принадлеж. Чертковской библіотекѣ.

46. Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида (стр. 170). Библіографическія Записки 1861, № 19 (ст. 585), въ моей замѣткѣ по поводу изданія соч. Пушкина, у котораго встрѣчается переводъ этой-же пьесы Парни (ср. Coup d'oeil sur Cythere. Oeuvres de Parny, p. 792): «Я знаю, Лидинька, мой другъ.» Въ черновой рукописи, принадл. дочери Рылѣева, въ первомъ стихѣ первоначально вмѣсто Дориды была оставлена тоже Лидинька. «Повѣрь, о Лидинька, я знаю»; потомъ было: «Повѣрь ужъ

мнѣ извѣстно, Лида!» Стих. это написано на одномъ листѣ съ третьимъ, ненапечатаннымъ, отрывкомъ изъ «Провинціала въ Петербургѣ», озаглавленнымъ: «Женская Игрушка».

47. Пустыня (стр. 171). Все стихотвореніе очень растянуто и слабо, такъ что мы взяли только небольшіе отрывки. Оно было непечатано почти вполнѣ въ Соревнователѣ Просвѣщенія 1821, ч. XVI, № 12 (337—347), за исключеніемъ послѣднихъ 38 стиховъ, начиная: «Опять подъ-часъ въ прихожей» (стр. 175), которые взяты нами изъ рукописи, принадл. дочери Рылѣева.

48. Надгробная надпись (стр. 176). Соревнователь Просв. того-же года № 10 (86).

49. М. Г. Бедрагѣ (стр. 176). По рукописи, принад. дочери Р. Помѣщено нами вслѣдъ за предыдущимъ стих., какъ имѣющее къ нему отношеніе.

50. На рожденье Я. Н. Бедраги (стр. 177). Русская Старина 1871, № 7 (80); записано было М. А. Веневитиновымъ со словъ Якова Никол. Бедраги, роднаго племянника М. Г. Бедраги (см. стр. 194).

51. На смерть сына (стр. 177). По рукописи, принадл. дочери, напеч. были въ Русской Ст. 1871, № 11 (568). Въ рукописи стихи эти заглавія не имѣютъ; упоминается о нихъ въ перепискѣ изъ крѣпости (стр. 289).

52. Элегіи и Къ N. N. (стр. 178—179). Всѣ три стихотворенія написаны на одномъ листѣ, причемъ двумъ первымъ дано одно общее заглавіе. По рукописи дочери были приготовлены мною къ напечатанію въ Библіогр. Запискахъ 1861 г., но тамъ я могъ помѣстить только послѣднее (№ 18, ст. 582), ибо 2 первыхъ

были списаны у меня Н. В. Г. и отданы въ Русское Слово, гдѣ и напечатаны (1861, № 4, стр. 42 и 50). Ошибки первоначальнаго чтенія исправлены нынѣ по рукописи и кромѣ того исправленный текстъ стих. «Къ N. N.» былъ перепечатанъ въ Русской Ст. 1872, № 1 (66—67).

53. Оставь меня (стр. 179). Русская Ст. 1871, № 1 (98) по рукописи, принадл. Булгарину.

54. Эпиграммы (стр. 180). Первая тамъ же, по тѣмъ-же рукописямъ (стр. 101), а вторая въ Русскомъ Архивѣ 1871, № 7 и 8 (1012).

55. Отрывки и наброски (180—186).—1 и 13 по рукописямъ, принадл. Чертковской Библіотекѣ; изъ нихъ послѣдній былъ напечатанъ въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» (стр. 371—372), но на половину не былъ разобранъ и притомъ прочитанъ съ конца къ началу, ибо Рылѣевъ часто писалъ черновые наброски, начиная съ 4-й стр. листа, потомъ переходилъ къ 1-й, т. е. не отвертывалъ листа, и затѣмъ уже переносилъ продолженіе на 2 и 3 стр.—8-й отрывокъ взятъ со списковъ, а остальные съ рукописей, принадл. Булгарину, и были напеч. въ Русской Ст. 1871, № 1 (96—97, 101—102 и 112) и 1872, № 5.

56. Гражданинъ (стр. 188). Отрывокъ изъ послѣдняго стихотворенія, написаннаго на свободѣ. Подлинная рукопись хранилась у Н. И. Пущина.

57. Нѣчто о среднихъ временахъ (стр. 190) и Изъ писемъ изъ Парижа (стр. 191) по рукописямъ, принадлеж. дочери.

58. Объ Острогожскѣ (стр. 193). Русская Ст. 1871, № 1 (83—84), по рукописи, принадл. Булгарину.

Написано на одномъ листѣ съ посланіемъ къ Бестужеву (стр. 164).

59. Еще о храбромъ Бедрагѣ (стр. 194). Отечеств. Записки 1820, ч. IV, № 8 (284—289).

60. Нѣсколько мыслей о поэзіи (стр. 197). Сынъ Отеч. 1825, ч. 104, № 22 (145—154).

61. Письма къ Пушкину (стр. 203). Русская Ст. 1871, № 1 (113) — письмо 8-е, и Девятнадцатый Вѣкъ (стр. 376—382). Письма Пушкина къ Рылѣеву, въ черновыхъ набросках или копіяхъ, по всей вѣроятности, должны сохраниться у П. В. Анненкова, что можно видѣть изъ отрывковъ, приводимыхъ имъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина». У дочери Рылѣева сохранилось письмо О. Сомова съ присылкою ея матери 500 руб., которые Пушкинъ остался долженъ К. Ѳ—чу. Копіи съ подлинныхъ писемъ Рылѣева, хранившихся у Пушкина, были сдѣланы (и такимъ образомъ сбережены для печати) извѣстнымъ библіографомъ С. Д. Полторацкимъ.

62. Письма къ Булгарину (стр. 214). Русская Ст. 1871, № 1 (65—70) по рукописямъ, принадл. Булгарину, за исключеніемъ 3-го письма съ отвѣтомъ (стр. 217—222), которые напечатаны въ Девятнадцатомъ Вѣкѣ (365—368) по рукописямъ Чертковской Библіотеки, по которымъ нами и исправленъ текстъ «XIX вѣка». Послѣднее письмо (стр. 222—223) ошибочно помѣчено въ Русской Ст. декабремъ 1825 г. Оно относится ко времени между 14 и 26 числами марта, въ которые появились въ Сѣв. Пчелѣ (№ 32 и 37) отзывы Булгарина о «Войнаровскомъ» и «Думахъ».

63. Письма къ отцу и матери (стр. 223). Второе напечатано въ XIX вѣкѣ (362—365) по рукописи

Чертковской Библ., а остальныя въ нашемъ изд. по рукописямъ, принадл. дочери. Для напечатанія (какъ и въ слѣдующемъ отдѣлѣ) мы выбрали всѣ, заключающія въ себѣ, хотя-бы и очень скудныя, черты для будущей біографіи поэта; пропущены только письма, имѣющія чисто семейное значеніе, равно какъ и подобныя же мѣста въ письмахъ, выбранныхъ для печати.

64. Письма къ свояченицѣ и женѣ (стр. 247). По рукописямъ, принадлежащимъ дочери.

65. Переписка изъ крѣпости (стр. 260). Только послѣднее письмо, написанное Рылѣевымъ за нѣсколько часовъ до смерти, послѣдовавшей во вторникъ 13 іюля 1826 г., въ 5 ч. утра, было напечатано въ «Запискахъ» Н. И. Греча (Русскій Вѣстн. 1868, № 6, стр. 384—385), въ статьѣ Д. А. Кропотова «Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ» (Рус. Вѣстн. 1869, № 3, 244—245) и въ «Воспоминаніяхъ» кн. Е. П. Оболенскаго (XIX вѣкъ, 330—331). Нами оно перепечатано прямо съ подлинника, принадлежащаго дочери, равно какъ и вся переписка. Мы не рѣшились дѣлать въ ней какія либо сокращенія и оставили фразы и даже цѣлыя письма, которыя могутъ показаться совсѣмъ излишними для печати, если не вспомнить: въ какомъ положеніи и при какихъ обстоятельствахъ все это было написано.

66. Три послѣднія стихотворенія и записка къ кн. Е. П. Оболенскому (стр. 290—293). Въ первый разъ всѣ три стихотворенія были напечатаны въ Библіогр. Запискахъ 1861, № 15 и 19 (стр. 417 и 581), по спискамъ, имѣвшимся у Н. В. Басаргина и у меня; въ послѣднее время вновь напечатаны въ «Воспоминаніяхъ» кн. Оболенскаго, въ Девятнадцатомъ вѣкѣ (325, 327 и 323) съ довольно неправильнаго текста и съ такими опечатками, напр. свѣтъ, вм. святъ,

катящи вм. каплющи, сей духъ вм. чей и пр.—По подлинной рукописи стих. «О милый другъ» напечатано въ Русской Ст. 1871, № 11 (569—570).

67. Приложенія (стр. 303—315) взяты изъ XIX вѣка (письмо Муханова и дѣло Черновыхъ) и изъ рукописей, принадлежащихъ дочери (письма Зубковскаго и Сомова).

Изъ напечатанныхъ сочиненій Рылѣева не вошли въ наше изданіе:

1. Къ другу «Не намъ, мой другъ, съ тобой чуждаться». Невскій Зритель 1820, ч. IV, № 11 (141—142).

2. Къ Деліи: «Опять, о Делія, завистливой судьбою». Тамъ-же, № 12 (207—208). При печатаніи одинъ стихъ былъ измѣненъ противъ имѣющейся у насъ рукописи: «Ахъ, я-бъ теперь съ тоскою не скитался», вм. «Ахъ, я-бъ теперь съ тоской и грустью не скитался»; а четыре заключительные стиха были вовсе пропущены. Вотъ они въ связи съ предыдущими:

Ахъ, скоро-ли опять изъ шумной и огромной
Столицы Сѣвера, о мой безцѣнный другъ,
Нечаянно въ твой домикъ скромный.
Предстанетъ нѣжный твой супругъ,
И ты въ объятія къ нему полунагая
Съ постели бросишься, вся въ радости, въ слезахъ,
И я забуду все—на трепетныхъ грудяхъ
Въ восторгахъ пылкихъ утопая.

3. Тріолетъ Наташѣ. Невскій Зритель 1820, № 12 (212); напечатано еще по рукописи въ статьѣ г. Кропотова (Р. Вѣстн. 1869, № 3, 239).

4. Эпиграмма: «Ты знаешь Фирса чудака». Благонамѣренный 1820, ч. IX, № 5 (334).

5. Надпись къ портрету одного стараго воина, умершаго отъ кровопусканія. Тамъ-же (335).

6. Романсъ: «Какъ счастливъ я». Тамъ-же, № 6 (415—416).

7. Къ Деліи. Подражаніе Тибуллу: «Почто о Делія съ колѣнопреклоненьемъ». Тамъ-же, ч. XI, № 13 (50—52); помѣчено: Острогожскъ.

8. Эпиграмма: «Бездѣлокъ нѣсколько». Тамъ-же (54).

9. Шарада. Тамъ-же, ч. XII, № 23 и 24 (372—373); перепечатана въ Русской Ст. 1870, № 7 (96).

10. Провинціалъ въ Петербургѣ. Первый выѣздъ. Магазины.—Невскій Зритель 1821, ч. V, № 1 (48—55). Статья въ прозѣ.

11. Жестокой: «Смотри, о Делія». Тамъ-же, № 2 (147—148).

12. Древніе и новые. Изъ Провинціала въ Провинціи. Тамъ-же (156—159), безъ подписи. Статья въ прозѣ.

13. Чудакъ. Тамъ-же (160—163). Статья въ прозѣ.

14. Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. Начало и конецъ этой статьи напечатаны въ «Девятнадцатомъ Вѣкѣ» (355—359), а середина въ Русской Ст. 1871, № 11 (533 — 548). Статья эта только «приписывается» Рылѣеву и потому мы не рѣшились внести ее въ наше изданіе, не смотря на весь ея интересъ.

Рылѣеву «приписывается» еще нѣсколько стихотвореній, вовсе ему не принадлежащихъ; именно: 1) «Неслышно шума городскаго»—Ѳ. Н. Глинки; 2) «На смерть Байрона» (Русская Ст. 1872, № 10, 439 — 440); 3) «Ода Императору Александру I»; 4) Гласъ осужденнаго въ темницѣ: «Я слышалъ смертный приговоръ», иначе: «Посланіе къ друзьямъ»—стихотв. крайне плохое; объ А. Ѳ. Орловѣ говорится, какъ о лицѣ въ такомъ званіи, которое онъ получилъ лѣтъ черезъ 15; осужденный «на смерть» собирается «влачить жизнь» въ жильѣ Бурета (риѳма для. свѣта) и т. п.; 5) «Краса природы» — совершенная противоположность нравственнымъ убѣжденіямъ Рылѣева (приписывается еще

М Д. Деларю); 6) «Свободы гордой»—Н. М. Языкова; 7) Надпись на оловянной тарелкѣ, сдѣланная Рылѣевымъ (по словамъ Николая Роман. Цебрикова), противорѣчитъ тогдашнему настроенію Рылѣева и всѣмъ его письмамъ и стихамъ, писаннымъ въ крѣпости; 8) Два стиха, сказанные будто бы на эшафотѣ, когда было вовсе не до стиховъ, составляютъ начало 5-стишія, написаннаго Н. М. Языковымъ, наконецъ 9) «Посланіе къ женѣ»—нелѣпое переложеніе въ стихи послѣдняго, предсмертнаго письма Рылѣева къ женѣ, и только остроуміе нѣмецкаго издателя сочиненій Рылѣева (Л. Л. Л.) могло повѣрить, что человѣкъ, за часъ или за два до казни написавшій прощальное письмо, будетъ еще перекладывать его въ стихи.

Скажемъ нѣсколько словъ о подлинныхъ рукописяхъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи.

I. Принадлежавшіе Ѳ. В. Булгарину и сообщенные Т. А. Сосновскимъ Русской Старинѣ, почти всѣ тамъ и напечатаны, исключая несвязныхъ набросковъ и замѣтокъ. Кромѣ того въ числѣ ихъ: 1) была страница съ означеніемъ именъ и характеристикъ дѣйствующихъ лицъ, повидимому, предполагавшейся пьесы и нѣсколько фразъ, какъ бы изъ этой же пьесы. Дѣйствуютъ Пенская 40-лѣтняя вдова, кокетка и святоша, ея 18-лѣтняя племянница Наташа, 50-лѣтній отставной секундъ-маіоръ Хвастонъ, его племянникъ Шумскій, гусарскій ротмистръ; богатый купецъ Старовѣровъ, уѣздный судья Угрюмовъ съ женою, городничій отст. маіоръ Храбровъ, горничная и люди; дѣйствіе въ помѣстьи Пенской. 2) Черновой набросокъ статьи о романтизмѣ и классицизмѣ (ср. примѣчаніе 60). 3) «Реестръ книгамъ, которыя могутъ служить для историч. словаря писателей» — 53 названія книгъ и 14 именъ писателей. 4) «Сочинители» — 5 именъ съ летучими замѣтками. 5) тетрадь въ 10 по-

лулистовъ мелкаго письма руки Рылѣева, озаглавленная буквою К., съ собранными изъ разныхъ книгъ и журналовъ біограф. свѣдѣніями о Кантемирѣ, Карабановѣ, Карамзинѣ, Климовскомъ, Ф. и И. Кариныхъ, Каріонѣ-Истоминѣ, Княжнинѣ и Капнистѣ, и 6) почтовый полулистъ съ стихотвореніемъ: «Клянемся честью и Черновымъ».

II. Принадлежащіе Чертковской Библіотекѣ напечатаны отчасти въ XIX вѣкѣ, отчасти въ нашемъ изданіи въ первый разъ. Кромѣ того въ числѣ ихъ находятся: 1) Черновой списокъ состава Полярной Звѣзды на 1823 годъ, набросанный на одномъ листѣ съ стих. «Жена грѣхъ тяжкій совершила». 2) Заявленіе издателей Полярной Звѣзды о неперепечатываніи пьесъ изъ ихъ сборника, напечатанное въ Русскомъ Архивѣ съ именемъ Рылѣева. Оно писано рукой Бестужева, равно и обѣ подписи (т. е. его и Рылѣева) сдѣланы имъ же. 3) Черновой отрывокъ изъ «Войнаровскаго», повидимому изъ первоначальной редакціи, съ стиха: «Я помню радость дѣвы нѣжной» до: «Чтобъ ими друга врачевать»; а на оборотѣ написанъ отрывокъ: «Будь ласковъ, дѣдушка, ко мнѣ» (стр. 180). 4) Боянъ, дума, изъ которой варіанты указаны нами въ примѣчаніи и 5) Любовь къ отчизнѣ. Ода. Іюня 4 дня 1813. Она переписана особенно тщательно на небольшомъ листкѣ и подписана: «Кондратій Рылѣевъ». Вотъ нѣсколько стиховъ изъ заключительной строфы этой оды.

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сынъ!
Злодѣйскихъ замысловъ рушитель,
Россіи вѣрный гражданинъ,
И бичъ и ужасъ всѣхъ французовъ!
Скончался тѣломъ ты, Кутузовъ,
Но будешь вѣчно живъ, герой! и пр.

III. Изъ рукописей, принадлежащихъ дочери К. Ѳ—ча, мы сдѣлали выборки не очень значительные и поэтому приводимъ подробный перечень ихъ:

1) Перегнутый полулистъ, на которомъ исписано 2 съ пол. стр. каждая въ 2 столбца, почеркомъ нетвердымъ, но похожимъ на почеркъ въ слѣдующей тетради: «Кулакіада. Пѣснь 1.» Подписи нѣтъ.

2) Тетрадь въ 12 стр. толстой бумаги съ заглавнымъ листомъ: «Смѣсь. № 1-й. Дрезденъ. 1814», и съ эпиграфомъ:

Пріятна мнѣ съ трудомъ забава пополамъ;
Пріятенъ слабый трудъ, когда онъ милъ друзьямъ!

Въ ней: 1) Путешествіе на Парнассъ, съ выноской: «Подражаніе Крылову». Помѣта: «Дрезденъ, октября 15 дня 1814 г.» 2) Бой, съ помѣтой: «Альткирхъ. Мая 7 дня 1814 г.» 3) Луна. Вольный переводъ съ франц.; помѣта: «Дрезденъ, сентября 29 дня 1814». 4) Сентиментальное письмо къ другу моему Филиппу Васильевичу Голубеву». Говорится въ прозѣ о «любезныхъ дѣвицахъ Эмиліи и Флоринѣ, кумирахъ, боготворимыхъ» ими обоими. Письмо обрывается на полуфразѣ, ибо продолженіе тетради оторвано.

3) Листъ прозы съ помѣтою надъ 1-й статьей «Шафгаузенъ. Марта 25 дня 1814»—историческое описаніе Шафгаузена. 2-я: «Нѣчто о среднихъ временахъ», напечатана нами, какъ образчикъ первыхъ опытовъ Рылѣева (стр. 190). На этомъ же листѣ набросано позднѣйшимъ почеркомъ стих. «Прости, что воинъ дерзновенный», которое встрѣчается въ тетрадяхъ поэта подъ заглавіемъ: «Извиненіе предъ Н. М. Т.»

4) «Письма изъ Парижа въ 1815 г.» Дневникъ, которому дана, вѣроятно уже впослѣдствіи, форма писемъ. Онъ весь наполненъ описаніемъ Парижа и заключаетъ подробности, почти всѣмъ извѣстныя изъ «путеводителей», хотя есть немного и личныхъ наблюденій. Вся тетрадка (въ 4-ку) заключаетъ 24 стр. и 8 писемъ; первое и начало 2-го оторваны. Мы привели отрывки изъ 3-го и 4-го писемъ (стр. 191—193); замѣтимъ, что въ 5 письмѣ Р. приводитъ свой разговоръ, въ которомъ предпочитаетъ петербургскаго Дю-

пора парижскому Вестрису и превозноситъ Колосову. 8-е письмо помѣчено 23 сент. 1815 г. и начинается словами: «Наконецъ я оставляю Парижъ».

5) Комедія (безъ заглавія); тетрадка въ 4-ку, 30 страницъ. Дѣйствуютъ маіоръ съ дочерью и капитанъ съ сыномъ. Все содержаніе основано на разсѣянности отцовъ, изъ которыхъ маіоръ напр. запираетъ влюбленныхъ въ одну комнату, желая ихъ разлучить, а капитанъ, придя къ нему, принимаетъ его квартиру за свою; ему попадаются газеты 1812 г. и онъ, а потомъ оба дивятся вторичному нашествію Наполеона, недоумѣвая, какъ онъ успѣлъ уйти съ о. Св. Елены. Нѣкоторыя сцены вообще недурны и разсказъ живъ.

6) На отдѣльныхъ листахъ прозаическія статьи, напечатанныя въ Невскомъ Зрителѣ. 1) «Провинціалъ въ Петербургѣ. Магазины», подпись Р-ѣ-ъ, 2) «Чудакъ. Повѣсть», подпись К. Р-въ, 3) «Провинціалъ въ Петербургѣ. Женская игрушка»—подпись Z. (разсказъ этотъ не напечатанъ) и 4) «Древніе и новые» — подпись Z; всего 8 полулистовъ. Разсказъ «Женская игрушка» до половины переписанъ на особомъ мѣстѣ, второй полулистъ котораго занятъ наброскомъ стихотворенія: «Повѣрь, я знаю ужъ, Дорида!»

7) Тетрадка изъ 36 стр. почтовой бумаги, небольшаго формата, съ золотымъ обрѣзомъ, подъ заглавіемъ: «Опыты въ стихахъ Кондратія Рылѣева. Книжка первая», съ тѣмъ-же эпиграфомъ, какъ и на Дрезденской тетради. Въ ней: 1) экспромптъ Н. М. Р-ой (Рылѣевой), 2) Тоска, 3) Вольный переводъ изъ Сафо, 4) К. И. А-ву (въ отвѣтъ на письмо), 5) Тріолетъ Наташѣ, 6) Утесъ, 7) Четыре степени любви, 8) Пѣсня: «Je vous assure, что вы мнѣ милы», 9) Романсъ: «какъ счастливъ я», 10) Н. М. Т-вой. На предложеніе ея, дабы я написалъ стихи на надежду, 11) Звѣзда-путеводитель, 12) Пріятелю. На бракъ Н(астасьи) М. Т-вой, 13) Богатство. Изъ Анакреона, 14) Эпиграммы: «Вчера комедію мою играли», «Ты видѣлъ Фирса чу-

дака» и «Узрѣвъ, что Слабоумъ», 15) Рѣзвой Наташѣ 16) Мечта, 17) Къ надеждѣ и 18) Бой. Послѣ этого надписано: «Конецъ первой книжки».

8) Тетрадка на почтовой бумагѣ въ 4-ку въ 24 стр., съ 26 стихотвореніями, частію тождественными съ находящимися въ предыдущей: 1) Натальѣ Мих. Тевешовой (въ день ангела ея), 2) Пѣсня (8 предыдущей тетради), 3) Въ альбомъ дѣвицѣ N., 4) Наташа, Амуръ и я, 5) Тріолетъ Наташѣ, 6) Мечта, 7) Мотылекъ, 8) Къ Крылову (упоминаются Боярскій и Норовъ), 9) Н. М. Т-ой, 10) Къ портрету N., 11) Пѣсня. Отвѣтъ на извѣстную арію изъ Русалки: «Вы къ намъ вѣрность никогда» и пр., 12) Друзьямъ (въ Ретово), 13) Посолъ, 14) Сонъ. Изъ Анакреона, 15) Утесъ, 16) Пѣсня. На голосъ: «вицятъ меня въ народѣ», 17) Эпиграмма: «Надутовъ для Прелесты», 18) Звѣзда-путеводитель, 19) Къ Лачинову. Въ Москву (упомин. Боярскій и Фроловъ и что самъ живетъ въ Жмуди), 20) Въ альбомъ Ея превосх. К. И. М-ной (Малютиной), 21) Эпиграма: «Пегасъ Надутова весьма, весьма упрямъ», 22) Четыре степени любви, 23) Извиненіе предъ Н. М. Т-вой, 24) Пѣсня «Прости, за славою летящій», 25) Къ ней, 26) Пѣсня: «Тише, вѣтерочикъ».

9) Такая-же тетрадь въ 12 стр. съ маленькимъ листочкомъ поправокъ. 11-заняты стихотвореніемъ «Пустыня», а на 12-й «Къ С...» (нашъ хлѣбосолъ).

10) Отдѣльные листки въ 4-ку съ стихами. 1) Весна, 2) Къ Н. М. Тевяшовой экспромптъ (стих. 1-е въ 1-й тетр. и къ другу моему 12-е въ 1-й тетр.), 3) Акростихъ: Наталія Тевяшова; помѣта: Подгорное, 17 окт. 1818, 4) Людмила. Баллада, 5) Воспоминаніе (вм. зачеркнутаго: Элегія, посвящается Н. М. Р-ой), 6) К-му-Въ отвѣтъ на стихи и пр. 7) Натальѣ Мих. Тевешовой (въ день ея ангела), августа 26 дня 1817 (стих. 1-е во 2-й тетр.), 8) Рѣзвой Наташѣ (листокъ въ 8-ку; стих. 15, тетр. 1-й). 9) «Минуты счастія промчались». На всѣхъ этихъ листкахъ подписи: «К. Р-въ», «К.

Рылѣевъ» и «Кондратій Рылѣевъ». 10) М. Г. Бедрагѣ: «На смерть Полины молодой». Внизу надписано: «Свойство Болонскаго камня»; а на оборотѣ: «Около Острогожска, на Мерелѣ, Городище», «Объ городищѣ на Пот-й спросить Фролова». «О вѣдьмахъ—у Забуси», «О свадьбахъ. Порча». 11) «Въ сей долинѣ вѣчныхъ слезъ» — черновой набросокъ; на оборотѣ отрывокъ изъ «Пустыни». 12) «Дарами щедрыя природы оживленна»—черновой набросокъ объ Украйнѣ.

11) Листъ обыкновенной бумаги съ 4 стихотв. набѣло переписанными и подписанными: первое К. Рылѣевъ, остальныя: — въ 1) Тріолетъ Наташѣ, 2) Къ Деліи, 3) Счастливая перемѣна: «Свершилось, наконецъ! Я Лидой обладаю», 4) Дорида, Амуръ и я (Дорида вм. прежней Наташи).

12) Листъ позднѣйшаго письма съ Думою «Державинъ» и другой листъ, писанный повидимому еще позже, съ 2 элегіями и посланіемъ къ N. N. (стр. 178 — 179). Послѣднее стих. набросано начерно еще на маленькомъ лоскуткѣ и на оборотѣ написаны стихи на смерть сына.

13) Письма къ роднымъ — напечатанныя въ нашемъ изданіи.

Біографическія свѣдѣнія о Рылѣевѣ сообщены въ слѣдующихъ статьяхъ и изданіяхъ:

1) Въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 г. (стр. 29) упоминается о годѣ рожденія Рылѣева. См. также Рус. Ст. 1872 г., № 10, стр. 438 и № 11, стр. 602.

2) Изъ записокъ Н. И. Греча. «Русскій Вѣстн.» 1868, № 6 (377—385). Статья пристрастная и наполненная клеветами, какъ доказываетъ слѣдующая статья:

3) Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ, Д. А. Кропотова. Тамъ-же 1869, № 3 (229—235). На стр. 240 разсказъ о сватовствѣ не достовѣренъ.

4) К. Ѳ. Рылѣевъ, замѣтка Ѳ. Н. Глинки въ Русской Старинѣ 1871, № 2 (244—246).

5) Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ, кн. Е. П. Оболенскаго. Девятнадцатый Вѣкъ 1872, стр. 312—332.

6) К. Ѳ. Рылѣевъ. Изъ записокъ Н. А. Бестужева. Тамъ-же, стр. 333—350. Къ сожалѣнію напечатаны только излеченія.

7) По поводу воспоминаній о Рылѣевѣ, Е. И. Якушкина. Тамъ-же, стр. 351—361.

8) Біографія Рылѣева, написанная г. Фуксомъ, напечатана при изданіи сочиненій Рылѣева, 1858 г.

9) О дуэли съ кн. Шаховскимъ — въ письмѣ А. Е. Измайлова съ И. И. Дмитріеву, въ Рус. Архивѣ 1871, № 7—8, стр. 983.

10) «Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ,» А. И. Фелькнера, въ Рус. Стар. 1872 г., № 10, 440—441.

11) «Донесеніе слѣдственной коммиссіи» и «Верховный уголовный судъ». Оба изд. въ Спб. 1826.

12) «Восшествіе на престолъ Императора Николая I», гр. М. А. Корфа. Спб. 1857.

13) Въ «Исторіи царствованія Императора Александра I-го», ген. М. Богдановича. Спб. 1871, т. VI, стр. 432—444 и прилож. стр. 62 (о годѣ рожденія).

14) Объ отношеніяхъ къ гр. Н. С. Мордвинову—въ соч. В. С. Иконникова: «Графъ Н. С. Мордвиновъ», Спб. 1873 (стр. 433—445) и въ «Воспоминаніяхъ» дочери графа Н. С. объ отцѣ, Спб. 1873 (стр. 85).

15) Въ «Христоматіи» Н. В. Гербеля, Спб. 1873 г., краткій біографическій очеркъ.

Рецензіи на первое изданіе сочиненій Рылѣева были помѣщены въ 1872 г.

1) Въ газетѣ «Голосъ,» 9 іюня, № 40.

2) Въ «Иллюстрированной Газетѣ,» 22 іюня, № 24.

3) Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 31 іюля, № 191.

4) Въ «Русской Старинѣ,» № 8 на обложкѣ, и № 10 (стр. 438) замѣтка «Любителя Старины».

5) Въ «Вѣстникѣ Европы», № 8, стр. 865—867.

П. Ефремовъ.

